

R $\frac{10}{6254}$

ДЖ. БЭРРИ

80495

80495-4

БѢЛАЯ ПТИЧКА

ЛОГОНЬКИ

P-10-
6954

ДЖ. БЭРРИ

БѢЛАЯ ПТИЧКА

РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
А. ДАМАНСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОГОНЬКИ“
БЕРЛИНЪ 1923

14 997
46641

СМ

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW68, Alte Jakobstr. 129

ДАВИДЪ И Я СОВЕРШАЕМЪ ПУТЕШЕСТВІЕ

Маленькій мальчикъ, называющій меня папой, передаетъ мнѣ иногда приглашеніе отъ своей матери:

— Приходите, буду вамъ очень рада.

И я неизмѣнно отвѣчаю:

— Сударыня, приглашеніе ваше принять не могу.

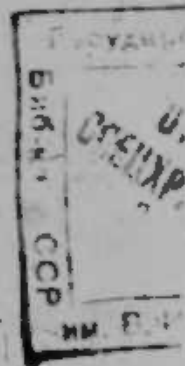
Когда Давидъ спрашиваетъ меня, отчего я отказываюсь отъ ея приглашеній, я объясняю ему, что у меня нѣтъ никакого желанія видѣть эту женщину.

— Приходи, папа, — убѣждалъ онъ меня недавно, — сегодня день ея рожденія... Ей исполнилось уже двадцать шесть лѣтъ...

Возрастъ этотъ, видимо, кажется Давиду весьма преклоннымъ. Онъ полагаетъ, очевидно, что мать его долго уже не протянетъ.

— Двадцать шесть лѣтъ? — удивился я. — Передай, — я сказалъ, что ей можно дать гораздо больше.

Этой ночью мнѣ снился чудесный сонъ. Снилось, что и мнѣ тоже двадцать шесть лѣтъ — что въ дѣйствительности было уже очень давно — и я ѣду по

желѣзной дорогѣ въ какое-то мѣсто, гдѣ мой родной домъ (наяву я никогда никакого родного дома не вижу...). На станціи меня ждала близкая мнѣ любимая женщина, и мы вмѣстѣ пошли къ себѣ, домой. Она встрѣтила меня безъ восторженнаго волненія, и я тоже ничуть не удивился, увидавъ ее, словно мы давно уже были мужемъ и женой и разставались всего на одинъ день. Я даже далъ ей нести одинъ изъ пакетовъ.

Если бы я рассказалъ мой очаровательный сонъ матери Давида, съ которой я за всю мою жизнь ни одного слова не сказалъ, она опустила и затѣмъ тотчасъ въскинула бы головку, и этимъ дала бы мнѣ понять, что опечалена и горда тѣмъ, что я повѣдалъ ей... Она поспѣшила бы, пожалуй, протянуть мнѣ свой наивный, маленькій карманный платочекъ... Если бы у меня хватило духу, я не мало изумилъ бы ее, сказавъ, что женщина, которую я видѣлъ во снѣ, вовсе не была похожа на нее...

Приходилось вамъ, читатель, когда-либо подвергаться настойчивому вниманію со стороны женщины, воображающей, безъ всякаго основанія, что вы изнываете отъ нераздѣленной любви къ ней? Меня вотъ уже нѣсколько лѣтъ преслѣдуетъ своимъ непрощеннымъ сочувствіемъ сердобольная, добродѣтельнѣйшая Мэри А.

Когда мы встрѣчаемся на улицѣ, это бѣдное, сболъщающее себя иллюзіями созданіе сдерживаетъ легкіе быстрые шаги — словно совѣстится своей молодой радостной походки предъ человѣкомъ, сердце котораго она разбила... Шелестъ ея платья звучитъ тогда, какъ тихія слова утѣшенія, и руки ея кажутся

мнѣ нѣжными крыльями, которымъ очень хочется, чтобы я былъ маленькимъ безпомощнымъ мальчикомъ, подобно Давиду... Я улавливаю также и надменную гримаску, но уже когда она проходитъ мимо, и что-то въ родѣ вызова мнится въ этой гримаскѣ...

Глаза, говорящіе: никогда...

Носикъ, говорящій: отчего бы вамъ не попытаться...

И ротикъ, говорящій: я бы даже хотѣла, чтобы вы...

Вотъ портретъ Мэри А. при нашихъ встрѣчахъ съ нею на улицѣ:

Однажды она рѣшилась заговорить со мною и могла потомъ похвастать передъ Давидомъ, будто я говорилъ съ нею... Это было въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Она спросила меня, который часъ, какъ спрашиваютъ дѣти, чтобы забыть объ этомъ, прежде чѣмъ они успѣютъ добѣжать до своей няни... Но такъ какъ я этого и ждалъ отъ нея, то, приподнявъ шляпу, я тростью указалъ ей на башенные часы вдали. Это ее какъ-будто уязвило, но едва я отошелъ отъ нея — я, къ немалой моей досадѣ, услыхалъ ея смѣхъ...

Она смѣется такъ же, какъ Давидъ. А его я легко могу разсмѣшить и люблю слушать его смѣхъ. Она вложила въ мальчика свой смѣхъ. И другія черты свои передала она ему, съ перваго дня своего знакомства съ нимъ, отдѣлывала и шлифовала ихъ, но такъ искусно, что слѣды работы не видны... Это непосредственный ребенокъ, дитя природы. Стоитъ только выпустить его ручку, и онъ срывается, какъ стрѣла съ тетивы... Нельзя глядѣть въ его глаза, не думая о птицахъ. Съ трудомъ вѣрится, что онъ ходитъ гулять въ Кенсингтонскій паркъ... Мнѣ всегда кажется, что онъ сюда слетаетъ, и если бы я сталъ

разбрасывать крошки хлѣба, онъ бы сталъ ихъ кле-
вать — такимъ сдѣлала его эта робкая на видъ жен-
щина, и похоже, будто она сама изумлена, что у нея
такой сынъ. Въ теченіе дня можно наблюдать его
въ сотнѣ очаровательныхъ позъ. Когда онъ спот-
кинется, что съ нимъ случается довольно часто, онъ
растягивается на землѣ, какъ греческій Богъ. Та-
кимъ Мэри А. угодно было сдѣлать его... Но какъ
она тревожится о томъ, чтобы все выходило у него
хорошо... Я видѣлъ однажды, какъ онъ карабкался
на дерево, а она стояла подъ деревомъ и съ без-
молвнымъ ужасомъ смотрѣла на него... Она не за-
претила ему лѣзть на дерево, потому что мальчики
должны быть храбры... Но я увѣренъ — въ минуты,
когда она слѣдила за нимъ глазами, она сама па-
дала съ каждой вѣтки...

Давидъ отъ нея въ восторгѣ. Онъ считаетъ ее
такимъ совершенствомъ, что, по его убѣжденію, она
всегда сумѣетъ исхodataйствовать для него мѣсто въ
раю, сколько бы онъ ни напашалилъ. Иначе онъ не
грѣшилъ бы съ такимъ легкимъ сердцемъ. Она, вѣ-
роятно, замѣтила это: онъ рассказалъ мнѣ, что, по
ея словамъ, она вовсе не такая хорошая, какой онъ
ее воображаетъ.

— А я такъ въ этомъ и не сомнѣваюсь. — ска-
залъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Она такая хорошая, какъ
вы думаете? — спросилъ онъ.

— Быть-можетъ, даже лучше... — отвѣтилъ я.

Помилуй Господь Богъ всѣхъ матерей, несовер-
шенныхъ, безупречныхъ!.. Потому что въ тотъ часъ,
когда мать стоитъ съ обнаженной душою передъ сво-

имъ сыномъ, ей ничего отъ него не скрыть... Эти
страшныя минуты наступаютъ обыкновенно между
шестью и семью часами вечера, когда дѣти, раздѣв-
шись, укладываются спать... Если дѣти ложатся поз-
днѣе, ихъ уже не посѣщаютъ эти откровенія... Ре-
бенокъ, укрытый одеяломъ, тихо лежитъ въ своей
кроватькѣ и большими загадочными глазами смотритъ
на мать. Онъ подводитъ итогъ ея дня. Въ эти зна-
чительныя минуты ее не можетъ спасти то, что сбли-
жало и разлучало ихъ въ часы суетнаго дня... Те-
перь — часъ ея сына, и она должна предстать пе-
редъ его судомъ.

— Хорошо ли я вела себя сегодня, сынъ мой?

И надо сказать правду, потому что — все равно
— отъ него ничего скрыть нельзя. Какъ схожъ въ
эти минуты голосъ матери съ голосомъ сына, только
трепетнѣе, торжественнѣе звучитъ, непохоже на ея
дневной голосъ...

— Ты была не совсѣмъ справедлива... знаешь...
съ этимъ яблокомъ...

И мать стоитъ у кровати, скрестивъ руки, и от-
вѣчаетъ:

— Правда, сынъ мой, правда... я думала...

Но то, что она думала, не можетъ смягчить при-
говора...

— А хорошо это было, мама... Позволила гулять
до шести... А потомъ — зачѣмъ опоздалъ?.. А я вер-
нулся, когда еще шести не было...

— Нѣтъ, это было очень вехорошо... я думала...

— Я сказалъ, что еще шести не было... значитъ,
это была ложь?

— О, мальчикъ мой, мальчикъ мой, и никогда больше лгать не буду...

— Да, мама... Пожалуйста, больше не лги...

— Мальчикъ мой, ну... а... а вообще — я была хорошая сегодня?

Представьте себѣ, что на этотъ вопросъ сынъ вашъ не могъ бы отвѣтить „да“...

Вы должны повиниться въ мельчайшихъ своихъ прегрѣшеніяхъ. Это дѣло не шуточное — нарушать договоръ, подписываемый при рожденіи ребенка... Есть матери, убѣгающія отъ своихъ дѣтей въ вечерній часъ, но это ихъ отъ суда не спасаетъ... Отчего столько матерей не хотятъ оставаться наединѣ со своими мыслями въ вечерніе часы? Я не васъ, Мэри, имѣю въ виду. Я увѣренъ, что, когда вы тихо закрываете за собою дверь въ комнату Давида, глаза ваши свѣтятся радостью и благостнымъ сознаніемъ, что Богъ, къ которому маленькіе мальчики обращаются со своими молитвами, очень похожъ на ихъ матерей...

Долженъ упомянуть, что Давидъ крѣпко вѣритъ въ силу молитвы. Однажды у него была схватка съ другимъ юнымъ христіаниномъ, который вызвалъ его на бой, помолвившись предварительно о дарованіи ему побѣды... Давидъ нашелъ, что эта предусмотрительность со стороны его товарища — злостное коварство...

— Такъ, значитъ... Двадцать шесть лѣтъ исполнилось Мэри... Старится твоя мать, Давидъ... Передай ей, что когда ей исполнится пятьдесятъ два — я приду и поцѣлую ее...

Онъ передать, и я понялъ изъ его словъ, что она была возмущена. Теперь, когда я встрѣчаю ее на улицѣ, она надуваетъ губки. Видимо, готовится къ объясненію... Она сказала также, какъ я узналъ отъ Давида, что врядъ ли я буду интересоваться ею, когда ей будетъ пятьдесятъ два года... Очевидно, подразумевая подъ этимъ, что тогда она не будетъ уже такъ красива, какъ теперь... Какъ мало женщины смыслятъ въ красоту! Я не представляю себѣ ничего красивѣе старой женщины съ тонкимъ одухотвореннымъ лицомъ... И долженъ сознаться, меня всегда влекло не къ молодымъ, а къ такимъ, вотъ, старымъ женщинамъ... Я чуть было не влюбился однажды въ одну молоденькую девушку, но вдругъ понялъ, что мнѣ больше нравится ее мать... Я не могу смотрѣть на молодое женское лицо, не заглядывая нетерпѣливо въ будущее и не представляя себѣ это лицо въ пятьдесятъ два года...

О, загадочныя юныя созданія, когда вамъ будетъ пятьдесятъ два года, мы разгадаемъ васъ... Тогда вы будете для насъ открытыми книгами... Вина ваша, если всѣ недостатки, которые искусно скрывала ваша молодость, выступятъ тогда наружу. Но и глубокія мысли, и благородные поступки, и нѣжныя сокровенныя чувства оставятъ слѣды на вашемъ лицѣ, будутъ цвѣсти въ сумеркахъ вашей жизни, какъ цвѣты, распускающіеся лишь съ заходомъ солнца...

Но... не странно ли? Послѣ всего, что я говорю Давиду о его матери, онъ тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что я люблю ее... Этакой непонятливый мальчишка! И я рѣзко говорю ему:

— Слушай, Давидъ... Ты такое же странное существо, какъ и твоя мать...

На что Давидъ отвѣчаетъ мнѣ:

— Потому ты меня и балуешь такъ...

Да... балую... Но вовсе не изъ любви къ матери, а потому, что онъ иногда зоветъ меня отцомъ. Положи руку на сердце, какъ старый солдатъ, говорю — только поэтому... Я не хочу, чтобы онъ это зналъ, Богъ знаетъ, что онъ еще можетъ вообразить, и это отниметъ всю прелесть у нашей дружбы... Чаще всего я для него просто капитанъ Б. Папой онъ зоветъ меня, когда очень торопится и разсѣянъ... Я съ своей стороны никогда не прошу его называть меня по имени. Онъ говоритъ съ жестокой, очаровательной беззаботностью: „Пойдемъ, папа...“

— Ну и пусть... Зови меня папой, Давидъ...

При постороннихъ, въ магазинахъ, на примѣръ, это доставляетъ мнѣ сугубое удовольствіе. Когда Давидъ спрашиваетъ приказчика, сколько онъ денегъ выручаетъ за день и куда онъ ихъ прячетъ, и отчего у него рыжіе волосы, и любитъ ли онъ Ахиллеса, о которомъ Давидъ самъ недавно узналъ и такъ имъ увлеченъ, что умереть готовъ, только бы встрѣтиться съ нимъ, — лавочники принимаютъ меня за его отца...

И сказать не могу, какъ это мнѣ пріятно. Мнѣ хочется подольше уинваться этой радостью, и въ то же время я тороплюсь увести его, прежде чѣмъ ему вздумается разъяснить: „Это, собственно, не мой папа...“

Я отлично представляю себѣ, что было бы, если бы Давидъ встрѣтился съ Ахиллесомъ. Онъ взялъ

бы древняго героя за руку, назвалъ бы его папой и повелъ къ Круглому пруду...

Однажды — Давиду было тогда лѣтъ пять — я послалъ ему записку такого содержанія: „Дорогой Давидъ, если хочешь знать, какъ все это началось, — давай, позавтракаемъ вмѣстѣ въ моемъ клубѣ.“

Мэри, вскрывавшая, какъ я позднѣе узналъ, все мои письма къ нему, дала свое согласіе. И я несколько не сомнѣвался въ томъ, что она наказывала ему хорошенько все запомнить, дабы онъ могъ потомъ все ей передать... Она и сама не знаетъ, какъ это началось... Воображаю, какъ ее разбирало любопытство. Я смѣялся въ душѣ — она, конечно, ждала чего-то весьма романтическаго...

Онъ явился ко мнѣ наряженный, какъ для дальняго путешествія. И видъ у него былъ необычайно торжественный, какой всегда бываетъ у мальчиковъ въ длинныхъ пальто. Шея его обмотана была шарфомъ.

— Когда лѣто подойдетъ, — сказалъ я, — ты снимешь съ себя кое-что изъ этихъ теплыхъ вещей.

— А развѣ... и лѣто будетъ? — спросилъ онъ изумленно и серьезно.

— Не одно, — отвѣтилъ я. — Мы вернемся на нѣсколько лѣтъ назадъ, Давидъ, чтобы увидеть твою мать такой, какой она была до того, какъ ты явился на свѣтъ...

И мы кликнули извозчика.

— Поѣзжай на шесть лѣтъ назадъ, — сказалъ я ему, — и остановись у Старого клуба Фоджи...

Извозчикъ попался намъ непонятливый, и пришлось все время указывать ему дорогу зонтомъ.

Улицы казались намъ уже не такими, какими были утромъ. Такъ, напримѣръ, въ книжномъ магазинѣ на углу продавали теперь рыбу... Я старался обратить вниманіе Давида на то, что происходило кругомъ насъ.

— А я не сталъ теперь меньше? — тревожно спросилъ онъ и съ испугомъ повторилъ:

— Я не стану совсѣмъ... совсѣмъ маленькій, папа... Нѣтъ?

Онъ не рѣшался, очевидно, высказать опасеніе — не исчезнетъ ли онъ совсѣмъ съ лица земли, и нервно сунулъ свою ручку въ мою. Я спряталъ ее въ карманъ.

Вы представить себѣ не можете, какимъ крошкой казался Давидъ, когда мы входили въ двери клуба!

МАЛЕНЬКАЯ БОННА

Теперь прошу васъ вообразить, что Давидъ превратился въ ничто, и перенестись вмѣстѣ со мною на шесть лѣтъ назадъ. Ровно въ два часа дня я вхожу въ курильную клуба...

Звоню, прошу подать мнѣ кофе, черри-бренди, папирсы и сажусь въ свое кресло у окна... Въ ту же минуту я замѣчаю молоденькую дѣвушку, быстрыми, легкими шажками переходящую улицу. Будто на мой звонокъ откуда-то вынырнула...

Я осторожно наливаю кофе въ чашку, придерживая крышку кофейника — дѣвушка въ это время подходитъ къ почтовому ящику. И пока я выбираю подходящій кусокъ сахара, она успѣваетъ разъ шесть взглянуть на свое письмо. Я закуриваю папироску при содѣйствіи Вилльама — она, тѣмъ временемъ, опять перечитываетъ драгоценный адресъ. А когда я прислоняюсь къ спинкѣ кресла, она опускаетъ письмо въ отверстіе ящика. Я потягиваю ликеръ изъ рюмочки, а она смотритъ — подхватили ли почтовые чиновники ее письмо. Я хмуро отвѣчаю на привѣтъ

знакомаго члена клуба, имѣвшаго глупость войти въ курильную, и въ эту минуту ея два маленькихъ воспитанника уводятъ ее отъ почтоваго ящика. Когда я вновь поворачиваюсь къ окну, ея уже нѣтъ. Но завтра, ровно въ два часа я опять увижу ее...

Она, вѣроятно, много разъ проходила мимо окна, прежде чѣмъ я замѣтилъ ее. Я не знаю, гдѣ она живетъ, но полагаю, что гдѣ-то поблизости. Судя по обручамъ въ рукахъ ея буйныхъ воспитанниковъ, дѣвочки и мальчика, она водить ихъ гулять въ С. Джемсъ-паркъ. Лицо у нея усталое и блѣдное. Работаетъ, очевидно, черезъ силу... И другихъ служанокъ, вѣроятно, бѣситъ, что у нея видъ — настоящей барышни.

Позднѣй я замѣтилъ, какъ она часто опускаетъ въ почтовый ящикъ письма. Но событіе для нея — отправка одного какого-то письма. Всѣ другія опускаетъ она быстро, безъ размышлений, и только одно письмо она вводитъ въ отверстіе ящика медленно и торжественно, словно коронованную особу. Я даже видѣлъ однажды, какъ она послала ему поцѣлуй вдогонку.

Затѣмъ, ея кольцо... Она такъ носитъ съ этимъ кольцомъ, что кажется порою — не она сама, а кольцо ея бодро катится по улицѣ... Она ощупываетъ его сквозь перчатку — на своемъ ли оно мѣстѣ, снимаетъ перчатку и подноситъ кольцо къ губамъ, хотя цѣна-то ему грошъ — я въ этомъ не сомнѣваюсь. Она вытягиваетъ руку и разсматриваетъ кольцо на свѣтъ. Останавливается; опускаетъ руку и любуется тѣмъ, какъ выглядитъ кольцо на грязномъ фонѣ тротуара. Поворачиваетъ руку направо и налево; иногда

смотреть на кольцо однимъ глазомъ, прищуривъ другой. И когда вы убеждаетесь, что Фэдняжка твердо рѣшила, наконецъ, думать о чемъ-то другомъ, — она украдкой бросаетъ еще одинъ взглядъ на свое кольцо.

Попробуйте угадать, отчего Мэри была такъ счастлива... Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Всѣ ваши догадки невѣрны. Просто потому, что ее любилъ одинъ молодой оболтусъ... И вмѣсто того, чтобы тужить о томъ, что она — голъ, ничевушка, она прогуливается, веселая и расфранченная, по Пэлъ-Мэлъ, съ вызывающимъ видомъ счастливой невесты... Первое время меня раздражало ея задорно-счастливое личико, потомъ она стала частью моего существованія, вмѣстѣ съ кофе, папирсами и ликеромъ.

Но тутъ начинается уже драма. Вторникъ — значительнѣйшій день въ ея жизни. Она свободна по вторникамъ отъ двухъ до трехъ часовъ дня.

И вотъ, подумайте только: эта особа, получающая, вѣроятно, нѣсколько фунтовъ въ годъ, разъ въ недѣлю имѣетъ нѣлѣй часъ въ своемъ распоряженіи... Какъ она пользуется имъ? Слушаетъ какіе-нибудь курсы, пополняетъ свое образованіе? Какъ бы не такъ! Вотъ что она дѣлаетъ: напяливаетъ на себя всѣ свои хорошенькія тряпки, включая и голубое бѣла, и выплываетъ на Пэлъ-Мэлъ, съ такимъ сияющимъ лицомъ, — что я съ яростью начинаю мѣшать сахаръ въ своей чашкѣ... Въ обычные дни она еще напускаетъ на себя скромность, серьезность... Но въ одинъ изъ вторниковъ она имѣла наглость даже остановиться передъ зеркальной дверью моего клуба, чтобы за ней

мѣнемъ, видите ли, другого зеркала полюбоваться своей физиономіей ликующей невесты.

Длинноногий лодырь тѣмъ временемъ уже поджидаетъ ее у почтоваго ящика, гдѣ они встрѣчаются каждый вторникъ. На немъ всегда одинъ и тотъ же костюмъ, а лицо у него — не допускающее и мысли о возможности знакомства его съ порядочными людьми... Это худощавый, стройный, ловкій англійскій юноша, и я боюсь, что онъ и красивъ вдобавокъ... Говорю — боюсь, потому что откровенно не выношу красивыхъ мужчинъ... Если бы я жилъ въ вѣкъ дуэлей, клянусь, я бы cadaго красиваго мужчину вызывалъ на дуэль. Мнѣ кажется, что онъ едва даже понимаетъ, какъ онъ красивъ... Но Мэри... Мэри понимаетъ... Это ясно. Я догадываюсь, что онъ художникъ, артистъ: онъ такъ быстро приходитъ въ возбужденіе, такъ быстро падаетъ духомъ... Онъ какъ-то странно держитъ большой палецъ лѣвой руки, словно собирается воткнуть его въ дырочку палитры, и рѣшаю, что онъ живописецъ, и съ удовольствіемъ думаю о томъ, что картины его, навѣрно, изъ рукъ вонъ плохи, и никто, конечно, не покупаетъ ихъ... Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что Мэри находитъ ихъ очаровательными — она изъ такихъ женщинъ, которыя иначе не могутъ...

Надо видѣть, съ какимъ восторгомъ онъ встрѣчаетъ ее... Первымъ дѣломъ — разражается хохотомъ. Лицо его оживаетъ, загорается и — „ха-ха“ — и опять — „ха-ха...“ Вамъ кажется, что, слава Богу, кончилось, и вдругъ опять — „ха-ха“ громче всѣхъ прот... а знаю — это крики радости о томъ, что Мэри пришла къ нему, и временами му-

чительно для моего уха звенить молодости въ этомъ смѣхѣ... И все, все готовъ простить ему, кромѣ его молодости...

Онъ такъ возмутительно, такъ вызывающе молодъ, что порой я перестаю владѣть собою и брезгливо приказываю Вильямъ закрыть окно...

Она далеко не такъ проста и откровенна въ проявленіи своихъ чувствъ, какъ ее возлюбленный... Она появляется изъ-за угла, смотритъ въ сторону почтоваго ящика и видитъ, онъ ее ждетъ... Тогда она устремляетъ свои взоры впередъ въ пространство. Онъ замѣчаетъ ее, съ сияющимъ лицомъ бросается къ ней... Она вздрагиваетъ — отъ изумленія и быстро прижимаетъ руку къ своему забившемуся маленькому сердечку.

Тогда я начинаю яростно мѣшать мой кофе...

Онъ смотритъ на нее съ самозабвеніемъ, загорается вѣсь дорогу: она беретъ его подъ руку, прижимаетъ къ себѣ его локоть, и оба гордо удаляются... Мэри не закрываетъ рта. Девять десятыхъ разговора она выноситъ на своихъ плечахъ. Я тщетно стараюсь представить себѣ, какіе они будутъ оба, когда станутъ взрослыми людьми...

Они до смѣшного другъ на друга непохожи, эти два существа, но это нисколько не помѣшало бы имъ пожениться — будь у нихъ грошъ за душой... Исно, какъ день...

Эта дѣвченка, для которой Лондонъ примѣчательнъ лишь, какъ мѣстопробываніе одного молодого чело-вѣка, очевидно, составившаго себѣ о ней совершенно ложное представленіе, не внушаетъ мнѣ ни малѣйшей симпатіи... Но ее счастье спелось уже съ

моимъ ежедневнымъ отдыхомъ въ два часа пополудни. И, когда она однажды прошла по Пэ-ль-Мэ-ль, не опустивъ письма въ почтовый ящикъ, я разсердился... Такъ я разсердился бы и на Вилльяма, если бы онъ нарушилъ одну изъ моихъ привычекъ. Оба ея воспитанника изумились не менѣе моего и вопросительно указали ей на почтовый ящикъ. Но она только покачала головой, провела пальчиками по глазамъ — точь-въ-точь, какъ огорченный ребенокъ — и прошла мимо.

На слѣдующій день повторилось то же самое, и я пришелъ въ такое бѣшенство, что прокусилъ мою папироску... Наступилъ вторникъ, и я молилъ Бога, чтобы такъ или иначе разрѣшилось, наконецъ, это тягостное ожиданіе... Но, увы! Никто изъ нихъ на обычное мѣсто не явился... Быть-можетъ, они перемѣнили почтовый ящикъ? Въ этомъ предположеніи мало вѣроятія — у нея были каждый день красные глаза, и не подлежало никакому сомнѣнію: какая-то большая печаль легла на ея глупое сердечко... Любовь погасила свои факелы, и бѣдная дѣвушка блуждала во мракѣ...

Я чувствовалъ, что способенъ обратиться за содѣйствіемъ къ какому-нибудь бластителю общественной благопристойности.

Что это въ самомъ дѣлѣ! Самолюбивый вы шутъ. Послѣ всего, что вы ей тамъ наговорили, не угодно ли вамъ положить конецъ этой исторіи и дать мнѣ спокойно пить мой кофе... Да, не таковский это былъ молодой человекъ...

Обращаюсь къ вамъ, сударыня! Противная вы дѣвченка, извольте быть веселой впредь — по край-

ней мѣрѣ въ теченіе тѣхъ пяти минутъ дня, когда вы что-то для меня значите... А тамъ можете рюмить сколько душѣ вашей угодно... Возьмите себя, наконецъ, въ руки! Увѣряю васъ, это бездарнѣйшій художникъ. Не далѣе, какъ третьяго дня, я видѣлъ его передъ окномъ дешовенькаго итальянскаго ресторана. Онъ долго, жадно смотрѣлъ въ окно и все свои вожделѣнія въ концы-концовъ утолить — всего-на-всего одной сдобной булкой... Право, Мэри, мы могли бы добиться чего-нибудь лучшаго!

Все напрасно! Ей, извольте видѣть, во что бы то ни стало надо быть любимой... Никакъ не можетъ безъ любви. Я и не представлялъ себѣ, какъ мало нужно женщинѣ, пока она не лишается и этой малости... Все онѣ таковы. Чортъ побери, сударыня, если вы рѣшили до послѣдняго вашего вздоха изображать собою неутѣшную плаксу, то не угодно ли вамъ продолжать эту комедію на какой-нибудь другой улицѣ...

Однако, ей мало того, что она каждый день проходитъ мимо моего окна съ заплаканными глазами... Я открылъ, что каждый вторникъ, между двумя и тремя, она торчитъ на углу и безнадежно глядитъ на романтичный почтовый ящикъ, подлѣ котораго они больше не встрѣчаются... Дни стоятъ вѣтреные, и она напоминаетъ мнѣ сорванный съ дерева гонимый вѣтромъ листъ...

И мнѣ больше ничего не остается, какъ срывать свое сердце на Вилльямѣ...

Наконецъ, жалкая мечта ея все-таки осуществилась. Былъ несчастный вторникъ. Я сидѣлъ подлѣ окна и писалъ письма, когда несчастная показала на своемъ посту, на углу улицы... Я со злобностью вско-

чить съ мѣста съ однимъ единственнымъ письмомъ, которое успѣлъ кончить, рѣшивъ остальные письма написать уже у себя дома. Она умудрилась таки выгнать меня изъ клуба...

Я свернулъ съ Паль-Мэля въ боковую улицу и на кого я наткнулся? Конечно, на ея вѣроломнаго друга... Я изо всѣхъ силъ толкнулъ его въ бокъ, что всегда, впрочемъ, дѣлаю, когда наталкиваюсь на кого-нибудь... Я взглянулъ на него: глаза ушли глубоко въ голову, лицо посѣрѣло и ни одного «ха-ха...» Болѣе жалкаго человѣческаго существа мнѣ никогда видѣть не приходилось... Онъ какъ-будто и не почувствовать моего толчка. Но что меня поразило, онъ напряженно смотрѣлъ въ сторону почтового отдѣленія, и по одному только его взгляду я понялъ, что онъ все еще обожаетъ мою незнакомку... Кто бы изъ нихъ ни былъ повиненъ въ этой ссорѣ, — онъ также жаждалъ примиренія, какъ и она. И, быть-можетъ, онъ каждый вторникъ торчалъ здѣсь, въ то время, какъ она стояла на углу Паль-Мэля, и оба съ тоской смотрѣли на почтовый ящикъ. Но ни онъ ни она другъ друга съ своихъ наблюдательныхъ пунктовъ видѣть не могли...

Мнѣ кажется, что то, что я сдѣлалъ тогда, было не дурно. Я незамѣтно уронилъ письмо къ его ногамъ и побрелъ обратно въ клубъ. Порядочный человѣкъ, найдя письмо на мостовой, сочтетъ своимъ долгомъ опустить его въ почтовый ящикъ. И надо было предположить, что онъ пойдетъ къ ближайшему почтовому ящику...

И входя въ сапогахъ въ рукахъ въ курительную; и въ эту самую минуту онъ подходилъ съ своимъ пись-

момъ къ почтовому ящику. Я взглянулъ на дѣвушку... у нея былъ все тотъ же удрученный видъ... И вдругъ — ахъ! Бѣдная, неужели это далеко зашло...

Она плакала навзрыдъ, а онъ держалъ обѣ ея руки въ своихъ. Раздирающая сердце картина...

Молодой художникъ тоже, навѣрно, разревѣлся бы, если бы не тискалъ ея руки въ своихъ... она, навѣрно, умерла бы, если бы не прижалась головкой къ его груди. Но надо отдать ему справедливость — онъ оказался на высотѣ положенія: онъ кликнулъ извозчика...

— Вильямъ, — весело крикнулъ я: — Живѣй! Кофе, папирсы и черри-бренди...

Я сидѣлъ и наблюдалъ эту давнишнюю сцену, когда Давидъ вдругъ дернулъ меня за рукавъ и спросилъ, на что я такъ внимательно смотрю. И когда я сказалъ ему, онъ бросился къ окну, но не успѣлъ уже увидать особы, которой суждено было стать его матерью. Все, что я рассказывалъ ему о ней, онъ слушалъ однако, съ большимъ вниманіемъ и вставлялъ, между прочимъ, что знакомъ съ человѣкомъ, который такъ громко смѣялся — «ха-ха» — «ха-ха...» И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздражалъ меня своимъ глупымъ любопытными разспросами объ этихъ двухъ дѣтяхъ... Онъ, повидимому, ихъ и считалъ героями этой исторіи. Какъ ихъ звали? Сколько имъ было лѣтъ? Были ли у нихъ обручи? Желѣзные или деревянные? Кто подарилъ имъ эти обручи?

— Ты, очевидно, не понимаешь, милый мой, — кистю замѣтилъ я, — что, не урони я этого письма, никогда бы не было на свѣтѣ мальчика, котораго зовутъ Давидомъ.

Но его такая возможность ничуть не смутила.

— Значить, — весело спросил онъ, — онъ все бы еще леталъ птичкой въ Кенсингтонскомъ паркѣ?

Давидъ знаетъ, что всѣ дѣти нашего квартала носились когда-то птичками въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Оттого къ наружнымъ подоконникамъ въ дѣтскихъ и придѣлываютъ перила, а передъ каминными ставятъ рѣшетки: маленькія дѣти часто забываютъ, что у нихъ нѣтъ уже больше крыльевъ, и дѣлаютъ попытки улѣтѣть въ окно, или въ трубу...

Дѣтей въ такомъ состояніи поймать трудно. Давидъ знаетъ, что у многихъ людей дѣтей вовсе нѣтъ, и наибольшее удовольствіе для него — ходить со мною въ паркъ и смотрѣть, какъ эти обойденные судьбою стараются приманить птичку крошками бисквита.

Для каждого, наблюдавшаго птицъ, не подлежитъ сомнѣнію: птицы отлично знаютъ, что будетъ съ ними, если ихъ поймаютъ, и не вполне увѣрены въ томъ, что новая жизнь будетъ прѣкраснѣе прежней. А если вы оставите подъ деревьями вашу пустую коласочку и будете наблюдать издали, вы увидите, какъ птички слетаютъ на нее и попрыгиваютъ по подушкамъ, по шерстяному одѣяльцу, онѣ приглядываются — хорошо ли быть маленькими дѣтьми, и пошло ли бы это къ нимъ...

Самая очаровательная картина въ паркѣ, это когда дѣти отбѣгаютъ отъ своихъ нянекъ, мирно бесѣдующихъ подъ деревьями, и принимаются кормить птичекъ вдали отъ взрослыхъ... Прежде всего тутъ, конечно: — кусокъ тебѣ, кусокъ мнѣ — и въ обоихъ лагеряхъ безпрерывный хохотъ и говоръ, обмѣнъ восклицаній и разспросы о старыхъ друзьяхъ. Но что

именно они говорятъ, я передать не могу, потому что едва я приближаюсь къ нимъ, они всѣ разбѣгаются въ разныя стороны...

Давида я въ первый разъ увидалъ на лужайкѣ за Дѣтской алейкой: онъ былъ тогда дроздомъ. На землѣ лежалъ рукавъ насоса, изъ котораго весело бѣжала вода. Это и привлекло вниманіе Давида. Онъ слетѣлъ на землю и сталъ болтать лапками въ водѣ... Это очень забавляетъ этотъ рассказъ о первомъ моемъ знакомствѣ съ нимъ. Онъ все позабылъ, во малюпо-малу припомнилъ множество подробностей, въ свое время ускользнувшихъ отъ моего вниманія. Память моя четко удержала лишь тотъ мигъ, когда его поймали за ножку бечевкой и какимъ-то хитрымъ сооруженіемъ изъ прутиковъ. Это было у Круглаго пруда. Онъ никогда не устаетъ слушать эту исторію, но я замѣчаю, что теперь уже не я, а онъ самъ ее рассказываетъ, и, когда доходитъ до бечевки, онъ растираетъ ножку, будто она все еще болитъ у него отъ ссадины...

Давидъ плѣнился вдругъ возможностью стать вновь дроздомъ и быстро крикнулъ мнѣ: Не роняй письма на землю... — и въ глазахъ его уже задрожали отраженія вѣтвей...

— Подумай о матери, — сурово замѣтилъ я.

Онъ отвѣтилъ, что часто прилеталъ бы къ ней. Онъ прежде всего прилетитъ поцѣловать ее. Нѣтъ, прежде всего онъ слетѣлъ бы на кухню и выпилъ бы воды...

— Скажи ей, папа, — добавилъ онъ съ возмущительнымъ безсердечіемъ, — чтобы она всегда нали-

вала кувшинъ до краевъ; а то, если мнѣ наклонять-
ся глубоко, я еще могу утонуть...

— Значить, не ронять письма, Давидъ? Подумай,
каково будетъ твоей бѣдной матери безъ ея мальчика?..

Это произвело на него впечатлѣніе, но онъ по-
бѣдилъ въ себѣ минутную слабость...

— Когда она уснетъ, — сказалъ онъ, — онъ
въ припрыжку по кружевамъ ея ночной рубашки при-
близится къ ея лицу и клонетъ ее въ губы...

— А она проснется и увидитъ, что это только
игрушка, а сына у нея нѣтъ...

Такого горя онъ не въ силахъ былъ причинить
своей матери.

— Ну... ну, роняй письмо, — сказалъ онъ со
вздохомъ.

Я уронилъ письмо, о чемъ уже рассказать и
съ этого все и началось.

III

ЕЯ ЗАМУЖЕСТВО, ЕЯ ГАРДЕРОБЪ, ЕЯ АППЕТИТЪ И ЕЯ ОБСТАНОВКА

Недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ я уронилъ
письмо, я ѣхалъ на извозчикѣ въ казармы, когда
вдругъ услыхалъ это невыносимое „ха-ха“ — „ха-ха“
покрывшее весь шумъ города, — и увидать ихъ обо-
ихъ. Они выходили изъ музыкальнаго магазина, гдѣ
давали пианино на прокатъ...

И я понялъ, что они собираются скоро поже-
ниться. Это было и жалко и смѣшно, но я только ру-
кой махнулъ на нихъ... Эта особа занимаетъ меня
только тогда, когда она несчастна... Она умѣетъ тог-
да казаться худенькой, хрупкой и не такой вовсе,
какая она въ дѣйствительности.

Въ слѣдующій разъ я увидать ихъ передъ мага-
зиномъ дешевыхъ хозяйственныхъ принадлежностей
— эти магазины, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ
волнующихъ соблазновъ Лондона... Оба они жадно
разглядывали витрину. Она съ лихорадочной торо-
пливостью дѣлала пометки на клочкѣ бумаги, онъ...

также быстро подсчиталъ, и въ итогѣ, ничего не купивъ, оба уныло пошли дальше... Я былъ въ веселомъ настроеніи духа...

Не выгорѣло, сударыня, — подумалъ я, — перспективы самыя безнадежныя... Прогулка въ „Контору для найма боннъ и гувернантокъ“ — неизбежна. Не удалось выйти замужъ — на кочергу денегъ не хватило.

Но я плохо еще зналъ эту особу. Черезъ нѣсколько дней я случайно очутился на улицѣ позади нея. Есть что-то неуловимое, чего я опредѣлить не могу, въ шелестѣ ея юбокъ, по которому я всегда догадываюсь о ея близости... Она несла огромный пакетъ, что-то въ родѣ птичьей клѣтки, завернутый въ коричневую бумагу. Она вошла въ лавку старьевщика и вышла оттуда уже безъ пакета. Она не шла, а бѣжала со всѣхъ ногъ къ магазину дешевыхъ вещей. И такъ какъ я никакихъ тайнъ не выношу, то я вошелъ къ старьевщику подъ предлогомъ осмотрѣть его бракованный фарфоръ. На конторкѣ стояла та самая вещь, которую Мэри продала, чтобы обзавестись хозяйствомъ на сумму, вырученную съ этой продажи... И какъ вы думаете, что это было? Очаровательный кукольный домикъ... Въ нижнемъ этажѣ куклы играли чай, въ верхнемъ укладывались спать, одна кукла провожала гостью къ выходнымъ дверямъ... Нѣжныя уста давно уже облизали яркія краски, но въ общемъ это была прекрасно сохранившаяся вещь — очевидно — утѣха дѣтскихъ лѣтъ! И ей пришлось расстаться съ нею для того только, чтобы выйти замужъ...

Лавочникъ, видя, что я разглядываю игрушку, пояснилъ:

— Только что продана намъ одной особой... Она больше не нужна...

Никогда еще не былъ я такъ золъ на Мэри, какъ въ ту минуту. Я купилъ кукольный домикъ, и такъ какъ лавочнику извѣстенъ былъ ея адресъ (отъ него же я узналъ и ея имя), то я поручилъ ему отослать ей игрушку вмѣстѣ съ письмомъ, которое написалъ тутъ же въ лавкѣ: „Сударыня, не дѣлайте глупостей... Вамъ, навѣрно, въ недалекомъ будущемъ опять нуженъ будетъ этотъ домикъ... Имѣю честь и проч. Человѣкъ, обронившій письмо...“

Поразмысливъ, я сообразилъ — слишкомъ поздно, къ сожалѣнію, для того, чтобы отмѣнить порученіе, — что вѣдь, въ сущности, я послалъ ей свадебный подарокъ. А когда я опять увидѣлъ Мэри, она была уже нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ. Это было въ ноябрскій вечеръ, часовъ около девяти, на узенькой улицѣ съ двумя тѣсными рядами лавокъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ улица эта все не могла прийти къ какому-либо опредѣленному рѣшенію: стать ей модницей или попрежнему пребывать простехой... И рядомъ съ наряднымъ новенькимъ домомъ, съ моднымъ магазиномъ, въ какой-нибудь витринѣ все еще красуется огромный языкъ, лижущій сливочное мороженое прямо изъ кадки мороженника. Когда мнѣ приходится проходить по этой улицѣ, находящейся недалеко отъ моего дома, я ускоряю шаги и обыкновенно снимаю очки. Но въ этотъ вечеръ я шелъ, не спѣша... Впереди меня шла Мэри, какъ-то нелѣпо всѣмъ тѣломъ опираясь на руку своего хохотуна, и оба возбужденно

тараторили. Она какъ-будто пеняла ему за то, что онъ куда-то велъ ее, и въ то же время восхищалась тѣмъ, что онъ не слушается ея и не идетъ обратно. Я не могъ понять, въ чемъ дѣло...

И вотъ угодно вамъ знать, зачѣмъ Мэри и ее художникъ забрели на эту улицу? Чтобы купить двѣ свиныхъ котлеты... Честное слово!

Она пыталась убѣдить его, какъ я понимаю, наконецъ, что они живутъ не по средствамъ, и хотѣла увести его домой. Но въ душѣ она любила всякое дерзаніе и восторгалась тѣмъ, что онъ не слушался ея совѣтовъ.

Купивъ котлеты, они радостно, какъ дѣти, побѣжали домой. Я пошелъ за ними, надѣясь выслѣдить, гдѣ они живутъ, но скоро потерялъ ихъ изъ виду... Въ эту ночь въ головѣ моей сложился слѣдующій афоризмъ: Смертный, оставъ всякія попытки догнать хо-рошенькую мелодую женщину, несущую двѣ свиныхъ котлеты."

Я рѣшилъ, однако, узнать, во что бы то ни стало, гдѣ они живутъ... Навѣрно, гдѣ-нибудь недалеко отъ этой лавки. Я даже склоненъ былъ думать, что нанимая квартиру, они соблазнились именно близостью ея къ колбасной...

И вотъ—въ одинъ прекрасный день... Очень романтично то, что я сейчасъ расскажу, но я нисколько этого не стыжусь... Квартира моя во второмъ этажѣ и выходитъ окнами на убійственно чистую улицу, отъ которой меня отдѣляетъ маленький дворикъ, по чему то именуемый садомъ... Онъ такъ малъ, что тѣнь отъ нашихъ деревьевъ падаетъ уже на сосѣдній дво-

оградѣ... Дѣтей въ этомъ возрастѣ называютъ трагедіей матери..."

Если вы завсегда-тай парка — у него свой особый языкъ — то вы по лицамъ этихъ милыхъ матерей легко научитесь опредѣлять возрастъ ихъ дѣтей. Когда сынишкѣ три года, на лицѣ его матери ясно выведены короткіе штаны, и, между нами говоря, Мэри не легко примирилась съ этимъ украшеніемъ.

Ей очень хотѣлось, чтобы мальчикъ ея долго еще оставался маленькимъ, безпомощнымъ ребенкомъ, но онъ отстаивалъ свои права, и я поощрялъ его, потому что мнѣ пріятно было досадить лишній разъ Мэри. Я видался теперь съ Д. видомъ разъ въ недѣлю. Мать его, не подозрѣвавшая моего ксварнаго плана, разрѣшила Ирэнъ водить его ко мнѣ, и мы очень по-дружились съ нимъ, хотя нянька всегда умудрялась огривить мнѣ радость этихъ свиданій. Ирэнъ — должень зачѣтитъ — мало выиграла при болѣе близкомъ знакомствѣ. Она стала чрезвычайно заносчива, властолюбива, а зазналась она, какъ мнѣ казалось, главнымъ образомъ потому, что носила теперь чепецъ съ лентами. Держала она себя очень вѣжно, какъ особа, облеченная отвѣтственной ролью воспитательницы, и говорила о своихъ обязанностяхъ такимъ тономъ, словно черезъ ея руки прошли уже нѣсколько поколѣній дѣтей. Она была также чрезвычайно ревнива и позволяла себѣ критиковать мои воспитательные приемы, что, конечно, вело ко всякимъ препирательствамъ и даже стычкамъ между нами, о которыхъ я со стыдомъ вспоминаю теперь. Я выдвигалъ противъ нея слѣдующія обвиненія:

Она слишком распространялась о том, что можно и чего нельзя... Была взыскательна как фельдфебель.

Уверяла, что на ней настоящий чепец с настоящими лентами, хотя прекрасно знала, что Мэри соорудила его из старой кисейной занавѣски.

Мнѣ совѣстно теперь, что я прибѣгала тогда къ такимъ жестокимъ доказательствамъ, но этимъ только мнѣ и удавалось охлаждать ея излишнее рвеніе.

Она съ своей стороны обвиняла меня въ томъ, что я порчу ребенка своимъ баловствомъ.

Что я не думаю о его будущемъ...

Что я не объясняю ему печальныхъ послѣдствій его капризовъ.

Что я рассказываю ему сказки, изъ которыхъ нельзя вывести никакого нравственнаго поученія...

И въ томъ, наконецъ, что я говорю ему, будто платочекъ исчезаетъ неизвѣстно куда, когда въ дѣйствительности платочекъ исчезалъ въ маленькій жестяной стаканчикъ, который я носилъ при себѣ на тесемочкѣ.

Надо вамъ сказать, что въ тѣ дни я чрезвычайно увлекался всякими фокусами. Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ игрою бровями, я рѣшилъ вооружиться новыми приманками на тотъ случай, если бы манипуляція съ бровями перестала оказывать желанное дѣйствіе...

Штука эта скоро надоѣла Давиду. Такая же судьба постигала потомъ и всѣ другіе мои фокусы. Онъ могъ двадцать разъ требовать повторенія какой-нибудь игры и восторгаться ею, а въ двадцать первый разъ смотрѣлъ на меня немигающими глазами, словно недоумѣвалъ, зачѣмъ я валяю передъ нимъ дурака. Онъ напоминалъ мнѣ тогда королев-

скаго ребенка, который, выслушавъ объясненіе какой-то сложной игры, холодно отвѣтилъ:

— Это намъ нисколько не интересно...

Что можетъ быть обиднѣе! — Потѣшать ребенка, который терпѣливо даетъ вамъ понять, что всѣ ваши выдумки его нисколько не занимаютъ...

Я утѣшалъ себя тѣмъ, что если бы Давидъ умѣлъ говорить, а не только смотрѣть и произносить бѣка, то его сужденія были бы для меня мѣнѣе обидны, но позднѣе мнѣ пришлось въ этомъ разочароваться. Помню — однажды, когда онъ уже велъ самъ съ собою увлекательныя бесѣды и не нуждался въ обществѣ взрослыхъ, я предложилъ показать ему очень смѣшной фокусъ съ коробкой и двумя шариками. Онъ долго смотрѣлъ, а потомъ пресерьезно изрекъ: Ты мнѣ скажи, когда станетъ смѣшно...

Я даже взялъ нѣсколько уроковъ фокусничества у одного чрезвычайно талантливаго юноши, съ длинной шеей и угреватымъ лицомъ. Какъ только я вошелъ въ его полутемную комнату при лавочкѣ, онъ вытащилъ изъ моего кармана вывѣску цырюльника, приговаривая при этомъ:

— Ну, ну, это что еще за штуки!..

Оттого ли, что онъ слишкомъ много зналъ, или оттого, что на немъ была какого-то необычайнаго вида и покроя блуза, но впечатлѣніе онъ произвелъ на меня угнетающее...

Ему совершенно чужды были артистическія радости, и грустно было мнѣ за человѣка, обязанностью котораго было развлекать тысячи человѣческихъ существъ, между тѣмъ какъ самъ онъ не испытывалъ при этомъ ни малѣйшей радости...

Вывѣску цирюльника я вскорѣ и самъ сталъ легко вытаскивать изъ рта Давида. Но тутъ оказалось одно непредвидѣнное затрудненіе: куда припрятать въ Кенсингтонскомъ паркѣ вывѣску цирюльника?..

Дѣти здѣсь были всѣ воспитанныя, милыя и, найдя какую-нибудь вещь, считали своимъ долгомъ тотчасъ разыскать ея собственника.

Фокусникъ увѣрялъ меня, что всюду и всегда кто-нибудь, навѣрно, дастъ мнѣ необходимыя для фокусовъ бутылку и лимонъ. Но я теперь только убѣдился, какія это рѣдкость въ Кенсингтонскомъ паркѣ — бутылка и лимонъ... Волшебную подставочку для яицъ я носилъ при себѣ и съ ея помощью продѣлывалъ удивительныя вещи съ мѣдными монетами... Но и монета въ шесть пенсовъ не всегда бывала надежнымъ соучастникомъ; случалось, что, когда я съ торжествомъ заявлялъ, что монета должна оказаться надѣ рюмки, она вдругъ падала откуда-то на землю... И такіе неблагодарные зрители, какъ Ирэнъ, не останавливались тогда передъ обвиненіемъ въ томъ, что я развращаю и отравляю ложью юную душу... И тщетно я доказывалъ ей сквозь стиснутые зубы, что это была только шутка... Она никакихъ шутокъ не понимала, кромѣ своихъ собственныхъ, о которыхъ она была чрезвычайно высокаго мнѣнія... И меня это нисколько бы не занимало, если бы и Давидъ ихъ не цѣнилъ. И когда я слышалъ, какъ онъ заливался, хохоталъ до слезъ надъ шутками Ирэнъ, — я не могъ подавить въ себѣ презрѣннаго чувства къ нему... Если я, криво усмѣхаясь, останавливался подлѣ нихъ, онъ восторженно подмигивалъ мнѣ, будто говоря: «Она уморительна, Ирэнъ, не правда ли?»

Мы были соперниками, но я старался быть до щепетильности благороденъ въ отношеніи ея, и признавалъ у нея одно безспорное преимущество, а именно — ея каучуковый зубъ. Въ раннемъ дѣтствѣ у нея выпалъ передній зубъ — она вколотила его опять при помощи головной щетки. Но зубъ, тѣмъ не менѣе, опять выпалъ, и тогда она замѣнила его каучуковымъ зубомъ собственнаго издѣлія... Этотъ высканивалъ только, когда она чихала... Если онъ падалъ на ея колѣни, то это значило, что у нея легкій насморкъ, но если зубъ при чиханіи отлеталъ въ другой уголокъ комнаты, то это значило уже, что она по-настоящему простужена. Зубъ Ирэнъ пользовался широкой извѣстностью въ Кенсингтонскомъ паркѣ, и малыши каждый день засыпали ее разспросами о ея необыкновенномъ зубѣ... И я съ своей стороны никогда бы не сталъ пенять Давиду за его вполне естественную гордость собственника, если бы онъ понималъ, что этотъ несомнѣнный талантъ Ирэнъ принадлежитъ, такъ сказать, къ талантамъ низшаго порядка... Я тогда уходилъ отъ Давида и давалъ ему понять, что разъ его благоволеніе можно купить такой дешевой цѣной, то отъ такого сопскательства я вовсе отказываюсь. Но Кенсингтонскій паркъ самый пріятный клубъ въ Лондонѣ... Я не могъ долго бороться съ соблазнами и вновь возвращался туда. Я разыскивалъ Давида по аллеямъ, вводилъ его въ далекіе уголки парка, я видѣлъ только его одного, хотя другія матери — къ величайшему негодованію Мэри — тоже стали наряжать своихъ дѣтей въ такіе же живописные костюмчики, въ которыхъ всегда щеголялъ Давидъ.

Ирэнъ я повелъ къ дантисту, который вставилъ ей настоящій зубъ и тѣмъ сумѣлъ таки, въ концѣ-концовъ, сбить съ нея спесь...

Давидъ продѣлывалъ со мной очаровательныя вещи. Такъ, напримѣръ, моими карманами онъ пользовался, какъ въѣстилищами, въ которыя совалъ все, что попадалось ему подъ руку. Онъ заглядывалъ въ нихъ, какъ въ свои собственные карманы, даже не говоря — съ вашего позволенія — и дома, въшая пальто на вѣшалку, я часто находилъ въ карманахъ жестяныхъ солдатъ, пистолеть, — и вздыхалъ... Помню еще: однажды я приласкалъ въ паркѣ другого мальчика... Давидъ долго смотрѣлъ на это, затѣмъ всталъ, подошелъ къ этому мальчику и поколотилъ его. То же самое продѣлывалъ обыкновенно и Портосъ. Стоило мнѣ обратить вниманіе на другую собаку, какъ онъ тотчасъ бросался на нее, валилъ ее на землю и, ставъ на нее ногами, серьезно и гордо озирался кругомъ. И я тотчасъ понималъ значеніе неожиданной выходки Давида. Онъ открыто заявилъ этимъ, что считаетъ меня исключительной своей собственностью...

Ирэнъ сдѣлала ему выговоръ за то, что онъ побилъ мальчика, и поставила его въ наказаніе подлѣ скамейки на Широкой аллеѣ. И мы, конечно, обмѣнялись съ нею по этому поводу нѣсколькими теплыми словами... При слѣдующей встрѣчѣ съ нею я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю ея. Она тоже важно прошла мимо меня, но потомъ приуныла, а когда я ушелъ изъ парка — разразилась слезами. Она плакала оттого, что я ни при встрѣчѣ, ни уходя, не снялъ передъ нею шляпы... Я узналъ, къ немалому

моему удивленію, что эта моя глупая привычка доставляла ей огромное удовольствіе... Мы не разъ еще ссорились послѣ этого, но я никогда уже не забывалъ снять шляпы при встрѣчѣ съ нею... Я тоже взялъ съ нея обѣщаніе, что она будетъ кланяться мнѣ, и она отвѣтила съ напускнымъ равнодушіемъ, что я насмѣхаюсь надъ нею... Но мое требованіе польстило ей, и долженъ вамъ сказать, что кланялась она восхитительно. — склонивъ немного голову набокъ... Я нахожу очаровательной эту манеру кланяться, и, конечно, она переняла ее у Мэри...

Мнѣ будетъ очень грустно, если вы изъ моего разсказа выведете заключеніе, что я смотрю на дѣтей, какъ на шенятъ, которыхъ надо только забавлять. Можетъ-быть, у меня и была такая мысль, когда я въ первый разъ протянулъ къ Давиду мои непривычныя къ дѣтамъ руки. Сознаюсь, что и тогда и послѣ, пока ему не исполнилось трехъ лѣтъ, я другими цѣлями не задавался и старался только его забавлять... Если это была ошибка съ моей стороны, Господь Богъ проститъ ее мнѣ — я видѣлъ Давида одинъ только разъ въ недѣлю, и у меня было такъ мало опыта въ обращеніи съ дѣтьми...

На нелѣпость всѣхъ моихъ затѣй открылъ мнѣ глаза отчасти самъ Давидъ, отчасти Ирэнъ... Наблюдая ея игры съ дѣтьми, я вскорѣ убѣдился, что какъ дѣти ни падали на всякаго рода забавы, ихъ, однако, гораздо больше волнуетъ какой-нибудь трогательный или поучительный разсказъ. Эта маленькая женщина страстно любила дѣтей и всегда бывала окружена цѣлой кучей малышей, слушавшихъ ее съ благоговѣніемъ... Она съ серьезнымъ и важнымъ лицомъ раз-

сказывала имъ, какъ ведутъ себя настоящіе маленькіе лэди и джентльмены. Въ слушатели были дѣти зажиточнаго класса, она же — недавній оборвышъ изъ Дрюри-Лейнъ... Но она была для нихъ авторитетомъ хорошаго тона, и чѣмъ больше они слушали, какъ опрятны были эти романтическіе герои Ирэнъ, какъ послушны, какъ старательно обходили лужи, тѣмъ больше восхищались ими, хотя выражение ихъ лицъ ясно говорило о томъ, что эти маленькіе, благовоспитанные маленькіе лэди и джентльмены представляются имъ недостижимымъ для нихъ идеаломъ...

Я сочинялъ для Давида много всякихъ сказокъ, обдумывалъ и репетировалъ ихъ передъ моимъ каминномъ, а Ирэнъ знала одну только сказку, но рассказывала ее изумительно... Другой такой сказочницы мнѣ никогда болѣе не приходилось слышать...

Это была очаровательная сказка, и рассказывала ее сама героиня.

— А почему короли и королевы не было дома? — спрашивалъ Давидъ, едва дыша отъ волненія.

— Вѣроятно, — отвѣчала Ирэнъ, подумавъ немного, — они пошли покупать провизію...

Она всегда рассказывала эту сказку, глядя въ пространство, и Давиду казалось, что тамъ, на Широкой аллеѣ, дѣйствительно происходятъ какія-то событія. И, когда она доходила до самаго интереснаго мѣста, грудь ее высоко поднималась. Никогда я не забуду, съ какимъ обиднымъ презрѣніемъ принцъ говорилъ сестрамъ: — Нѣтъ, ни одна изъ васъ не надѣвала этого хрустальнаго башмачка...

И тогда — и тогда — и тогда! — говорила Ирэнъ. Она не дѣлала эффектныхъ театральнхъ

паузъ. Она волновалась потому, что она рассказывала свою собственную повѣсть...

— Ну, ну, ну... скорѣй! — нетерпѣливо стоналъ Давидъ, хотя зная сказку на память.

— Она сѣла... такъ — вотъ сѣла, — въ само-забвеніи, какъ ясновидящая, продолжала Ирэнъ, — и надѣла хрустальный башмачекъ... онъ пришелся ей какъ разъ по ногѣ... И тогда принцъ громко крикнулъ: «Вотъ она, моя невѣста, Золушка! И теперь я поведу ее подъ вѣнецъ...»

Ирэнъ отрезвлялась, какъ послѣ долгихъ грезъ, и гордо озиралась кругомъ на важную публику, прогуливавшуюся по аллеямъ парка...

— Да, она была простой, грязной, бѣдной судомойкой, Золушка! Но честная и добрая и дождалась заслуженной награды... — добавляла она прерывавшимся тихимъ голосомъ, и глаза ее влажно блестѣли...

Я убѣжденъ, что если бы въ это самое мгновеніе подлѣ нихъ появилась добрая фея и коснулась Ирэнъ своей рукой, Давидъ не столь удивился бы, сколько бы заинтересовался... Но я угадалъ тайну этой дѣвочки. Она знала, что въ наше время нѣтъ болѣе добрыхъ фей, но лелѣяла надежду, что если будетъ честной, хорошей дѣвочкой, то и она когда-нибудь будетъ настоящей барыней, какъ ее хозяйка, которую она обожала...

Это страшная, щемящая сердце тайна, — мечта дѣвочки, выросшей въ кварталѣ Дрюри-Лейнъ. И сколько тяжкихъ препятствій предстояло ей одолѣть въ этомъ ужасномъ, огромномъ городѣ. И какъ мало шансовъ у нея было на побѣду...

Помоги тебѣ Богъ, Ирэнъ!

XII

ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ

Если вы не будете знать Кенсингтонского парка такъ, какъ знаетъ его теперь Давидъ, то вамъ трудно будетъ слѣдить за нитью нашей повѣсти.

Кенсингтонскій паркъ находится въ Лондонѣ, гдѣ живетъ король, и дѣти ходятъ гулять въ паркъ каждый день... Но обойти весь паркъ рѣдко кому удается, потому что дѣти должны рано возвращаться домой. Возвращаться домой надо потому, что дѣти должны спать отъ двѣнадцати до часу. Если бы матери не считали необходимымъ этотъ полуденный сонъ, у дѣтей было бы больше времени знакомиться съ паркомъ...

Вдоль парка тянется всегда безконечная вереница омнибусовъ, которые такъ послушны Ирэнъ, что достаточно ей поднять только пальчикъ, и они тотчасъ останавливаются. И тогда она благополучно переходитъ съ Давидомъ на другую сторону улицы. Въ оградѣ парка много, много воротъ, но Давидъ всегда проходитъ одними и тѣми же и, прежде чѣмъ войти, останавливается и болтаетъ немного съ женщиной,

торгующей воздушными шарами. Она всегда сидитъ у воротъ и войти въ паркъ не рѣшается, потому что если бы она хотя на мигъ сняла руку съ желѣзной ограды, за которую крѣпко держится, то воздушные шары взлетѣли бы вверхъ и ушли съ собою. Она сидитъ прямо, прижавъ ноги къ землѣ, потому что шары дергаются на бечевкахъ, и отъ напряженія у нея всегда красное лицо. Въ одинъ прекрасный день у воротъ оказалась другая женщина, потому что прежнюю шары, въ концѣ-концовъ, унесли-таки на воздухъ... Давидъ былъ очень огорченъ, но разъ ей суждено было улетѣть, то онъ очень жалѣлъ, что не видѣлъ, какъ она улетѣла...

Паркъ занимаетъ огромное пространство: и деревьевъ въ немъ миллионы... Прежде всего вы входите въ Фиговую аллею, но отсюда тотчасъ и съ презрѣніемъ удаляетесь, потому что Фиговую аллею облюбовали для себя важничающіе маленькіе барчата, которымъ запрещено водить знакомство съ дѣтьми низшаго круга... Фиговой эта аллея называется, какъ гласитъ преданіе, потому, что дѣти здѣсь всегда одѣты съ иголочки...*)

Давидъ и другіе герои Кенсингтонскаго парка презрительно называютъ этихъ франтовъ „фигами“ — и перемываютъ имъ косточки. О нихъ рассказываютъ самыя невѣроятныя вещи... Они такъ невѣжественны, что игру „cricket“ называютъ „crickets“...**)

Бываетъ, что какая-нибудь благоправная „фига“ взбунтуется и перелѣзаетъ черезъ заборъ, какъ на-

*) Непереводимая игра словъ: Fig — фиговое дерево; dressed in full fig — быть съ иголочки одѣтымъ.

**) Cricket — игра; crickets — сверчокъ.

примѣръ, сдѣлала миссъ Мабель Грей, о которой рѣчь еще впереди. Это была единственная порядочная „фига“, память о которой переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе...

Итакъ, минуя Фиговую, мы выходимъ на Широкую аллею. Она настолько же больше другихъ аллей и дорожекъ, насколько отецъ больше своихъ маленькихъ дѣтей. Давидъ спрашивалъ, родилась ли она тоже маленькой и потомъ росла, росла, пока стала совсѣмъ большой, и дѣтьми ли приходится ей всѣ другія дорожки, и рисовалъ себѣ картину, которая очень смѣшила его: Широкою аллею — маленькой, совсѣмъ маленькой, и въ дѣтской колясочкѣ... На Широкой аллеѣ копошится самая пестрая малолѣтняя публика... Тутъ надо смотрѣть въ оба: то одинъ, то другой малышъ отбываетъ наказаніе подлѣ скамьи, изображающей что-то въ родѣ лобнаго мѣста. Одни — за то, что были „бѣшеной собакой“, другіе — за то, что были „Мэри-Анни...“ Быть „Мэри-Анни“ — значитъ вести себя, какъ дѣвченка — рюмить оттого, что няня на минуту отошла въ сторону, или сосать свой палецъ, и вообще — быть „Мэри-Анни“ это большой позоръ... А „бѣшенная собака“ это значитъ брыкаться, давать пинки направо и налево, и надо сказать, что многіе находятъ въ этомъ большое удовольствіе...

Если бы я сталъ перечислять всѣ достопримѣчательности Широкой аллеи, мы бы и до половины ея за день не прошли... И потому я только указываю моею тростью на дерево Чекко Юлетта, на замѣчательное мѣсто, гдѣ мальчикъ по имени Чекко потерялъ пенсъ и, разыскивая его, нашелъ два пенса. Съ тѣхъ поръ здѣсь производилось множество раско-

покъ людьми, чайшими клада... Немного дальше стоялъ маленький деревянный домикъ, въ которомъ когда-то прятался Мармадукъ Перри... Это самая жуткая легенда Кенсингтонскаго парка. Въ теченіе трехъ дней Мармадукъ Перри былъ „Мэри-Анни“ и въ наказаніе его привезли въ паркъ, на Широкою Аллею въ платицѣ его сестры. Тогда онъ спрятался въ маленькомъ деревянномъ домикѣ и не выходилъ оттуда до тѣхъ поръ, пока ему не привесли его штанишки съ карманами...

Предметъ всеобщихъ вожделѣній это Круглый прудъ... Но няни не полагаются еще на здравый смыслъ своихъ воспитанниковъ и, отвлекая ихъ вниманіе отъ Круглаго пруда, водятъ къ Большому Пенсу или къ Дворцу маленькой дѣвочки... Это была самая красивая въ паркѣ дѣвочка. Она жила одна въ своемъ дворцѣ, окруженная штатомъ куколъ и нянекъ... Вставала она въ шесть часовъ, сама зажигала свѣчку, открывала дверь, и ее встрѣчали ликующими криками: „Да здравствуетъ королева Англіи!“ — Давида больше всего поражало то, что она всегда помнила, гдѣ лежатъ синички... А Большой Пенсъ — это была воздвигнутая въ честь ея статуя...

Холмъ — это мѣсто на Широкой аллеѣ, гдѣ играютъ большія дѣти... Здѣсь происходятъ непрерывныя ристалища. У васъ, напримѣръ, нѣтъ никакого желанія бѣгать, но едва вы приходите къ этому мѣсту, вами овладѣваетъ какой-то бѣсъ, и вамъ уже не стоитъ, вы начинаете бѣгать встѣдъ за другими... Но иногда силы измѣняются вамъ и тогда — крышка! Вы погибаете... Но къ счастью, въ двухъ шагахъ отъ Холма — другой деревянный домикъ — „Убѣжи-

ще для заблудившихся... Вы говорите маленькому сторожу, что вы заблудились, и онъ утѣшаетъ васъ дорогу... Весело мчаться внизъ съ вершины холма, но, увы, въ вѣтренные дни это удовольствіе недоступное — потому что въ вѣтренные дни мы сидимъ дома, и вмѣсто насъ съ холма летятъ внизъ падающіе деревья листья.

И, сидя дома, мы мечтаемъ о томъ, какъ красиво летятъ съ холма увядшіе листья...

Съ Холма мы видимъ ворота, названныя по имени миссъ Мабель Грей, той самой „фиги“, о которой я общалъ вамъ рассказать... Съ ней всегда приходили дѣтскія няни — быть-можетъ, впрочемъ, одна изъ нихъ была мама, а другая — настоящая няня... И долгое время это была примѣрная, благонравная дѣвочка, всегда покашливавшая, всегда вѣжливо говорившая другимъ „фигамъ“ — здравствуйте... А играла она — это надо было видѣть!.. Подбросить чуть-чуть мячикъ и посылаетъ няню поднимать его... Но въ одинъ прекрасный день ей все это надоѣло, и она превратилась вдругъ въ „бѣшеную собаку...“ Что бы никакого сомнѣнія быть не могло въ томъ, что она, дѣйствительно, бѣшенная собака, она первымъ дѣломъ развязала шнурки у своихъ ботинокъ и стала показывать языкъ — на востокъ, на западъ, на сѣверъ, на югъ... Затѣмъ бросила свой поясъ въ лужу и принялась отплясывать дикій танецъ.

Она плясала въ лужѣ до тѣхъ поръ, пока не забрызгала себя грязью съ головы до ногъ. Тогда она влѣзла на ограду, гдѣ предѣлала еще тысячу невѣроятныхъ вещей. Наконецъ, бросилась къ воротамъ, названнымъ позднѣе ея именемъ, и побѣжала

по улицамъ, въ которыхъ мы съ Давидомъ не были никогда, хотя до насъ не разъ доносился ихъ глухой гулъ... Мабель Грей неслась безъ передышки изъ одной улицы въ другую и, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно, если бы мать ея не вскочила въ омнибусъ и не догнала ее... Все это случилось, долженъ добавить, давнымъ-давно, и Давидъ не имѣлъ удовольствія лично знать эту миссъ Мабель Грей.

По правую руку отъ Широкой аллеи идетъ Дѣтская аллея, на которой всегда столько колясочекъ, что вы могли бы шагать по малышамъ, какъ по ковру, если бы няньки ничего противъ этого не имѣли... Отсюда узкая дорожка, — Мальчикъ-съ-пальчикъ, — ведетъ къ Закусочной аллеѣ, всегда заставленной котелками и бутылками... Когда дѣти пьютъ молоко или воду, въ кружки ихъ падаетъ каштановый цвѣтъ.

Затѣмъ мы подходимъ къ колодцу св. Говора, который полонъ былъ воды, когда въ него упалъ Малькольмъ Смѣлый... Онъ былъ любимцемъ своей матери, и такъ какъ она была вдова, то онъ позволялъ ей обнимать себя при постороннихъ... Онъ былъ большимъ охотникомъ до всякихъ приключеній и любилъ играть съ трубочистомъ, который убитъ на своемъ вѣку много, много медвѣдей... Трубочиста звали Сути. Однажды они играли оба подлѣ колодца. Малькольмъ по неосторожности своей упалъ въ колодець и навѣрно бы утонулъ, если бы Сути не нырнулъ въ воду и не вытащилъ его. Въ колодець съ трубочиста сошла вся грязь, и Малькольмъ узналъ въ немъ своего давно умершаго отца... И съ той поры онъ не позволялъ больше своей мамѣ обнимать себя при постороннихъ...

Между колодцем и Круглым прудомъ находятся площадки для крокета, но на нихъ никто, обыкновенно, не играетъ. Препирательства о томъ, гдѣ кому играть, длятся такъ долго, что до самой игры рѣдко доходитъ дѣло... Въ паркѣ ведется двойкаго рода игра въ крокетъ: одна подъ именемъ мальчишескій крокетъ, — это настоящий крокетъ съ настоящими молотками; и дѣвочкинъ крокетъ — тутъ играютъ вмѣсто молотковъ ракетками и подъ наблюдениемъ боннѣ.

Дѣвочки совершенно не умѣютъ играть въ крокетъ, и когда Давидъ наблюдаетъ ихъ безпомощныя потуги, онъ не можетъ удержаться отъ ироническихъ восклицаній... И, однако, одна его прогулка ознаменовалась весьма неблагоприятнымъ происшествіемъ. Нѣсколько бойкихъ дѣвочекъ стали подтрунивать надъ свитой Давида, а одна изъ дѣвочекъ вступила даже съ ними въ состязаніе и... Но я лучше умолчу о результатахъ этого злополучнаго матча... Поспѣшимъ къ Круглому пруду. Это главный нервъ жизни Кенсингтонскаго парка...

Онъ находится въ самой серединѣ парка, и, придя къ нему, вы никуда уже больше уходить не хотите. Подлѣ Круглаго пруда невозможно оставаться чистенькимъ опрятнымъ мальчикомъ. На Широкой аллѣ и на другихъ аллеяхъ это еще возможно, но никакъ не подлѣ Круглаго пруда. Просто потому, что здѣсь вы объ этомъ тотчасъ забываете, а когда вспоминаете, на васъ все такъ грязно и мокро, что всякія предосторожности уже излишни... Иные пускаютъ на Круглый прудъ такія большія лодки, что привозятъ ихъ съ собой въ тачкахъ или въ колясочкахъ.

— Мальчикъ или дѣвочка? — продолжалъ онъ уже съ любопытствомъ дурного тона.

— Мальчикъ! — отвѣтилъ я съ яростью.

— Вѣликолѣпно! — крикнулъ онъ и еще что-то добавилъ, чего я не разслышалъ: я съ бѣшенствомъ захлопнулъ окно.

V

ТИМОФЕЙ

Малышъ Мэри кричалъ непрерывно и такъ громко и такъ восторженно, словно щелъ навстрѣчу предопредѣленной ему безоблачно-счастливой жизни... Когда сворачивалъ съ моей улицы въ другую, я часто слышалъ его „ха-ха-ха...“ И звучало оно такъ, будто это было что-то совсѣмъ новое въ мірѣ, хотя онъ просто перенялъ это, какъ попугай, отъ отца... Миѣ нисколько не жаль было этой женщины, но отца я жалѣлъ отъ всей души... — „Бѣдняга! — думалъ я, — сознавать, что каждый разъ, когда сыну вашему весело, онъ дѣлаетъ васъ всеобщимъ посмѣшищемъ... Фи! Вотъ удовольствіе!“

Я зналъ одну очаровательную, хорошенькую дѣвушку, у которой всегда былъ надутый видъ, а люди нечуткіе требовали отъ нея ясныхъ веселыхъ улыбокъ и не догадывались, въ чемъ ея геронзмъ. По природѣ своей — это была веселая, жизнерадостная дѣвушка, но, изучивъ хорошо свое личико, она убѣдилась, что больше всего идетъ къ ней недовольный, хмурый видъ. Она долго боролась со своей врожден-

ной веселостью, пока не побѣдила ея... Обычная женская исторія! Милая Маргаретъ, когда наступаетъ ночь и ты распускаешь свои волосы, разбрасываешь ли ты себѣ быть самой собою, или и тогда не даешь себѣ воли и спишь, бѣдная, съ недовольной гримаской на лицѣ?..

Но неужели ребенокъ-мальчикъ способенъ на такое самопожертвованіе ради отца?..

Посмотримъ... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я рѣшилъ послать Давиду лошадь-качалку. Меня сопровождалъ въ игрушечный магазинъ мой сень-бернаръ, хотя я неохотно вожу его съ собою въ игрушечные магазины — это его очень возбуждаетъ... Однако, игрушки, которыя я покупаю, я покупаю для него, и такъ какъ мы не рѣшаемся сознаться въ этомъ приказчикамъ, то въ магазинѣ мы оба сдержанны и серьезны. Разъ двадцать говорилъ я ему, чтобы онъ оставался дома. И, наконецъ, рѣшительно заявилъ ему, что больше не буду брать его съ собою... Но тогда онъ вытягивалъ свои лапы, падалъ на полъ, съ такимъ шумомъ, какъ сброшенный съ размаху мѣшокъ съ углемъ, и, положивъ голову между переднихъ лапъ, смотрѣлъ на меня своими печальными, подъ красными вѣками, глазами. Онъ можетъ смотрѣть такъ цѣлый часъ, ни разу не моргнувъ, и знаетъ, что въ концѣ-концовъ, разжалобитъ меня... Мой песъ не Богъ вѣсть что знаетъ, но то немногое, что ему извѣстно, онъ знаетъ въ совершенствѣ. Изъ квартиры моей можно выйти заднимъ ходомъ, и я иногда незамѣтно крадусь къ дверямъ, но я не могу не обернуться, и, обернувшись, я читаю въ глазахъ его печальный вопросъ: „Достойно это тебя?“

— Ну, чертъ съ тобой, — говорю я тогда, — собирайся, живѣй... — Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Онъ бывалъ и въ клубѣ и поднимался по лестницѣ съ такимъ важнымъ видомъ (ни дать, ни взять какой-нибудь почтенный членъ клуба), что посѣтителю становилось не по себѣ... Не помню, у кого я купилъ его... Кажется, объявление о немъ вырѣзали изъ юмористическаго журнала. Знаю лишь, что дача изъ восьми комнатъ обошлась бы мнѣ не болѣе той суммы, которую я заплатилъ за него...

Онъ былъ уже взрослымъ псомъ, когда я имѣлъ глупость познакомить его съ игрушками. Я купилъ одну игрушку на улицѣ, — купилъ ее для собственнаго моего развлечения. Это была молодая мать, подбрасывавшая своего младенца одной рукой и подхватывавшая его другой... Я сидѣлъ передъ каминомъ и тѣшилъ этой милой семейной идилліей, когда услышалъ за мной кресломъ странные звуки. Я обернулся и едва узналъ благородное грустное лицо моего пса въ этомъ широкомъ звѣриномъ оскалѣ. Я испугался и хотѣлъ было спрятать игрушку, но онъ строго дернулъ меня за рукавъ и далъ мнѣ понять, чтобы я продолжалъ любоваться... Звѣринные звуки вырывались у него каждый разъ, когда женщина роняла младенца, но игра эта, видимо, чрезвычайно увлекала его... Онъ шумно лакалъ воду, чтобы унять свое возбужденіе. Онъ забылъ все свои пристойныя, степенныя манеры, восторженно тискалъ игрушку лапами, уложилъ ее спать съ собою, а ночью съѣлъ ее и на слѣдующій день, искалъ съ такой тоскою, что я долженъ былъ выйти изъ дому и купить ему крестьянина съ косою... Послѣ крестьянина съ косою были у насъ еще —

мальчикъ въ черныхъ сапогахъ, пьяница съ бутылкой, пулистый кроликъ, умѣвшій пищать, и все эти игрушки исчезали такъ же таинственно, какъ молодая мать съ младенцемъ. Но я не рѣшился высказать ему мои подозрѣнія. Онъ и самъ что-то подозрѣвалъ, и его чувствительное сердце было бы уязвлено, если бы я подтвердилъ его подозрѣнія...

Хозяйка игрушечнаго магазина, куда мы ходили съ Портосомъ, полагала, что я покупалъ игрушки для маленькаго мальчика, и называла его «ангелочкомъ» и «крошкой». Портосъ въ это время, важно вытянувшись, стоялъ рядомъ со мной... Эта женщина — добрейшая душа — страдала нѣкоторой многорѣчивостью...

— Ну, какъ сегодня ангелочекъ вашъ? — начинала она съ сіяющимъ, привѣтливымъ лицомъ.

— Хорошо, очень хорошо... — отвѣчалъ я и крѣпко сжималъ ошейникъ Портоса.

— Такая вѣтреная погода... Это не дѣйствуетъ на его аппетитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничуть... (Она была бы немало изумлена, если бы узнала, что «ангелочекъ» съѣлъ въ обѣдь баранью голову, большой круглый хлѣбъ, три кочва капусты и вдобавокъ подозрѣвается еще въ похищеніи бараньей ноги).

— Онъ, вѣроятно, очень любитъ свои игрушки?

— Всюду таскаетъ ихъ съ собою...

— Вотъ... наборъ токарныхъ инструментовъ...

— Не подойдетъ...

— А любить онъ въ землѣ копать, маленькія

вашъ...

— Его любимое занятіе... (когда-нибудь откопаемъ баранью ногу!).

— Тогда не возьмете ли эту хорошенькую лопаточку и ведерко?

Разъ она уговорила меня купить модель Кентерберійскаго собора, и, когда мы вернулись домой, Портось безъ обиняковъ высказалъ мнѣ свое сужденіе объ этой игрушкѣ... Онъ ненавидитъ фребелевскія затѣи, и такъ какъ хозяйка этого магазина горячая сторонница системы Фребеля, то мы стали ходить въ другія игрушечныя лавки. За лошадью-качалкой мы пошли въ Нижніе Ряды... Сколько разъ мы шатались въ нѣмомъ восхищеніи передъ этими зачарованными дворцами — Портось и я, Давидъ и я, Давидъ, Портось и я. Говорять, что это магазины дурного тона... Не понимаю, что въ нихъ дурного. Или то, что входы къ этимъ пылнтельнымъ храмамъ радости всегда обильны оборванной дѣтворой?.. Есть два входа въ ряды, — одинъ парадный со Штранда, и другой — болѣе романтичный, съ переулка, гдѣ Давида, выходящаго изъ магазина съ волшебнымъ фонаремъ, встрѣчаетъ толпа восторженныхъ маленькихъ оборвышей...

А теперь, милые ряды, васъ обрекли на гибель, и вмѣсто васъ будетъ здѣсь не то ресторанъ, не то помѣщеніе для скопища ростовщиковъ, что-то грубо-полезное, пужное людямъ... И всѣ очаровательныя вещи должны исчезнуть отсюда!

Ноевы ковчеги вливаются одинъ въ другой и укладываются въ ящики вмѣстѣ съ заводными лошадьми въ сбруѣ... Вонны съ ранцами цѣлуютъ ручки у своихъ красотокъ, которыя тоже бѣгутъ отсюда... Четвероногая публика толпится вокругъ слона, нагру-

женнаго обстановкой гостиной... Птицы машутъ крыльями. Человѣкъ съ косою прокладываетъ себѣ дорогу сквозь тѣсную толпу. Воздушные шары вздрагиваютъ на туго-натянутыхъ ниткахъ, тихо покачиваются суда съ поднятыми парусами... Все готово къ отплытію.

Лошадь мы купили еще въ Нижнихъ Рядахъ... Портось, полагавшій, что она покупается для него, поглядывалъ на нее съ гордостью и нѣкоторой тревогой... Но лошадь была отправлена анонимно въ маленькій деревянный домикъ... Нѣсколько дней спустя, къ большому моему неудовольствію, встрѣтилъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ мужа Мэри и счелъ долгомъ спросить, какъ онъ называетъ свою маленькую дѣвочку...

— Это мальчикъ, — отвѣтилъ онъ съ востернымъ добродушіемъ. — Мы называли его Давидомъ.

И со свойственной ему безтактностью спросить, какъ я называю моего мальчика.

И трихнулъ перчаткой.

— Тимофей! — отвѣтилъ я.

И видѣлъ, какъ онъ подавилъ улыбку и горячо замѣтилъ, что Тимофей такое же красивое имя, какъ и Давидъ.

— Мнѣ это имя очень даже нравится, — поспѣшилъ онъ закрѣпить меня и выразить надежду, что мальчики наши будутъ друзьями.

Меня подмывало сказать ему, что врядъ ли я разрѣшу Тимофею водить знакомства съ дѣтьми того круга, къ которому принадлежалъ Давидъ... Но я сдержалъ себя и холодно выслушалъ его рассказъ о томъ, какъ Давидъ заливается, когда онъ играетъ его пухленькими пальчиками... Онъ хвасталъ также вѣсомъ Давида, какъ-будто единственное назначеніе

маленькихъ дѣтей въ томъ, чтобы толстѣть не по днямъ, а по часамъ... И ни слова больше о Тимофѣѣ, о которомъ и поговорить некому съ нѣжностью. Я долженъ былъ заступиться за него и завелъ было рѣчь о зубахъ... Но почувствовать тотчасъ нетвердую почву подъ ногами и перевелъ разговоръ на болѣе знакомый мнѣ предметъ, какъ дѣтскіе нагрудники и общее развитіе дѣтей... Художникъ такъ интересовался моими замѣчаніями и обнаруживалъ такую необычайную для мужчины осведомленность о дѣтяхъ, что я скоро стушевался передъ нимъ и удивлялся только, какого чорта онъ такъ внимательно слушаетъ меня.

Какъ я упоминалъ уже, онъ рассказывалъ мнѣ передъ тѣмъ исторію о какомъ-то анонимномъ другѣ.

— Представьте себѣ, — сообщилъ онъ мнѣ, — прислалъ Давиду лошадь-качалку!

— Что же въ этомъ необычайнаго? — замѣтилъ я.

— Подумайте, — сказалъ онъ, — лошадь для трехъ-мѣсячнаго ребенка!

— Стремена сдѣланы такъ, что ихъ можно приладить ко всякой ножкѣ, — едва не выпалилъ я съ бѣшенствомъ, но съчелъ болѣе благоразумнымъ посмѣяться вмѣстѣ съ нимъ. Мнѣ было, однако, тяжело услышать отъ него, что и Мэри смѣялась, хотя одному Богу извѣстно, какъ много разъ я самъ смѣялся надъ нею.

— Но женщины — странныя существа, — неожиданно сказалъ онъ и объяснилъ, почему... Мэри, видите ли, вдругъ перестала смѣяться и сурово замѣтила ему: „Смѣяться тутъ нечему...“ Потомъ торжественно чмокнула лошадь въ носъ и сказала: „Какъ

бы я хотѣла, чтобы онъ былъ здѣсь и видѣлъ, какъ я цѣлую лошадь.“

Пѣтъ, бываютъ мгновенья, когда нельзя не любить этой Мэри...

Но только мгновенья, потому что слѣдующее ея замѣчаніе опять выставило ее въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что она дала себѣ слово узнать во что бы то ни стало, кто этотъ господинъ Анонимъ...

— Это врядъ ли удастся ей, — сказалъ я съ первымъ смѣхомъ.

— Тогда это будетъ первой ея неудачей, — отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь она ничего объ этомъ человѣкѣ не знаетъ.

— А вы бы послушали, какъ она говорить о немъ... Увѣряетъ, что это очень милый чудаковатый, старый холостякъ.

— Старый? — воскликнулъ я.

— Да... Она говоритъ, что онъ скоро совсѣмъ состарится, если не подтянется немного... Во всякомъ случаѣ, холостякъ и очень любитъ дѣтей, но у него никогда не было ребенка, съ которымъ онъ могъ бы играть...

— Да если бы я былъ, не сумѣлъ бы играть съ нимъ, — рѣзко замѣтилъ я, — забылъ уже, вѣроятно, какъ забавляютъ дѣтей... Да? Только и умѣлъ бы что глазѣть на него?

— И то лишь въ присутствіи родителей... Мэри увѣрена, что если бы ребенокъ остался на его попеченіи, онъ отлично справился бы съ нимъ.

— Что за чортъ... — началъ я.

— Такъ она говоритъ... — добавилъ онъ, какъ бы извиняясь. — Это она, я думаю, просто изъ чувства благодарности къ нему...

— Подумаешь! — бросилъ я, но мнѣ стало какъ-то не по себѣ, а когда я опять встрѣтился съ нимъ, онъ прямо меня напугалъ.

— Не знаете ли вы случайно человѣка, — спросилъ онъ, — у котораго большой сенъ-бернаръ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я и взмахнулъ тростью.

— У него сенъ-бернаръ!..

— Какъ вы это узнали?

— Она это узнала.

— Какимъ образомъ?

— Понятія не имѣю.

Я поспѣшилъ распрощаться съ нимъ, потому что Портосъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня...

Исторія эта начала меня пугать, но я тотчасъ принялъ мѣры, чтобы отразить опасность... Я нанялъ человѣка для прогулокъ съ Портосомъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ и далъ ему слѣдующія инструкціи: „Если вы замѣтите, что за вами идетъ молодая женщина съ подержанной дѣтской коляской, тотчасъ же кликните полицейскихъ и скажите, что она очевидно намѣрена украсть собаку...“

Не угодно ли, Мэри?

— Кстати, — сообщилъ мнѣ ея супругъ при слѣдующей встрѣчѣ, — лошадь, о которой я говорилъ вамъ, стоитъ три гиней.

— Она пошла въ лавку справляться объ этомъ?

— Нѣтъ, не объ этомъ, а о вѣншности покупателя...

О, Мэри, Мэри!..

И вотъ какое описаніе вѣншности этого покупателя дали ей въ Нижнихъ Рядахъ: высокій, солидный господинъ, довольно хорошо одѣтъ, съ военной выправкой... Прямой римскій носъ (совершенно вѣрно!), рѣдкіе волосы тщательно, ровно, какъ скрипичныя струны, расправлены по обѣ стороны пробора, для того, вѣроятно, чтобы ихъ казалось больше (фуй!), прежде чѣмъ сѣсть, смахиваетъ платкомъ пыль со стула и, вообще, манеры у него старой дѣвы (хотѣлъ бы я знать, какія, наприимѣръ!), томительно-учтивъ, но не очень общительный; лицо угрюмое; лѣтъ сорока пяти (ложь); ходитъ всегда съ большимъ желтымъ псомъ, у котораго печальные глаза (они думаютъ, что красныя вѣки. — это печальные глаза).

— Не знаете ли такого человѣка? — невинно спросилъ меня мужъ Мэри.

— Дорогой мой, — отвѣтилъ я, — да почти все мои знакомые болѣе или менѣе подходятъ подъ это описаніе.

И это была правда: у насъ, въ клубѣ, мы съ годами все становимся похожи другъ на друга. Но въ обществѣ я остался доволенъ этимъ разговоромъ, такъ какъ узнать, какимъ образомъ она провѣдала о моемъ сенъ-бернарѣ... Однако, когда я въ одинъ прекрасный день увидалъ изъ-за занавѣски Мэри, пылливо вглядывавшуюся въ мои окна, мною вновь овладѣло безпокойство. Она остановила какую-то няню съ ребенкомъ и разсыпалась передъ нимъ въ восторгахъ. Я былъ увѣренъ, что она спрашивала, не зовутъ ли ребенка Тимофеемъ... И если его зовутъ иначе, то не знаетъ ли она другой няни, которая нянчитъ Тимофея...

Подозрѣнія Мэри, очевидно, пали на мою особу. Однако, я ухватился за мысль о Тимофее и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось знать о немъ больше того, что я зналъ, потому что я все встрѣчался случайно съ другимъ отцомъ, и онъ всегда останавливалъ меня для того, чтобы поговорить о нашихъ мальчикахъ... И предлагалъ такіе интимные вопросы: какъ Тимофей спитъ, какъ онъ просыпается, какъ вновь засыпаетъ, въ чемъ мы его купаемъ... Хорошо еще, что у дѣтей и у собакъ много общаго — я про Портоса и говорилъ...

Какъ онъ спитъ (спокойно), какъ онъ просыпается (очевидно, отъ тревожныхъ сновъ), какъ вновь засыпаетъ (прижавъ лапку къ носу); и только насчетъ ваннъ я не распространялся (Портоса мы купаемъ въ карболовомъ растворѣ и тремъ жесткой щеткой).

Мужъ Мэри несколько меня не подозрѣвалъ, и я надѣялся, что и она тоже окажется великодушной. Но, тѣмъ не менѣе, я былъ насторожѣ. Возможно, что она лишь собиралась съ силами, чтобы неожиданно совершить на меня нападеніе, и это еще больше привязывало меня къ Тимофею... Я точно боялся, что она оторветъ меня отъ него. Какъ-будто это было такъ легко!

VI

МОЯ УТРАТА

Это было въ одинъ майскій день... Я видѣлъ изъ моего окна, какъ Мэри, проводивъ своего мужа до перваго перекрестка, долго махала ему платкомъ, словно онъ отправлялся въ дальнее плаваніе. У нея было лицо счастливой жены, которая намѣревалась отправиться прямо домой и ждать побѣднаго возвращенія своего супруга. А господинъ съ военной выправкой, слѣдившій за нею, грустно улыбаясь, догадывался, что это просто страничка изъ руководства къ Семейному счастью... О, Мэри, меня ты этими улыбками не проводишь!

Какъ только она потеряла мужа изъ виду, она мгновенно преобразилась. Теперь это была дѣловитая, расчетливая женщина. Она осторожно оглянулась на всѣ стороны, съежилась, стала вдругъ маленькой, невзрачной и съ таинственнымъ видомъ заспѣшила куда-то...

«Это еще что?» — подумалъ я и пошелъ за нею. Она часто взглядывала на свои часики, какъ человѣкъ, опасаясь пропустить свиданіе, и смотрѣлъ...

рѣла на нихъ долго, долго, словно это были часы исключительные, — указанія которыхъ можно было понять лишь послѣ долгихъ вычисленій.

Разъ она даже поднесла ихъ къ губамъ.

Я зналъ давно, что она обожаетъ свои маленькіе часики, которые онъ подарилъ ей, кажется, въ тотъ день, когда я обронилъ письмо, но чего ради она цѣлуетъ ихъ на улицѣ? И зачѣмъ она такъ торопливо прячетъ ихъ за поясъ, словно это преступленіе — цѣловать сегодня, когда вздумается, часики, подаренные мужемъ?..

Отъ безпечныхъ мыслей я скоро, однако, перешелъ къ томительному состоянію. Зачѣмъ она привела меня за собою на эту улицу, съ рядами дешевыхъ, цестрыхъ лавокъ? Она ни въ одну изъ этихъ лавокъ не вошла, но медленно, съживаясь подъ взглядами прохожихъ, прошла по улицѣ разъ и другой — настоящее олицетвореніе стыда!.. Мнѣ въ голову никогда не приходило, что это милое лицо можетъ горѣть стыдомъ. Если бы я подошелъ къ ней и назвалъ ее по имени, она, навѣрно, сквозь землю провалилась бы... Но я шагаль по другой сторонѣ улицы и ждалъ. Я тоже ждалъ чего-то и гадалъ — мужчина это или что-нибудь другое? — и, кажется, даже сжималъ въ рукѣ мою трость...

Неужели я заподозрилъ въ чемъ-то Мэри? О, ни на одно мгновеніе! Но во всемъ этомъ было что-то странное. Она пришла, судя по этой робкой таинственности, безъ вѣдома своего мужа, на свиданіе, котораго она боялась и о которомъ не рѣшалась ему сказать. Ей грозила, очевидно, какая-то опасность. И надо было ее устранить, не ради себя, но ради него... Ни-

чего такого, что надо было бы скрывать, Мэри совершить не могла... Но какіе такіе проступки тяжкіе могъ совершить этотъ милый юноша?.. Неужели его смѣхъ пережить бы безчестье? Открытый взглядъ, буйные кудри, милая улыбка, тысячи располагающихъ черточекъ, которыя мы удерживаемъ изъ дѣтства, могутъ еще оставаться при насъ, когда чистота, девичность исчезаютъ изъ души... Но смѣху, юному весеннему смѣху, нѣтъ ужъ тогда мѣста въ ней!.. Только надъ смѣхомъ не властны злыя силы...

А Мэри все ждала... Отъ красоты ея слѣда не осталось. Стыдъ жегъ ея лицо — она была безобразна... Въ этомъ виновать былъ ея мужъ. Я проклиналъ его... Но безъ убѣжденія, потому что, въ концѣ концовъ, кое-что я зналъ о женщинахъ... у меня сохранились кой-какія смутныя воспоминанія, были нѣлныя догадки... И, однако, у меня сомнѣнія не было въ томъ, что Мэри привело сюда какое-то трогательное желаніе сдѣлать что-то хорошее, но чего, быть-можетъ, лучше было бы не дѣлать — потому что это пугало ее... Вернись домой, глупенькая, милая дѣвочка — никогда, ни словомъ не проговорюсь я о томъ, что видѣлъ... Упряmica! Она видитъ передъ собою его лицо въ минуту разставанья... оно сіяетъ свѣтомъ мастерской, въ которой онъ пишетъ свои картины, и, несмотря на всѣ разочарованія, все дѣлаетъ свои мечты...

Это сіяніе — приданое, которое она принесла ему, и, пока сомнѣнія не одолеваютъ его, онъ — сильный человѣкъ...

Такъ страстно хочется ей, бѣдной, вернуться домой и не можетъ рѣшиться... Время отъ времени она дѣ-

ласть нѣсколько стремительныхъ шажковъ, словно рѣшается, наконецъ, уйти съ этой ненавистой улицы, останавливается и возвращается обратно, какъ птичка на приманчивый зовъ лисицы...

Что за безуміе! Женщина, уходи отсюда!

Наконецъ, она рѣшилась. Сдѣлала надъ собою нечеловѣческое усилие, испуганно оглянулась кругомъ и вошла въ ссудную лавку...

И я все понялъ—прежде еще, чѣмъ она вышла оттуда, понялъ въ тотъ самый мигъ, когда за нею захлопнулась дверь... И почему она выбрала, бѣдная, эту улицу, гдѣ никто ее не зналъ, почему такъ растерянно пробѣгала мимо этой отвратительной лавки, прежде чѣмъ рѣшилась войти въ нее, и отчего она такъ часто посматривала на свои часы, которыхъ ей не придется, быть-можетъ, видѣть больше... Ей такъ тяжело было вести свое маленькое хозяйство, но въ присутствіи мужа она всегда улыбалась: онъ и знать не долженъ былъ, куда уплывали ее скромныя бездѣлушки...

Пускай это чудовищно, но я почувствовалъ облегченіе. И даже, когда Мэри убѣгала отъ лавки, гдѣ оставила свои часы, и я замѣтилъ, какъ она осунулась и похудѣла, словно ребенокъ ея слишкомъ тяжелымъ сталъ для ея тонкихъ рукъ — даже въ эти минуты мнѣ легко было на душѣ... И, не снѣша влѣдъ за нею, я медленно побрелъ домой, напѣвая какую-то пѣсенку, но безъ словъ, потому что никогда словъ ни одной пѣсни запомнить не могъ. Я видѣть издали, какъ Мэри зашла въ другую лавку, въ лавку дѣтскаго бѣлья. Было ясно, какъ день, для чего она продала свои часы... Но мнѣ-то какое до этого

дѣло? Я беззаботно тянуть свою пѣсенку... Я замахнулся тростью на фонарный столбъ и не попалъ... Но уличный мальчишка весело разсмѣялся моею неудачѣ: я подмигнулъ ему и сунулъ ему монету за воровство...

Я избралъ бы, вѣроятно, самый легкій путь, который намѣчался естественно складывавшимися обстоятельствами, но судьбѣ угодно было, чтобы я встрѣтился съ мужемъ на его обратномъ пути домой... И первый же его вопросъ подсказалъ мнѣ шальной отвѣтъ.

— Какъ поживаетъ Тимофей? — спросилъ онъ.

И вопросъ этотъ внезапно открылъ мнѣ такую плѣнительную перспективу, переть которой не могъ устоять челоуѣкъ, томившійся въ своемъ будничномъ существованіи по чѣмъ-нибудь необыденному и новому...

— Тимофей умеръ. — вырвалось у меня.

Художникъ былъ такъ пораженъ, что едва въ силахъ былъ выразить мнѣ свое соболѣзнованіе, и я тоже почувствовалъ, какъ сердце у меня упало... Этими необдуманнми словами я, дѣйствительно, похоронилъ моего мальчика... Всѣ мои мечты о Тимофѣ, всѣ мои усилія оградить его отъ презрительныхъ усмѣшекъ влюбленной въ своего сына Мэри развѣялись въ это мгновеніе, какъ дымъ...

VII

ПОГИБШАЯ МЕЧТА

Читатель догадывается, вѣроятно, что я затѣмъ лишь отправилъ Тимофея на тотъ свѣтъ, чтобы отдать Давиду всѣ его рубашечки, нагруднички и туфельки; и пенять на меня за то, что я разстроилъ художника, право, не слѣдуетъ... Несмотря на все его неподдѣльное сочувствіе, я видѣлъ, однако, что разспросы его подсказываются ему отчасти эгоистическимъ желаніемъ отразить отъ себя такой же ударъ судьбы... Таковы они всѣ — родители...

Онъ участливо спросилъ, не можетъ ли быть мнѣ полезенъ чѣмъ-нибудь... Конечно, могъ бы кое-чѣмъ быть мнѣ полезенъ, но я не сомнѣвался, что скажи я ему это, и онъ бы вспыхнулъ, какъ спичка... Я имѣлъ уже возможность убѣдиться, какъ онъ чувствителенъ къ малѣйшему намеку на помощь...

Надо было ждать, чтобы онъ самъ предложилъ... Я заговорилъ о вещахъ, оставшихся въ домѣ, о томъ, какъ тяжело мнѣ видѣть ихъ, и онъ пожалъ мнѣ руку, глубоко растроганный, хотя въ это мгновеніе навѣрно, видѣлъ передъ собой и другой домъ, и дру-

гій дѣтскія вещи. Мнѣ совѣстно было волновать его, но у него не было избытка въ этихъ вещахъ... А потомъ мои признанія меня самого разжалобили, и я не могъ уже молчать... Не могу же я продать эти вещи? И нищимъ не могу отдать ихъ — кто знаетъ, какое еще употребленіе сдѣлаютъ изъ этихъ вещей люди, которыхъ я не знаю... Я рассказалъ ему также объ одномъ моемъ другѣ, отцѣ маленькаго ребенка, который отказался отъ этихъ вещей... Онъ и ему тоже всегда напоминали бы о Тимофѣ... Это, наконецъ, задѣло художника за живое, и онъ сдѣлать предложеніе, котораго я ждалъ...

Мнѣ нелегко было добиться этого, и я злился на него и на себя... Я всегда былъ неловкій, ненаходчивый человекъ, но, разъ затѣявъ что-нибудь, я никогда на полъ-дорогѣ не останавливался.

Жизнь Тимофея, какъ вы, быть-можетъ, догадывались, всегда висѣла на волоскѣ, и я зналъ, что дни его сочтены... Его даже на воздухъ нельзя было выносить... Какъ могъ онъ развиваться и жить при такихъ условіяхъ...

Когда часъ его пробилъ, я почувствовалъ даже облегченіе. Я вспоминалъ, съ какой нѣжностью я поднесъ его въ этотъ день къ окну — посмотрѣть на заходившее солнце, которое унесло его съ собой... Я съ горечью говорилъ ему, что онъ долженъ уйти изъ этого міра, такъ какъ всѣ его хорошенькія рубашечки и туфельки нужны другому ребенку, и, когда солнце, истинный отецъ его, приняло его въ свои дрожащія объятія, онъ улыбнулся на прощанье одной дамѣ, для которой находилъ всегда такія милыя, нѣжныя имена, не вѣдая въ невинности своей, что у маленькихъ бѣ-

лыхъ птичекъ никогда не бываетъ матерей... Миѣ хотѣлось — такъ сильно овладѣла мною мечта о Тимофѣѣ, — чтобы и онъ игралъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, прежде чѣмъ перейти въ иной міръ, ѣздить верхомъ на сухихъ вѣткахъ и ликующими криками звать меня любоваться имъ... Миѣ хотѣлось, чтобы онъ пускалъ бумажные пароходы на Круглый прудъ и гналъ обручи по веселымъ дорожкамъ беззаботнаго дѣтства... По этимъ дорожкамъ бѣгали когда-то и мы, давно, давно, въ свѣтлые лѣтніе дни, пока не вынырнули вдругъ на другомъ концѣ сада взрослыми мужчинами, взрослыми женщинами, успѣвшими уже расплатиться за всѣ свои дѣтскія утѣхи... И миѣ казалось (эта мучительно-сладостная мысль неотступно со мною въ моихъ одинокихъ комнатахъ), что онъ догадывался о моей грусти и, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, давалъ миѣ понять, что не дѣлалъ всего этого вовсе не изъ трусости, — ему даже очень хотѣлось дѣлать все это — но потому, что онъ не похожъ на другихъ мальчиковъ... Съ этими словами онъ выпустилъ мой палецъ изъ своей ручки и на моихъ глазахъ перешелъ въ другой таинственный міръ... Но я знаю, если бы онъ и похожъ былъ на другихъ мальчиковъ, все равно — лучше его не было бы во всемъ мірѣ...

Я начинаю, однако, сомнѣваться въ себѣ самомъ — я не чувствую въ себѣ внутренней отваги, хотя наружно какъ-будто и вполне владѣю собою...

Когда я на слѣдующій день рѣшилъ пойти купить гардеробъ Давиду, я внезапно такъ же оробѣлъ, какъ Мэри передъ входомъ въ есудную лавку... Я струсилъ уже у самыхъ дверей магазина дѣтскихъ

вещей... Мужчина внезапно становится отцомъ — это должно бы усилить въ немъ чувства достоинства и вѣры въ себя, но у меня... у меня не хватило смѣлости войти въ магазинъ... Я давно уже пересталъ бороться съ отвращеніемъ, которое внушали миѣ всякаго рода магазины, за исключеніемъ мастерской моего портного, у котораго я, кажется, бываю даже слишкомъ часто.

И топталась возле магазина, подтрунивая надъ самимъ собою, и почему-то подумать: — вотъ уже три часа; если бы я рѣшился полчаса тому назадъ, все было бы уже кончено...

Въ то самое мгновеніе, когда я храбро двинулся, наконецъ, къ двери, я увидѣлъ вдругъ очень приличнаго господина, пристально — по крайней мѣрѣ такъ миѣ показалось — смотрѣвшаго на меня. Я отпрянулъ назадъ, но, обернувшись, увидѣлъ его все на томъ же мѣстѣ. Для меня ясно было, какъ день, что онъ какимъ-то образомъ проникъ о моемъ намѣреніи. Всѣми силами сдерживая закипѣвшій во мнѣ гнѣвъ, я поклонился и съ ледяной учтивостью сказать:

— Вы, очевидно, раньше моего заняли этотъ постъ...

— Извиняюсь... — отвѣтилъ онъ.

И убѣжденъ теперь, этими словами только обратилъ его вниманіе на себя, но тогда я не сомнѣвался въ томъ, что за его отвѣтомъ таится какая-то задняя мысль.

— И не имѣю удовольствія звать васъ. — выпалилъ я.

— Очень жаль. — отвѣтилъ онъ, смѣясь.

— Долженъ заявить вамъ, милостивый государь,
— сказалъ я, — что буду ждать здѣсь до тѣхъ поръ,
пока вы не уйдете.

И прислонился спиной къ косяку витрины.

...Тогда, наконецъ, онъ вышелъ изъ себя и бросить: „Я здѣсь свиданья никому не назначалъ.“

И тоже прислонился спиной къ другому косяку витрины. Каждый изъ насъ твердо рѣшилъ взять другогоро изморомъ, и видъ у насъ, вѣроятно, былъ презабавный. Мы скоро, впрочемъ, почувствовали это. Нѣсколько минутъ спустя, когда страсти наши улеглись, мы сердечно пожали другъ другу руки и кликнули извозчиковъ.

Но неужели отказаться отъ своего намѣренія? У меня было, правда, много знакомыхъ дамъ, которыя охотно сдѣлали бы для меня эти покупки... Но пришлось бы рассказывать и объяснять, а я всегда предпочитаю обходиться безъ объясненій... Я былъ уже въ отчаяніи, когда меня осенила вдругъ мысль объ Ирэнъ и м-ссъ Хикингъ... Онѣ одиѣ могли осуществить мое желаніе и купить гардеробъ для Давида.

Надо вамъ рассказать, кто такія были Ирэнъ и м-ссъ Хикингъ.

Ирэнъ и м-ссъ Хикингъ — дочь и жена Вилльема, одного изъ нашихъ клубныхъ лакеевъ, въ которомъ мнѣ пришлось жестоко разочароваться впоследствии. Сколько разъ я ждалъ, когда онъ подавалъ обѣду другихъ гостямъ, для того лишь, чтобы пользоваться услугами этого неблагодарнаго олуха. Я цѣнилъ его старанія удерживать для меня столикъ у окна и за это съ своей стороны оказывалъ ему кой-какіе

знаки вниманія. Я позволялъ ему подсказывать мнѣ выборъ блюдъ. Однажды я пожаловался ему на одного члена клуба, который шумно хлопнулъ дверью читальни и напугалъ меня; въ другой разъ я показалъ ему, какъ порѣзалъ палецъ бечевкой.

Этотъ Вилльямъ не принадлежалъ къ людямъ, самолюбиво отстаивающимъ свои мнѣнія. Никогда и ничѣмъ онъ себя не проявлялъ. Въ его присутствіи можно было спокойно составлять заговоръ объ убійствѣ... Однажды одинъ изъ нашихъ членовъ сказалъ ему, что Соуси Сара возьметъ первый призъ на Дерби, а другой, что у Соуси Сара нѣтъ никакихъ шансовъ, и Вилльямъ выразилъ полное свое согласіе съ однимъ и съ другимъ. Онъ напоминалъ мнѣ этого чудеснаго малыя — въ душѣ я всегда считалъ его таковымъ — манильскую сигару, которую можно курить съ обѣихъ сторонъ...

Печальная перемена началась въ немъ, помню, съ одного лѣтнаго вечера.

Я обѣдалъ, по обыкновенію, за столикомъ у окна и два раза уже повторилъ:

— Почки подъ краснымъ соусомъ...

Вмѣсто того, чтобы отвѣтить съ пріятной предупредительностью вышколеннаго слуги: „Слушаю-съ, сэръ“ — и дать мнѣ понять, что выборомъ почекъ подъ краснымъ соусомъ я доставляю ему особое удовольствіе, онъ напряженно смотрѣлъ въ окно и вдругъ вздрогнувъ, спросилъ:

— Вы сказали, сэръ, почки подъ краснымъ соусомъ?

Нѣсколько минутъ спустя, я почувствовалъ, что кто-то опирается на спинку моего кресла...

Можно представить себѣ мое негодованіе, когда я увидалъ, что это не кто иной, какъ Вилльямъ... Вотъ что произошло вслѣдъ затѣмъ... Онъ хотѣлъ наклониться зачѣмъ-то ближе къ окну и позволилъ себѣ ни больше и ни меньше, какъ опереться о мое плечо.

— Вилльямъ, — сказалъ я, — вы, повидимому, не замѣчаете меня...

Надо отдать ему справедливость — онъ тотчасъ испуганно отдернулъ руку, но никогда не забыть мнѣ его дерзкаго оправданія:

— Извиняюсь, сэръ, я думалъ о чемъ-то другомъ...

И опять уставился въ окно и вдругъ заговорилъ, взволнованно и страстно:

— Ради Бога, скажите — что же мнѣ отъ васъ, тантень, всѣ мы люди — скажите, не замѣтили вы, не заглядывала тутъ въ окна одна дѣвочка?

Всѣ мы люди... Но онъ былъ когда-то отѣвливый, исполнительный лакей, и я указалъ ему на дѣвочку. Едва она замѣтила его, какъ выбѣжала на середину Пэ-ль-Мэ-ль. Не обращая никакого вниманія на экипажи (мнѣ казалось, что нѣсколько экипажей переѣхали черезъ нее), она выразительно кивнула три раза головкой и исчезла... Это была препотѣшная, грязная, маленькая смугляночка, лѣтъ десяти. Вилльяму ея появленіе принесло замѣтное облегченіе.

— Слава Богу! — несдержанно-громко воскликнулъ онъ.

Если бы онъ опрокинулъ миску съ супомъ на мои брюки, я и тогда, вѣроятно, не обозлился бы на него такъ, какъ въ эту минуту.

— Принесите хлѣба, Вилльямъ! — рѣзко бросилъ я ему.

— Вы на меня не сердитесь, сэръ? — имѣлъ онъ еще наглость освѣдниться, — правда, тихимъ дрожащимъ голосомъ.

— Это была вольность, — сказалъ я.

— Я знаю, сэръ, но я былъ внѣ себя...

— И это тоже вольность...

— Моя жена, сэръ, она...

Вилльямъ, этотъ Вилльямъ, которому я оказывалъ столько благоволенія, былъ, оказывается, женатый человекъ... Это была уже самая непозволительная вольность...

Я видѣлъ, что Вилльямъ, чѣмъ-то, очевидно, тяжело озабоченный, едва держится на ногахъ, и, такъ какъ послѣ вкуснаго обѣда хочется вѣрить, что на свѣтѣ мало горя и печали, мнѣ захотѣлось услышать отъ Вилльяма, что эти знаки означаютъ улучшеніе здоровья его жены... Но онъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что мнѣ пріятно было бы услышать, отвѣтилъ, что, наоборотъ, докторъ опасается тяжелыхъ осложнений...

— Подумаешь — докторъ! — пробормоталъ я съ досадой.

— Да, сэръ...

— А чѣмъ она больна?

— Она всегда была деликатнаго здоровья, но очень живая... Она недавно родила дѣвочку...

— Вилльямъ, какъ вы могли позволить себѣ такую? — началъ я было, но тотчасъ же сообразилъ, что этотъ папаша можетъ быть мнѣ полезенъ.

— А какъ спать вашъ ребенокъ? — тихо спросилъ я. — Какъ онъ просыпается? Въ чемъ вы его купаете?

Я прочиталъ изумленіе на его лицѣ и, не дожидаясь отвѣта, поторопился добавить:

— Эта дѣвочка, очевидно, приносить вамъ вѣсти отъ вашей жены?

— Да, сэръ, каждый вечеръ. Это моя старшая дочурка... Три кивка означаютъ, что мамѣ немного лучше...

— Сегодня было три кивка?

— Да, сэръ...

— Вы живете, вѣроятно, въ какомъ-нибудь грязномъ кварталѣ, Вилльямъ?

Наглецъ смѣрилъ меня такимъ взглядомъ, словно намѣревался ударить по головѣ.

— Въ Дрюри-Лэйнъ. — отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ, — это не грязный кварталъ. — Онъ помолчалъ немного и добавилъ со вздохомъ: — Она все боится, что умретъ, когда меня не будетъ подлѣ нея, чтобы держать ея руку...

— Такихъ вещей не слѣдовало бы говорить...

— Она и не говоритъ, сэръ... Она всегда успокаиваетъ меня и увѣряетъ, что ей лучше, когда ей вовсе не лучше. Я читаю это въ ея глазахъ, когда ухожу утромъ изъ дому, и она смотритъ на меня съ кровати, а я смотрю на нее съ порога... О, Господи — если бы вы знали, сэръ!

— Вилльямъ!

Онъ догадался, наконецъ, что я сержусь... И надо было слышать, какъ онъ извинялся передо мною и старался отвлечь мое вниманіе отъ своей жены,

какъ отъ неудачнаго блюда... Я пытался забыть за билльярдомъ все, что онъ наговорилъ мнѣ, но играть не могъ... Ему удалось таки разстроить меня... И на слѣдующій день я, въ наказаніе ему, заказалъ обѣдъ черезъ другого лакея. Но я сидѣлъ у окна и не могъ не замѣтить, что дѣвочка опоздала, и такъ какъ мнѣ торопиться некуда было, то я не вставалъ изъ-за столика, пока она не пришла. На этотъ разъ она не только кивнула три раза, но помахала своей шапочкой, и тогда я всталъ.

Вилльямъ нерѣшительно приблизился ко мнѣ.

— У нея, сэръ, температура понизилась, — сказалъ онъ, взволнованно потирая руки.

— Кому вы это докладываете? — холодно спросилъ я и быстро прошелъ въ билльярдную, гдѣ блестяще провелъ двѣ партіи...

Вилльямъ я далъ понять, что болтовню его забылъ, но дѣвочку я наблюдалъ каждый вечеръ... Однажды она противъ обыкновенія не кивнула, а лишь покачала головой, и въ этотъ вечеръ я не могъ положить ни одного шара. На слѣдующій день Вилльямъ не было въ столовой, и я догадывался о томъ, что случилось въ этотъ день. И уныло побрелъ въ читальню и, къ удивленію моему, засталъ тамъ Вилльямъ, смахивавшаго пыль съ книжныхъ полокъ. Комната была въ нашемъ распоряженіи — нѣсколько членовъ, сидѣвшихъ въ креслахъ съ книгами въ рукахъ, крѣпко спали, и Вилльямъ сошелъ съ лѣсенки, чтобы разказать мнѣ свою потрясающую повѣсть. Онъ выругалъ члена клуба...

— Я самъ не свой сегодня, сэръ, я оставилъ ее сегодня утромъ въ такомъ состояніи...

Я топнула ногой.

— Простите, что я опять рассказываю вамъ о ней... — догадался онъ добавить. — Но Ирэнъ обѣщала приходить каждые два часа... Въ четыре часа она прибѣжала съ заплаканнымъ лицомъ... Я со-всѣмъ обалдѣлъ и нечаянно толкнулъ м-ра В... А онъ на меня какъ закричитъ: „Чортъ бы тебя по-бралъ!“ Въ концѣ-концовъ я только едва, едва толк-нулъ его, и меня такъ задѣла его брань, что я со-всѣмъ голову потерялъ и отвѣтилъ:

— Чортъ бы васъ, побралъ!..

Онъ опустилъ горѣвшее отъ стыда лицо, и мнѣ показалось въ это мгновеніе, что нѣкоторые изъ снав-шихъ читателей вздрогнули во снѣ...

— Я тотчасъ ушелъ изъ столовой, — продол-жалъ Вилльямъ, — и вотъ торчу здѣсь, пока совѣтъ рѣшитъ, какъ поступить со мной... О, сэръ, я готовъ броситься на колѣни передъ м-ромъ В...

Что могъ я чувствовать, кромѣ презрѣнія, къ че-ловѣку, способному на такое униженіе изъ-за какого-то фунта въ недѣлю?

— Если я скажу ей, что потерялъ мѣсто, — она тотчасъ же умретъ.

— Прошу васъ не говорить со мной больше объ этой женщинѣ, — сердито сказалъ я, — до тѣхъ поръ, пока не сможете говорить о ней спокойно.

И, предоставивъ его волѣ рока, пошелъ разыски-вать м-ра В.

— Съ чего это вы вдругъ выругали лакея? — спросилъ я.

— Вы хотите сказать, съ чего это вдругъ лакей выругалъ меня? — отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ.

— Вотъ какъ!.. Ну, тогда я очень радъ, — от-вѣтилъ я. — Я не могъ никакъ повѣрить, чтобы вы способны были на такую непристойную выходку... Мы передавали, что вы другъ друга выругали, и что его уволить, а вамъ сдѣлать будетъ выговоръ...

— Кто вамъ это сказалъ? — спросилъ м-ръ В. человекъ по природѣ очень робкій.

— Да вѣдь я состою въ совѣтѣ, — небрежно от-вѣтилъ я и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Но м-ръ В. разсѣянно слушалъ меня и наконецъ сказалъ:

— Знаете, а вѣдь мнѣ могло и послышаться, что онъ меня обругалъ... И завтра же возьму свою жало-бу обратно...

Я былъ очень радъ, что история эта уладилась безъ моего заступничества за Вилльяма.

Изъ читальни, выходящей окнами во дворъ, онъ никакъ не могъ видѣть Ирэнъ. Но я видѣлъ ее изъ окна столовой. Не видя Вилльяма, она никакихъ зна-ковъ не дѣлала, и раздраженный ее недогадливостью, я вышелъ на улицу и спросилъ, какъ здоровье ея матери.

— Охъ! — воскликнула она и, внимательно огля-дѣвъ меня съ головы до ногъ, добавила съ востор-женной почтительностью: „Вы, вѣрно, одинъ изъ нихъ?“ Не трудно было представить себѣ, какими кра-сками Вилльямъ расписывалъ имъ великолѣпіе на-шего бытія...

Больная чувствовала себя немного лучше, и дѣв-ченка прибѣжала лишь сообщить, что мать съѣла всю тарелку супа изъ таліока... Я далъ замарашкѣ шиллингъ и вернулся въ клубъ съ осадкомъ брезгли-ваго чувства въ душѣ.

— Кстати, Вилльямъ, — сказалъ я, — м-ръ В. хочетъ заявить совѣту, что ему должно быть послышалось, будто вы его обругали, и завтра вы, вѣроятно, опять будете служить въ столовой...

И хотѣлъ уже добавить: „Совѣтую вамъ больше не забываться, Вилльямъ...“

Но Вилльямъ тихо и твердо сказалъ:

— М-ръ В. не ослышался... я, дѣйствительно, обругалъ его...

— Джендльментъ, — холодно замѣтилъ я ему, — никогда не запоминаешь надолго словъ лакея...

— Но, сэръ, вѣдь...

Чтобы прекратить, наконецъ, его разсужденія, я сказалъ:

— Да, вотъ что, Вилльямъ... Женѣ вашей лучше... Она съѣла татока — всю тарелку...

— Откуда вы это знаете, сэръ?

— Совершенно случайно узнать...

— Ирэнъ показала это знаками въ окно?

— Нѣтъ...

— Вы, вѣроятно, замѣтили ее и вышли на улицу и...

— Вы слишкомъ много позволяете себѣ, Вилльямъ...

— О, сэръ, я никогда этого не забуду... Благодарю васъ...

— Вилльямъ!...

Его опять водворили въ столовой, но каждый разъ, когда глаза мои случайно останавливались на немъ, я видалъ образъ умирающей жены на его лицѣ, и потому наши отношенія оставались натянутыми. Дѣвочку, однако, я наблюдалъ каждый вечеръ.

Мимика ея была удивительно выразительна, и я зналъ, что больная по вторникъ опять съѣла до-чиста полную тарелку супа, а въ среду яйцо всмятку (надо было видѣть, какъ Ирэнъ постукивала посреди Пэль-Мэля по скорлупѣ этого яйца и какъ она его солила) — и зналъ, что въ четвергъ больной опять было очень худо...

— Что, миссъ Ирэнъ, опять худо сегодня вашей мамѣ? — спросилъ я однажды дѣвочку, отозвавъ ее подальше отъ оконъ клуба.

— Ахъ! — воскликнула она, какъ и въ первый разъ... И обмѣнялась восторженнымъ взглядомъ съ другой дѣвочкой поменьше, которую отрекомендовала мнѣ какъ свою сосѣдку.

Я равнодушно ждалъ отвѣта. Жена Вилльяма, какъ я узналъ отъ дѣвочки, была уже утромъ страшная, какъ смерть, но ей дали выпить водки, и она пришла въ себя.

— Молчи, глупышка! — разсердился я. — Откуда ты можешь знать, какая бываетъ смерть?..

— О, Господи! — отвѣтила она.

Съ помощью подсказывавшей ей подруги, на которую ея близость со мной произвела, видимо, ошеломляющее впечатлѣнiе, она сообщила мнѣ кучу всякихъ свѣдѣнiй о своемъ отцѣ... Я узналъ, что фамилія Вилльяма — м-ръ Хикингъ, и что всѣ сосѣди говорятъ, — ему слѣдовало бы уходить изъ клуба раньше двухъ часовъ утра, потому что женѣ своей онъ нуженъ, чѣмъ въ клубѣ... А Вилльямъ на это отвѣчаетъ, — это дѣлаетъ ему честь, — что если бы въ клубѣ оставалось мало прислуги въ часы, когда гости ужинаютъ, то сколько же имъ пришлось бы до-

ждаться каждого блюда? Онъ сидитъ подлѣ своей жены почти всю ночь напролетъ и увѣряетъ ее, что выпадается днемъ въ клубъ... Говорятъ они больше всего о маленькой... А маленькая находится въ другомъ концѣ Лондона, у одной старухи, потому что на той улицѣ, гдѣ живетъ Ирэнъ, свирѣпствуетъ какой-то эпидемія...

— А что докторъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, что она, быть-можетъ, скорѣе бы поправилась, если бы маленькая была при ней...

— Вадоръ!

— И если бы она жила въ деревнѣ.

— Отчего же Вилльямъ не увезетъ ее въ деревню?

— Ахъ... И если бы она пила портвейнъ...

— Ну, что же... она пьетъ портвейнъ?

— Нѣтъ... Но папа рассказываетъ ей, какъ члены клуба пьютъ портвейнъ...

И не безъ удовольствія отошелъ отъ нея, но она пошла за мной.

— Ты бы сегодня опять! — попросила она робко и вкрадчиво. — какъ въ тотъ разъ... Я сказала ей, что вы... — она указала на свою подругу, смотрѣвшую на меня съ жаднымъ любопытствомъ, — я бы такъ хотѣла, чтобы она видѣла, какъ вы...

Я думалъ, что ей желательно опять получить шиллингъ, но тотчасъ почувствъ изъ ея пантомимы, что ошибаюсь... Ей нужно было, чтобы я опять снялъ передъ нею шляпу. Я снялъ шляпу, поклонился и, уходя, опять оглянулся на нее: она стояла, высоко поднимая головку, а подруга съ благоговѣниемъ смотрѣла на нее. Онѣ были восхитительны, эти двѣ дѣвченки!

Дней семь спустя, я сидѣлъ въ наемномъ ландо и держалъ газету передъ самымъ носомъ, дабы кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ не увидалъ меня въ обществѣ лакея и его жены. Вилльямъ везъ ее въ Саррей, гдѣ она должна была пожить у моей старой няни. Ирэнъ въ яркой крикливой шапочкѣ тоже ѣхала съ нами...

М-ссъ Хикингъ чрезвычайно гордилась своей маленькой дѣвочкой, оказавшейся самой обыкновенной маленькой дѣвочкой, изъ чего я могъ составить себѣ объ ея умѣ самое, конечно, нелестное мнѣние. Когда ей принесли ребенка, она разыграла душераздирающую сцену, потому что, видите ли, она боялась, что дѣвочка не узнаетъ ея.

Я хотѣлъ замѣтить ей, что это было бы въ порядкѣ вещей — вѣдь онѣ такъ недавно знакомы, — но не сталъ ввязываться въ разговоръ. Я боялся маленькой Ирэнъ, которая сидѣла противъ меня, качала ребенка на рукахъ и все время не закрывала рта. Никогда въ жизни не видалъ я такого сорванца. Надо было слышать, какіе вопросы она предлагала ребенку: — „Знаешь, кто подарилъ мнѣ эту шапочку?“ — И сама же отвѣчала. — „А вотъ — этотъ красивый господинъ...“ — И нѣсколько разъ притворялся я спящимъ, потому что время отъ времени она вдругъ заявляла: „Дѣвочка хочетъ поцѣловать красиваго господина...“

Какъ это ни тягостно было для человѣка съ утонченнымъ вкусомъ, но неприятіе всего, однако, были тѣ минуты, когда мы достигли, наконецъ, цѣли нашего путешествія и, благодаря досадному стеченію всякихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, мнѣ при-

шлось пить чай вмѣстѣ съ семьей лакея. Вилльямъ зналъ, что я всякое изъясненіе чувствъ со стороны лицъ его круга считаю для себя обидой, и онъ не высказывалъ ихъ словами, но глаза его были исполнены благодарности. Я велѣлъ ему сѣсть за столъ, и онъ сѣлъ, но тотчасъ вспомнилъ, что я членъ клуба, и вскочилъ на ноги. Нѣтъ ничего не-пріятнѣе робкаго шопота, а онъ то и дѣло шопотомъ спрашивалъ свою бѣдную глупенькую жену: „Ну, какъ ты себя чувствуешь теперь? Не устала? Лучше немного?“ — И когда она отвѣтила, что чувствуетъ себя теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, взглядъ его всю отвѣтственность за эту перемену, конечно, возложилъ на меня. Ребенокъ изъ всѣхъ силъ колотилъ мать рученками въ грудь, и по тому, какъ это ее тѣшило, я выбелъ заключеніе, что она вовсе не такъ слаба, какъ почему-то желаетъ казаться...

Я оставался съ ними дольше, чѣмъ это было необходимо. Мнѣ надо было передать кое-что Вилльяму, и я боялся, что слова мои будутъ невѣрно истолкованы... Но когда онъ заявилъ, что ему пора ѣхать обратно въ Лондонъ, и я замѣтилъ, что жена его поблѣднѣла, я передалъ ему порученіе.

— Вилльямъ, — сказалъ я, повернувшись къ нему спиной, — нашъ эконокъ просилъ меня передать вамъ, что вамъ дается двухнедѣльный отпускъ... Съ сохраненіемъ жалованья...

Онъ опѣшилъ и раскрылъ ротъ.

— Вилльямъ! — яростно крикнулъ я. — Прощайте, я ухожу!..

Но тутъ я увидалъ, что жена дѣластъ ему какіе-то знаки, и понялъ, что она желаетъ остаться со мной съ глазу на глазъ.

— Вилльямъ, — закричалъ я въ ужасѣ, — не уходите!

Но онъ ушелъ, и я остался вдвоемъ съ женщиной съ влажными глазами. Женщины ея круга любятъ чувствительныя сцены.

→ Ради Бога, сударыня! — взмолился я.

Но она умудрилась таки поцѣловать мою руку. На маленькую собаченку похожа была она въ эту минуту...

— Вы такъ добры къ намъ, — сказала она, — такъ много добра можно дѣлать лишь въ память о дорогой женщинѣ.

Она часто повторяетъ въ разговорѣ со мной слова памяти, воспоминанія, словно моя молодость давнымъ давно уже отошла въ область преданій, и, слушая ее, я самому себѣ начинаю казаться пожилымъ человѣкомъ.

— Я хотѣла бы знать ея имя, сэръ, — добавила она, — чтобы поминать ее въ моихъ молитвахъ...

И я сказалъ ей имя. Не — Мэри.

— Но у нея есть семья, какъ и у васъ, — сказалъ я, — а у меня никого нѣтъ. Быть-можетъ, вы за меня лучше помолитесь когда-нибудь...

И вотъ этой-то женщинѣ, теперь уже здоровой, и поручилъ купить гардеробъ для Давида...

Помня, какъ художникъ хвасталъ быстрымъ ростомъ Давида, и наказалъ ей купить вещей для „шестимѣсячнаго мальчика и для годовалаго.“ Она нѣ-

сколько удивилась тому, что я посылаю все это одному и тому же ребенку, и, конечно, не могла удержаться от самых безцеремонных любопытных вопросов; но она не была дамой из общества, ее не трудно было запугать надменно-строгим видом... Имъ обѣимъ — матери и дочери — это порученіе доставило огромное удовольствіе... Я никогда не забуду, какъ важно выплыла изъ магазина Ирэнъ въ сопровожденіи приказчика, несшаго за нею большой пакетъ. Я смотрѣлъ на нее изъ экипажа, въ которомъ поджидалъ ихъ, и подумалъ, что это, вѣроятно, самыя восхитительныя минуты въ жизни Ирэнъ.

Я попросилъ м-съ Хикингъ помять немного купленныхъ вещи, дабы онѣ не выглядѣли совсѣмъ новыми, чему она тоже немало изумилась, но просьбу мою исполнила и прислала мнѣ вещи въ такомъ именно видѣ, въ какомъ мнѣ хотѣлось ихъ видѣть. Я послалъ ихъ тогда Маріи и весь этотъ вечеръ тѣшился коварной радостью... Но на слѣдующее же утро радость моя смѣнилась огорченіемъ. Я получилъ письмо, изъ котораго увидалъ, что она все знаетъ, анонимъ мой раскрытъ, и ей прекрасно извѣстно, что никогда у меня никакого Тимофея не было... Я растерялся. Никогда въ моей жизни не былъ я такъ озадаченъ, какъ этимъ письмомъ. Я и сейчасъ еще много лѣтъ спустя — понять не могу, какъ она все это пронохала...

Ея пронзительность возбудила во мнѣ такую ярость, что я сунулъ письмо въ письменный столъ и съ тѣхъ поръ рѣдко, рѣдко беру его въ руки.

Ни одна замужняя женщина не рѣшилась бы, конечно, написать такое письмо холостому мужчине.

Не стану повторять всего, что она тамъ писала. Но въ письмѣ этомъ сказано было, между прочимъ, что она считаетъ меня своимъ добрымъ гениемъ. Какъ образчикъ ея неискренности приведу лишь слова о томъ, что Давидъ ее „уже обожаетъ меня.“ Она выражала также надежду, что я часто буду бывать у ея мужа, который очень гордился дружбой со мной, и намекала, что я могъ бы сдѣлать ему первый визитъ сегодня же, въ три часа — въ это время, какъ мнѣ извѣстно было, ея мужъ давалъ въ городѣ урокъ рисованія. Словомъ, ясно было, какъ день, что ей очень хотѣлось встрѣтиться со мной въ первый разъ съ глазу на глазъ, сочинить восхитительную возвышенную романтическую сцену и потомъ рассказать ее мужу со вздохами и восклицаніями и съ платочкомъ у глазъ...

Она капнула также на бумагу что-то, что должно было, повидимому, показаться мнѣ двумя слезами, но меня это мало тронуло. — я видѣлъ, что это всего только двѣ капли воды...

Я послалъ ей холодное, суровое письмо, въ которомъ ясно далъ понять, что уклоняюсь отъ какихъ бы то ни было сношеній съ нею...

VIII

БЕЗНАДЕЖНЫЙ ХОЛОСТЯКЪ

И вижу, мнѣ грозитъ опасность быть зачисленнымъ въ разрядъ чудаковъ. Перспектива эта такъ мало улыбается мнѣ, что я сѣлъ за письменный столъ съ намѣреніемъ опровергнуть по всѣмъ пунктамъ возведенное на меня обвиненіе. Но, просидѣвъ нѣсколько часовъ съ перомъ въ рукахъ, я пришелъ къ удручающему выводу, что въ этомъ обвиненіи есть доля правды.

Съ тѣхъ поръ, какъ я увлекался анализомъ собственной моей души, прошло много времени, и я тщетно пытаюсь добраться черезъ многія, многія ржавыя двери къ тому времени, когда во мнѣ началась перемѣна — если только я измѣнился. Мнѣ хочется вѣрить, что я все тотъ же человѣкъ, какимъ казался себѣ самому въ ту удивительную пору моей жизни, когда я, вѣроятно, былъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ теперь. Тогда я не былъ чудакомъ. Я сталъ имъ позднѣй, когда, вдумываясь въ непостижимыя для меня вещи, пришелъ къ заключенію, что никогда, никогда мнѣ ихъ не понять...

Я не уяснилъ себѣ въ свое время, отчего, собственно, я былъ изгнанъ изъ рая, но съ того момента, когда пересталъ носиться съ собою, какъ съ необычайнымъ сокровищемъ, я и началъ чудить, самъ этого не сознавая...

Тяжело мнѣ вспоминать сегодня, какимъ былъ когда-то этотъ человѣкъ, сидящій въ глубокомъ креслѣ у камина, котораго въ клубѣ называютъ въ шутку „безнадежнымъ холостякомъ“. Я помню его въ двадцать четыре года... Самый блестящій офицеръ въ нашемъ округѣ, честное слово... Въ будущемъ для него не было ничего неосуществимаго, онъ столько уже успѣлъ совершить великихъ дѣлъ, этотъ господинъ, нетвердыми шагами взбирающійся теперь по лѣстницѣ своего клуба.

Однако, я, кажется, начинаю рисоваться. Я знаю, что я не злой человѣкъ, безобидный и джентльменъ даже въ глазахъ дамъ, улыбающихся въ разговорѣ со мной... Число этихъ улыбающихся дамъ все растетъ — такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется сегодня вечеромъ... Ахъ, женщины! Я забылъ уже, когда я впервые сталъ замѣчать эту улыбку, и когда она стала меня смущать...

И теперь только начинаю прозрѣвать истинный ея смыслъ, и потому, вѣроятно, мнѣ такъ грустно...

Вы едва повѣрите, конечно, если я скажу вамъ, что и у меня самого была когда-то очаровательная улыбка. Куда дѣлась моя улыбка? Увѣряю васъ, я и не подозревалъ до сихъ поръ, что отъ нея и слѣда не осталось...

Я напоминаю себѣ человека, который, посѣтивъ школу, гдѣ учился мальчикомъ, ищетъ по классамъ свой старый перочинный ножикъ.

Въ первый разъ я услыхалъ о моей улыбкѣ отъ другого мальчика, сестры котораго регистрировали улыбки всѣхъ своихъ знакомыхъ и первое мѣсто среди этихъ улыбокъ отводили моей. Другъ мой говорилъ объ этомъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ, и я просилъ его никому больше объ этомъ плембиситѣ не рассказывать, но въ душѣ я былъ очень радъ и польщенъ. Теперь, безъ моей улыбки я чувствую себя конченнымъ человекомъ... Я даже подошелъ къ зеркалу и долго всматривался въ свое лицо — не остался ли на немъ хотя бы слѣдъ моей давней улыбки...

Хочу вѣрить, по крайней мѣрѣ, что она сохранила ее въ своей памяти. Она, вѣроятно, забыла многія мои черты, отличающія одного мужчину отъ другого... Но я помню, помню — какъ она говорила о моей улыбкѣ. Она считала ее единственнымъ моимъ украшеніемъ и показывала мнѣ, какъ я улыбаюсь и какъ идетъ къ ней моя улыбка. Когда она бывала не въ духѣ, она развлекалась тѣмъ, что передразнивала мой голосъ и мои движенія, и тѣмъ смѣшише удавалось ей представить меня, тѣмъ больше увлеченія она вносила въ игру... И при этомъ смотрѣла на меня съ вызовомъ — хватить у меня отваги остановить ее или нѣтъ, а когда начинала безпощадно высмѣивать меня, глаза ее подергивались нѣжной мглой.

Много молодыхъ людей ухаживали за нею, всѣ говорили ей о любви, и она слушала ихъ съ благородной простотой, съ ласковой улыбкой, такъ красящей женщину, любви которой помогаютъ много муж-

чины... Женщины называли ее кокеткой. Они не понимали ее кроткаго благоволенія къ ее поклонникамъ, а она словно предугадывала ихъ неминуемую печаль и заранее сочувствовала ихъ сердечнымъ ранамъ. Каждая боль, причиненная любовью, находила откликъ въ ее сердцѣ. И если она видѣла проявление искренняго чувства, она, приходя въ восторгъ, восклицала съ уносіемъ „ахъ!“ или „охъ!“ — какъ бластена, потягивающій вкусный напитокъ... Это было очаровательно и трогательно, — потому что эта женщина готова была броситься въ объятія перваго мужчины, которому удалось бы покорить ее сердце...

Она любила все красивое, и каждая красивая линия, каждая благоухающая вещь становилась частью ее самой. И она накапливала красоту изо дня въ день. При ея сердцѣ, она была воплощеніемъ нѣжной женственности — мысли ее подобны были лиліямъ, потому что добро, вѣдь, та же красота...

И всѣ поклонники простили ей свои муки. Я не знаю ни одного человека, который не простилъ бы ее... Если бы оказался одинъ такой, то это говорило бы о томъ, что въ ней былъ изъянъ. Въ минуты послѣдняго объясненія она, вѣроятно, плакала оттого, что всѣ красивыя слова уже были сказаны и отзвучали, или дѣлала горестныя признанія о самой себѣ, такія искреннія, горячія и благородныя, и въ такомъ серьезномъ тонѣ, что самые трагическіе обожатели не могли подавить улыбки...

Она искала на его лицѣ, какъ въ зеркалѣ, укора себѣ, если онъ протягивалъ къ ней руки, а она отступала назадъ, и если онъ опускалъ руки, она съ тоскою жалѣла его за то, что у него не хватало до-

гадливости схватить и сжать ее въ своихъ объятияхъ... Она жаждала человѣка, который сумѣлъ бы овладѣть ея сердцемъ.

Да, всѣ простили ее, потому что прощать нечего было, или очень мало, развѣ только то, что дѣлаетъ милую женщину еще милѣй, и о чемъ позднѣе многіе вспоминали съ нѣжной улыбкой, какъ вспоминаютъ юноши милую радость дѣтства... Женщины, представляющія для своихъ мужей все, что угодно, только не мечту минувшей молодости, вы никогда не замѣчали, какъ ваши мужья, эти вѣчно занятые дѣловые люди съ двойными подбородками, вздрагиваютъ вдругъ во снѣ и смѣются, словно откликаясь на далекій, далекій зовъ...

Мнѣ часто слышится теперь ея голосъ. Она была очень веселаго характера, и сквозь даль годовъ я все еще слышу ея смѣхъ. Она была пылка, смѣла и могла плакать какъ Марія Шотландская о своемъ неумѣнн лгать, подобно мужчинамъ. Я слышу ее, но это уже лишь отраженный звукъ ея смѣха. Я вижу ее, но уже какъ огонекъ, мерцающій среди деревьевъ. И среднихъ лѣтъ господинъ не рѣшается приблизиться къ ней... Она окружена молодежью. Были дни, когда я видалъ ее во всемъ ея блескѣ. Но потомъ завѣса заслонила ее отъ меня, и съ того мгновенья она стала мнѣ чужой. Я долго еще наблюдалъ ее, но уже не понималъ; она долго еще бродила вокругъ меня, словно хотѣла подсказать мнѣ, надоумить меня, какъ бы я могъ вновь добиться ея любви... Она была илѣнительна, какъ совершенное произведеніе искусства, и непосредственна, какъ первая женщина на землѣ. Человѣчество должно было въ теченіе долгихъ

вѣковъ совершать благороднѣйшія дѣянія и дѣлать возвышенныя мысли для того, чтобы могло появиться одно такое исключительное существо, какъ она. Въ ней воплотилась прекраснѣйшая мечта о совершенномъ человѣкѣ. Она была таинственна, какъ ночь, тихо окутывающая землю. Она была тѣмъ, что мы называемъ поэзіей, очаровательнымъ эльфомъ, играющимъ въ голубой мглѣ соснового лѣса.

Но въ дѣйствительности въ ней ничего загадочнаго не было. Это была превосходная дѣвушка, съ благородной душой, граціозными движеніями, со свѣтлымъ яснымъ лицомъ, на которомъ можно было читать ея мысли, какъ въ открытой книгѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, живая, пылка, она подозрительно относилась къ каждому мужчине, въ рукахъ котораго предполагала арканъ, и ничто въ жизни не будило въ ней такого остраго любопытства, какъ именно этотъ арканъ. Она дрожала отъ радости, когда замѣчала, что на нее накидываютъ арканъ, и съ упоеніемъ увертывалась отъ него. Она играла опасностью и давала иногда опутать себя арканомъ, увѣренная въ томъ, что сумѣетъ выпутаться изъ него въ тотъ мигъ, когда захочетъ. Она надменно удалялась отъ своихъ ухаживателей, хотя сердце ея жаждало быть побѣжденнымъ. Она отступала на одинъ только шагъ назадъ и, близкая имъ, желанная — становилась недоступной и недосыгаемой. И стояла съ высоко поднятой головой, съ ласковой улыбкой, пріятливая и нѣжная: ну, если можете, покорите меня!...

Старая привычка вернулась ко мнѣ вмѣстѣ съ этими воспоминаніями: я опять удивленно всплеснулъ руками и прижалъ ихъ къ глазамъ... Она могла бы

быть моей, если бы я сумела удержать ее любви! Потому что я добился ее. Это было чудом — но я добился ее любви... Я очутился одной ногой в заколдованном кругу, в котором она жила, и в который никто, кроме меня, не вступил. И тогда я увидел ее, как в откровении, не такой вовсе, какой видели ее другие, а какой она была в действительности... И вовсе не шалую, необузданную, странную дѣвушку, — а милую и скромную любящую женщину... Когда я ближе узнал ее, я сказал, что я открыл в ней, и она задрожала, помню. Она, очевидно, не подозревала, что уже разоблачена... Но радость заглушила в ней все другие чувства. Она медленно и покорно подошла ко мне... Теперь она уже не была для меня загадочным, непонятным существом. Душа ее явилась передо мной, как прозрачное озеро, отражающее светло-зеленые мшистые берега...

Я понимал ее, и она любила меня. Каждая женщина, по моему, любит того, кто может ее разгадать. Другие только восторгались ею и преклонялись перед ней, но я проник в ее волшебное царство и нашел в нем женщину. Я угадывал наперед каждую ее мысль и поступок. Я мог подтрунивать над ней, посмеиваться и тайть перед ней, и унижаться, и она могла все это забыть, и вдруг вспомнить, и смотреть на меня с робкой улыбкой, говорившей мне, что она все понимает: я знаю и угадываю ее мысли, но терпеливо слушаю, пока она выскажет все, что ей хочется сказать... У нее были особые взгляды для меня, и особый голос для меня, и каждое движение ее пальчиков имело в глазах

моих особое чарующее значение... Я любил и ее капризы, любил ее, когда она топала на меня ножкой и при этом еще считала необходимым скрежетать зубами, как ребенок, старающийся нанять на себя страшный вид... Как она очаровательно скрежетала зубами!.. Она мучила меня, но мучительство ее обращалось для меня в счастье. А она умела мучить, это восхитительное шалое существо, когда вдруг вспыхивала от изумления: — как она, она могла отдать кому-то свое сердце, как могла она признать чью-то власть над собою!.. Я же удивлялся только тому, что она могла отдать свое сердце мне. Я, впрочем, слишком много удивлялся. Оттого, быть может, я и потерял ее.

В полнолуние на нее находили самые дикие причуды, но я умел умирять ее. Однажды она укусила мне руку, но все-таки послушалась меня... Никогда, думаю я, не обуздать никому этой женщины, но тот, кто понимает ее так, как я, быть может, сумеет с нею соладать... Очевидно, я не был тем человеком... Я потерял ее, и до сих пор это остается для меня загадкой. Я не знаю, как это случилось... Я долго ломал себе голову в сумерках моей жизни, начавшихся с той поры, пока это мне не надоело... Я знаю лишь, что она перестала меня любить. Я добился ее любви, но не сумел ее удержать. Я долго не понимал этого, словно вдруг оступил... Я замечал только, что не понимаю, не чувствую ее так, как прежде. Я задумывался над тем, что она хотела сказать тем или иным замечанием, я не понимал еще, что с той минуты, когда стал недоумевать или удивлять

ся ей словамъ, она была уже мнѣ чужой... Я, какъ-будто, самъ этого не замѣчая, вышелъ изъ заколдованнаго круга. Когда я появился, я пытался еще увѣрить себя, что никакой перемены не произошло, и она бѣдная, жалѣя меня, поддерживала мои жалкія попытки. Она еще встрѣчала меня, какъ прежде, съ мечтательно затуманенными глазами, а я чувствовалъ только, что душа ея полна нѣжности, и зная, что глаза ея уже не видятъ... Она пожимала мои руки, но ея руки уже не передавали мнѣ трепета ея сердца. Токъ между нами разомкнулся, и скоро мы оба перестали обольщать себя иллюзіями...

Она такъ же, какъ я, не понимала, отчего перестала меня любить. Она жаждала такъ же, какъ и я, возврата угасшаго чувства, и съ трогательнымъ терпѣніемъ ждала, что я сумѣю какъ-нибудь заставить ее вновь полюбить меня... И когда, наконецъ, пришелъ часъ разлуки, она ушла отъ меня со слезами и долго, долго оглядывалась назадъ...

Я одинъ былъ во всемъ виноватъ, но, вѣроятно, это не произвело бы на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, если бы я могъ понять, въ чемъ дѣло, отчего я утратилъ ея любовь. Я, страдалъ, пожалуй, больше отъ непониманія, чѣмъ оттого, что потерялъ ее. По совѣсти говоря, я не жалѣю уже теперь объ этихъ минувшихъ дняхъ блаженства... Но было время, когда я жалѣлъ. Я отлично помню одну темную ночь, когда нѣкій несчастный лейтенантъ лежалъ въ лодкѣ безъ веселъ, и теченіемъ несло ее къ пѣнившейся запрудѣ... Но теперь меня уже не волнуютъ его стоны. Я скорѣе даже горжусь тѣмъ, что это былъ я (его отнесло волною къ берегу). — и теперь,

много времени спустя, мнѣ даже пріятно сознать, что я тоже способенъ былъ страдать изъ-за женщины, какъ и всякій другой мужчина...

Я увидѣлъ ее опять, много лѣтъ спустя, когда она была уже замужней женщиной, счастливой матерью. Она топнула ножкой, разсердившись на капризничающаго ребенка, и скринула зубками, и я увидалъ вновь блестящіе зубки и милую гримаску, которой не могу забыть. Мальчикъ и дѣвочка вскочили къ ней на плечи, и всѣ вмѣстѣ со смѣхомъ повалились на землю... Она приподнялась, оправилась съ прежней спокойной граціей и невозмутимо-благодарно, какъ сытая коровушка, оглянулась на всѣ стороны. Прежняя очаровательная сумасбродка стала счастливой насѣдкой... Я хотѣлъ подойти и поздороваться съ нею, но едва двинулся къ ней, старая рана вскрылась вновь, и я отвернулся и пошелъ своей дорогой. Только нѣсколько слезъ выкатились изъ моихъ глазъ, потому что она показалась мнѣ гораздо милѣе, чѣмъ я представлялъ ее себѣ мысленно...

ДОСУЖІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

Итакъ, вы знаете теперь, какъ я постепенно превратился въ чудака. Мэри моя повѣсть, навѣрное, не понравилась бы... Кстати, разъ опять зашла рѣчь о ней, и въ сумерки такъ приятно предаваться безтревожнымъ размышленіямъ... Что бы было, если бы, я тономъ и содержаніемъ моего письма не указалъ Мэри на святость супружескаго долга, а представилъ бы передъ нею въ качествѣ галантнаго свѣтскаго господина? Миѣ и въ голову, конечно, не приходила такая дикая мысль, когда я опускалъ письмо въ ящикъ, но, между нами говоря, я не разъ задумывался надъ этимъ съ тѣхъ поръ...

Отчего я тогда не остановился на этой мысли? Оттого, что я всю жизнь долженъ хранить вѣрность какой-то недостижимой мечтѣ?..

У дочери одной моей пріятельницы, очаровательной женщины, чуть ли не наканунѣ свадьбы умеръ женихъ... Я помню, какія мучительныя усилія дѣлала старая мать, чтобы поддержать отвагу и волю къ жизни въ своей юной дочери. Вскорѣ, однако, на

ихъ горизонтѣ появился другой молодой человѣкъ... Этого я едва зналъ и только иронически пожималъ плечами, увидавъ вдругъ мою старую пріятельницу въ новой для нея роли свахи.

Она ласкала его, расхваливала его, хвастала имъ. Она молодѣла и расцвѣтала въ дни ихъ сближенія и, сіяя отъ радости, наряжала свою бѣдную дочь въ подвѣсное платье и бросала горсти рису въ догонку экипажу, увозившему молодыхъ въ церковь. Я случайно забрелъ въ ея комнату послѣ отѣзда молодыхъ и увидалъ ее на колѣняхъ въ слезахъ передъ портретомъ умершаго жениха ея дочери.

— Прости меня, — шептала она, — я стара, а жизнь такъ жестока къ одинокимъ женщинамъ...

Она вымаливала прощеніе дочери, потому что женщины должны такъ устроить свою жизнь, онѣ не могутъ иначе...

Но я увѣренъ, что она тяжело томила угрызѣніями совѣсти...

Мужчины, однако, памятливыѣ. Я по крайней мѣрѣ — памятливъ. Прошло около двадцати лѣтъ, а я все еще сгибался подъ бременемъ любви, словно подъ тяжелымъ мѣшкомъ возвращенныхъ любовныхъ писемъ, которыя некуда свалить...

Я могъ бы сказать: онѣ все написаны были для другой женщины, судариня, но вы, быть-можетъ, читаете изъ нихъ что-нибудь и для себя. Это показалось бы страннымъ Мэри, но жизнь жестока къ бѣднымъ женщинамъ, и, вѣроятно, изъ этого вышло бы что-нибудь...

Но она, конечно, ушла бы навсегда изъ деревяннаго домика, а миѣ оставалось только опустить пись-

мо для того, чтобы они оставались въ своемъ деревянномъ домикѣ вдвоемъ... Это было такъ просто — взять и опустить письмо...

Кромѣ того, я, несомнѣнно, надоѣлъ бы ей, когда она узнала бы меня поближе... Всѣ онѣ таковы...

И потомъ, неужели онъ долженъ утратить свой смѣхъ только потому, что я утратилъ мою улыбку?

И, наконецъ, это была просто нелѣпая, дикая мысль...

Я опустилъ письмо — и у меня камень свалился съ сердца.

X

БѣГСТВО СЪ КОЛЯСКОЙ

Я встрѣчалъ порою Давида въ общественныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, гдѣ онъ важно разъѣзжалъ, окруженный своей свитой и поглядывая на бѣлые стѣнки и стеклянные окна другихъ колясочекъ.

Я всегда сворачивалъ въ сторону при встрѣчахъ съ нимъ, изъ чего Мэри должна была вывести заключение, что я надменный и черствый человѣкъ.

Ирэнъ, состоявшая при немъ няней — если не ошибаюсь, это устроилось не безъ моего содѣйствія — бѣгала за мной и освѣдомлялась, не желаю ли я придти посмотреть на него часовъ въ двѣнадцать — въ это время онъ всегда бываетъ въ духѣ...

Нѣтъ, у меня не было никакого желанія посмотреть на него.

— Онъ смотритъ на часы и говоритъ — „тикъ-такъ.“ — соблазняла меня однажды Ирэнъ.

— Подумаешь, какая важность!

— Другія дѣти говорятъ „тикъ-тикъ.“ — гордо возразила она.

— Миѣ больше нравится „тикъ-тикъ,“ — замѣтилъ я.

Ирэнъ разсердилась на меня и убѣждала...

Если бы онѣ догадались подкатить его подъ дерево и оставить тамъ, я подошелъ бы и посмотрѣлъ на него. Но онѣ не дѣлали этого, и я рѣшилъ ждать, пока онѣ научится ходить — тогда легче будетъ его подкараулить гдѣ-нибудь. Но это былъ маленькій трусливый толстякъ, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ встать на ноги онѣ рѣшилъ, что благоразумнѣе будетъ спокойно лежать въ своей коляскѣ. А когда ему исполнился годъ и онѣ все еще не ходилъ, я потерялъ терпѣніе и махнулъ на него рукой.

— Я въ его возрастѣ уже бѣгалъ, какъ бѣлка, — сказалъ я Ирэнъ.

Поразспросивъ моихъ товарищей по клубу, я узналъ, что всѣ они въ этомъ возрастѣ тоже бѣгали, какъ бѣлки...

И сдѣлалъ, однако, нянькѣ такого рода предложеніе: если она принесетъ отсталаго мальчика ко мнѣ въ комнату и оставить его у меня на полчаса, я, такъ и быть, посмотрю на него... Мэри, которой тотчасъ передано было мое предложеніе, гордо отвергла его. Но, пораздумавъ немного, согласилась, и въ одинъ прекрасный день Ирэнъ съ обиженнымъ вызывающимъ видомъ вкатила колясочку въ мою квартиру. Я даже не взглянулъ на коляску и, указавъ Ирэнъ пальцемъ на дверь, сказалъ:

— Приходи черезъ полчаса...

Она попросила разрѣшенія остаться, общала быть ниже травы, тише воды, но я былъ неумолимъ. Тогда она страстно и нѣжно простилась со своимъ

питомцемъ, но въ сущности ея трагическія слова обращены были ко мнѣ:

— И если онѣ сниметъ съ тебя чулочки, миленькій мой, это ему на томъ свѣтѣ не простится.

— Я, вѣроятно, и сниму съ нея чулочки, — небрежно бросилъ я въ отвѣтъ.

— Съ нею?

Ирэнъ пришла въ ярость.

— Вѣдь это дѣвочка? — спросилъ я.

Ирэнъ только раскрыла ротъ, она не въ силахъ была вымолвить слово отъ негодованія, и я спокойно вытолкалъ ее за дверь. Затѣмъ я обошелъ кругомъ коляски разъ, другой, но, поразмысливъ, рѣшилъ сѣсть позади колясочки и ждать. Я хотѣлъ, чтобы мой гость освоился раньше съ обстановкой, а тамъ уже и я самъ предстану передъ нимъ...

Я сидѣлъ и думалъ. Проснулся онѣ? Если нѣтъ, лучше его не будить... Цѣлыхъ полчаса, однако, ждать!... И кто знаетъ, сколько онѣ будетъ еще спать? Я тихонько свистнулъ: онѣ не обратилъ на это никакого вниманія.

Помню, я даже говорилъ себѣ, что если не тронусь съ мѣста до возвращенія Ирэнъ, то это будетъ новымъ пріятнымъ торжествомъ надъ Мэри. Однако, я кашлянулъ. Опять никакого отвѣта не послѣдовало. Тогда я уже испугался. А вдругъ коляска пуста?..

Я быстро всталъ, но не успѣлъ шага сдѣлать, какъ замѣтилъ какое-то движеніе посреди коляски, и въ тотъ же мигъ услыхалъ тихій горловой звукъ... Я остановился. Было ясно, какъ день, что кромѣ меня въ комнатѣ есть еще одно любопытное существо, и нѣсколько минутъ мы оба ни единымъ звукомъ, не

выдавали своего присутствія. Въ концѣ-концовъ, однако, — и вспоминая, объ этомъ не безъ удовольствія, — я сдѣлалъ первый шагъ къ знакомству... Еще до прихода моего гостя я выстроилъ на маленькомъ столѣ нѣсколько предметовъ, которые, по моему, могли его заинтересовать: мои часы, цѣпочки, связку ключей, двѣ военныхъ медали... Я осторожными крадущимися шагами подошелъ къ столу... Мнѣ кажется, я похожъ былъ въ эту минуту на фокусника, собирающаго явить публикѣ ловкость своихъ рукъ. Давидъ уже сидѣлъ. Глазенки его тотчасъ остановились на мнѣ.

Врядъ ли я сумѣю найти слова чтобы описать этого восторжительнаго ребенка, — и потому я такъ мало знаю дѣтей. Но первое, что пришло мнѣ тогда въ голову, это — что если бы Тимофей существовалъ, онъ, навѣрно, былъ бы такимъ...

Давида принесли ко мнѣ для того, чтобы я высказалъ о немъ свое сужденіе, но я вскорѣ убѣдился, что въ сущности онъ меня подвергаетъ строжайшему экзамену, — и этотъ обмѣнъ ролей показался мнѣ столь естественнымъ, что я даже не удивился... Мнѣ хотѣлось только услышать отъ него указаніе, что я долженъ дальше дѣлать... Мнѣ удалось провести многихъ людей, составлявшихъ себѣ, какъ имъ казалось, самыя вѣрныя обо мнѣ сужденія, но я не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобы ввести Давида въ заблужденіе на мой счетъ. И радъ былъ бы, да не могъ. Эти немигающіе глаза слишкомъ доверчиво смотрѣли на Божій міръ, — я не могъ глумиться надъ ними. Я видѣлъ въ его глазахъ самого себя. Они словно открыли передо мной сокровищницу корабейника, плѣ-

тившую мое воображеніе, и я увидалъ, что въ ней очень мало поэтическихъ свѣтлыхъ воспоминаній, и очень много недостойныхъ мыслей и поступковъ и нелѣпая, неустроенная жизнь.

Я съ грустью смотрѣлъ на Давида, не потому, что меня не радовало его присутствіе, — я боялся, что онъ не пожелаетъ принять меня въ кругъ своихъ знакомствъ. Мнѣ казалось, что изъ эти мгновенія онъ выясняетъ себѣ разъ навсегда опредѣленное ко мнѣ отношеніе...

И вдругъ онъ улыбнулся. Быть можетъ, только потому, что у меня былъ такой робкій испуганный видъ. Но надъ причиной его улыбки я не задумывался. Я тотчасъ почувствовалъ себя инымъ человекомъ. Это была долгая улыбка, широко раздвигавшая его уста, словно онъ впускалъ меня въ свое сердце.

И опять сомкнуть губки...

Затѣмъ, желая, повидимому, отвлечь меня отъ печальныхъ мыслей, или съ цѣлью закрѣпить какимъ-нибудь актомъ нашу дружбу — онъ взялъ и высоко поднять пожку въ воздухъ. При этомъ онъ соскользнулъ съ подушки, и я понялъ, что надо опять посадить его на подушку. Но мнѣ никогда не приходилось такъ близко касаться ребенка. Когда мнѣ подносили ребенка, я обыкновенно закрывалъ глаза и чмокалъ губами въ пустоту... Давидъ въ свою очередь не могъ объяснить мнѣ, какъ я долженъ за него приняться, но все-таки я безъ большихъ затрудненій посадилъ его на прежнее мѣсто. Тѣло его инстинктивно приняло нужное положеніе, когда я прикоснулся къ нему, и руки мои тоже инстинктивно сдѣлали все необходимое для того, чтобы подворить его

на прежнее мѣсто. Миѣ это доставило большое удовольствие, а онъ тѣмъ временемъ соображалъ, что ему дальше предпринять.

Онъ опять поднялъ ножку въ толстомъ шерстяномъ чулкѣ, — ни дать, ни взять — нога подагрика, — и я подумалъ, что это просто повтореніе перваго маневра. Но я ошибался, и это не дѣлало миѣ чести, — потому что, въ противоположность Портосу, Давидъ избѣгалъ повторять свои фокусы. Онъ, быть-можетъ, зналъ уже по опыту, что повторенія ослабляютъ первое впечатлѣніе...

Я понялъ, наконецъ: онъ хотѣлъ только, чтобы я снялъ съ него чулокъ.

Но я вспомнилъ грозное предостереженіе Ирэнъ и смутился. Или онъ слышалъ, что она говорила, и бросаетъ миѣ вызовъ? И, наконецъ, какое такое несчастіе могло произойти, если снять чулокъ? Онъ такъ выразительно протягивалъ миѣ ножку, что я рѣшился и — снять чулокъ.

Видъ обнаженной ножки доставилъ ему большое удовольствие, но меня поразило то, что другой своей ножкой онъ нисколько не интересовался...

Однако, онъ не только любовался ею, но вскинулъ на меня глазенки, словно говоря:

— „Ну, теперь гляди!“ — и, поднявъ голую ножку, провелъ губками по пальчикамъ... Похоже было, будто онъ исполняетъ программный номеръ на какомъ-то странномъ инструментѣ... Затѣмъ, опять опустилъ ножку, улыбнулся своей долгой торжествующей улыбкой и далъ миѣ понять, что теперь моя очередь продолжать то же... Я подумалъ, что самое лучшее, что я могу сдѣлать, это опять надѣть чулокъ на его нож-

ку, но первая же моя попытка объяснила миѣ зловѣщія слова Ирэнъ. Я понялъ, какое это мученіе должно быть для нея надѣвать ему чулочки по утрамъ...

Тѣмъ не менѣе, когда онъ сталъ соображать, что бы ему сдѣлать съ моими часами, я все-таки умудрился надѣть ему чулокъ.

Я искренно сокрушался о томъ, что не могу положить часы подъ стаканъ и превратить ихъ въ воронку, фокусъ, который столько людей продѣлываютъ съ такой отмынной ловкостью... Давидъ, очевидно, тоже занятый мыслью о какомъ-нибудь хитромъ фокусѣ, чуть было не засунулъ куда-то часы, но миѣ удалось вытащить ихъ опять за конецъ цѣпочки...

— „Ха-ха-ха!“

Такъ онъ комментировалъ свой новый фокусъ, но для меня его смѣхъ прозвучалъ жестокимъ напоминаніемъ о томъ, что это не мой сынъ. Впрочемъ, Мэри не передала ему весь смѣхъ его отца...

Часы показывали, что уже прошло двадцать пять минутъ, и, выглянувъ въ окно, я увидалъ Ирэнъ на одной сторонѣ улицы, мужа Мэри на другой сторонѣ, и за нимъ Мэри... И, всѣ трое не сводили глазъ съ моихъ оконъ. Они, конечно, нарушили свое обѣщаніе.

Я обернулся опять къ Давиду и тихо спросилъ, не хочетъ ли онъ меня поцѣловать. Онъ шесть разъ покачалъ головой, и я былъ въ отчаяніи. Потомъ онъ улыбнулся, и я видѣлъ, что онъ уступаетъ моему желанію. Теперь онъ шесть разъ кивнулъ головой.

Это былъ самый очаровательный изъ всѣхъ его поступковъ. Это было такъ мило, что, вопреки своимъ правиламъ, онъ дважды повторилъ его. Я протянулъ къ нему руки, и онъ опять сначала нѣсколько разъ

покачать головой, потомъ послѣ долгой паузы — словно пугая меня — нѣсколько разъ кивнулъ головой.

Но едва я успѣлъ взять его на руки, какъ увидалъ въ окно Мэри и ея мужа и Ирэнъ, направлявшихся къ моему дому, очевидно, съ намѣреніемъ увезти отъ меня Давида... Я быстро, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ это дѣлаю, усадилъ Давида въ коляску и выкатилъ его на улицу съ чернаго хода. Мы отправились въ Кенсингтонскій паркъ... Это произошло такъ стремительно и неожиданно, что, помню, я нѣсколько разъ ощупывалъ голову, дабы убѣдиться, что я не забылъ надѣть шляпу.

Я смотрѣлъ Давиду въ лицо, желая знать, какъ онъ относится къ этому бѣгству, но онъ не успѣлъ еще составить себѣ какое-либо сужденіе объ этой непредвидѣнной прогулкѣ... И какъ это ни странно, всю мою застѣнчивость какъ рукой сняло. Я сталъ вдругъ совершенно равнодушенъ къ тому, что скажутъ другіе, и моя гордая рѣшимость даже усилилась, когда я замѣтилъ погоню за собою. Они окружили меня кордономъ недалеко отъ бесѣдки Марго Мередитъ, но я ловкимъ стратегическимъ ходомъ прорвался на югъ и вскорѣ выкатилъ коляску на Дѣтскую аллею. Тогда они замкнули выходъ изъ аллеи съ обонхъ концовъ, но я и тутъ ускользнулъ отъ нихъ, свернувъ на боковую дорожку... Огибая колодезь Св. Говора, я видѣлъ, какъ они растерянно бѣжали внизъ съ холма, и, когда они направлялись къ Круглому пруду, мы беззаботно катались по Широкой аллеѣ, ни о комъ и ни о чемъ не думая.

Но мало-по-малу Давидъ сообразилъ, что какъ-никакъ я все-таки чужой человѣкъ, и глаза его стали расширяться, расширяться, пока не округлились до размѣра моихъ военныхъ медалей. И затѣмъ съ такой же методичностью, такъ же медленно, какъ онъ собирался улыбнуться, онъ приготовился было заревѣть... Я читалъ на лицѣ его всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ. И чувствовалъ себя безсильнымъ противъ нихъ. Я былъ безоружный, человѣкъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ отрядомъ.

Но я и въ эту минуту разсердиться на него не могъ. Не могъ же онъ знать, что это я опустилъ письмо.

Добрая фея напомнила мнѣ въ это мгновеніе давно забытое искусство, которымъ я такъ гордился когда-то... Изъ всѣхъ моихъ товарищей я одинъ умѣлъ поднимать и опускать каждую бровь отдѣльно. Одна бровь поднималась вверхъ по лбу, другая опускалась внизъ, какъ ведро на коромыслѣ...

Изъ недовѣрія къ своимъ силамъ я призвалъ теперь на помощь этотъ талантъ, но Давидъ тотчасъ бросилъ свои усилія заплакать и внимательно сталъ созерцать мои странныя гримасы. Однако, ротъ его былъ еще раскрытъ на всякій случай. Очевидно, онъ все-таки намѣревался заревѣть, если я не оправдаю его ожиданій... Но, будучи по природѣ хорошимъ, великодушнымъ малымъ, онъ ждалъ, желая дать мнѣ всѣ возможности позабавить его, и я гримасничалъ, не щадя своихъ силъ... Я боялся пуще всего, что по молодости лѣтъ онъ, пожалуй, не сумѣетъ оцѣнить моего искусства. Я обращался къ его уму и къ его

сердцу — такой штуки никто, кроме меня, показать ему не сумѣлъ бы...

Когда я остановился на мгновение, чтобы передохнуть, онъ, не мѣняя выраженія лица, сдѣлалъ мнѣ безмолвный знакъ — ничего, молъ, довольно забавно, но онъ не рѣшилъ еще, достаточно ли это забавно, чтобы вовсе отказаться отъ намѣренія заревѣть... Я, однако, почувствовалъ въ этомъ знакѣ поощреніе и опять сталъ корчить рожи. Замѣтивъ колебаніе на лицѣ Давида, я сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе и поднялъ лѣвую бровь чуть ли не до самыхъ волосъ... Тогда, наконецъ, сквозь тучи проглянула улыбка. И вдругъ — въ отвѣтъ на мою тайную радость побѣды, я услышалъ шумныя одобренія и рукоплесканія.

Я смутно сознавалъ все время, что мы не одни, но не рѣшался отвести глазъ отъ Давида. Теперь я увидалъ, къ немалой моей досадѣ, что мы окружены толпою маленькихъ и чрезвычайно заинтересованныхъ зрителей. Одинъ среди нихъ былъ, помню, такой отчаянный, дерзкій сорванецъ...

И хотя это нѣсколько охладило мое радостное возбужденіе, однако, чувство побѣды было слишкомъ сильно для того, чтобы уступить мѣсто другимъ чувствамъ... Я присѣлъ на садовую скамейку подъ фиговыми деревьями, положивъ одну руку на коляску, какъ — я наблюдалъ — дѣлаютъ обыкновенно няньки... Такъ пріятно было сидѣть на скамьѣ съ видомъ человека, для котораго эти прогулки съ Давидомъ привычное повседневное занятіе... Но вдругъ я, къ огорченію моему, увидалъ Мэри, подходившую ко мнѣ осторожными быстрыми шажками. Она была уже такъ

близко, что бѣжать было бы просто неприлично. Портось шелъ впереди нея, помахивая своимъ предательскимъ хвостомъ, но она замедлила шаги, увидавъ, что я наблюдаю ее. Она бѣгала, бѣдная, по моимъ слѣдамъ вмѣстѣ съ моей собакой.

Я забылъ упомянуть, что Портось съ нѣкоторыхъ поръ сталъ частымъ гостемъ въ ея домѣ. Никогда не забуду, какъ я изумился, когда въ первый разъ увидалъ его выходящимъ изъ ея домика съ видомъ визитера...

Потомъ онъ уже просто, безъ церемоній уходитъ отъ меня къ ней, черезъ нѣкоторое время опять возвращается ко мнѣ, и я догадался, что мужъ Мэри пишетъ его портретъ...

Я нѣсколько растерялся при видѣ ея, но смотрѣлъ на нее съ невозмутимо-холоднымъ лицомъ, и замѣтилъ, что она прежде всего взглянула на Давида... Но Давидъ небрежно бросилъ ей кончикъ улыбки, начало которой предназначалось для меня... Лицо ея просвѣтлѣло, материнская тревога въ глазахъ погасла. Она часто и быстро дышала постѣ безразсудной погоняи и, сдѣлавъ своимъ союзникамъ знакъ, чтобы они оставались на заднемъ планѣ, съ любознательнымъ посматрѣла на меня. Если бы она заговорила въ этотъ мигъ, слова ея, навѣрно, были бы такія же взволнованныя, какъ и ея лицо: но губы ея только задрожали, какъ у Давида, когда онъ собирался улыбнуться, и я читалъ ея мысли: она радовалась, что теперь ей удастся, наконецъ, разговориться со мной...

— Я все-таки беспокоилась немного, — проговорила она лукаво, и долженъ сознаться — очень приятно было услышать такъ близко ея голосокъ...

Но я только снялъ шляпу, и тогда она быстро повернулась къ Давиду — не понимаю, отчего она такъ быстро повернулась тогда къ нему — и наклонила надъ нимъ лицо. Милый, безцѣнный мальчуганъ! Что онъ сдѣлалъ? Въмѣсто того, чтобы поцѣловать ее, онъ одной рукой ухватился за ея лицо, а другой сталъ поднимать и опускать ея брови. Но изъ этого ничего не выходило, и его разочарованіе несказанно тѣшило меня...

— Не понимаю, чего ты хочешь, милый мой, — растерянно проговорила она и вопросительно взглянула на меня. Но я зналъ, чего онъ хочетъ, и, молча, далъ ей понять, что знаю. Если бы я подготовленъ былъ къ бесѣдѣ съ нею, я надменно отвѣтилъ бы, что если бы она и знала, чего онъ хочетъ, все равно она бы этого исполнить не могла, хотя бы и упражнялась въ этомъ двадцать лѣтъ.

Но вмѣсто объясненія я только опять приподнял шляпу.

Давидъ обратить вниманіе на мое движеніе и доверчиво-ласково потянулся ко мнѣ. Она не видѣла, что я дѣлаю, потому что я повернулся спиною къ ней. Но Давида мое искусство на этотъ разъ совершенно покорило. Онъ сталъ дѣлать знаки матери, чтобы она уходила — ему не надо ея, молъ, онъ занятъ весь этотъ день...

Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ, читатель? Это была, сознаюсь, значительная минута въ моей жизни, но у меня хватило мужества въ третій разъ

приподнять шляпу и удалиться, предоставивъ ребенку рѣшить, кто изъ насъ ему милѣй... Я шелъ очень медленно и напряженно вслушивался — но въ этомъ нужды не было... Въ догонку мнѣ раздавался отчаянный ревъ. Я обернулся. Давидъ съ яростью отталкивалъ отъ себя мать для того, чтобы она не заслоняла меня... Онъ жадно тянулся ко мнѣ рученками и кивалъ головой, и я чуть было не повернуть обратно. Но меня спасъ планъ, внезапно сложившійся въ моей головѣ. Я пошелъ дальше. Съ тѣхъ поръ я неуклонно осуществляю этотъ планъ. Я поставилъ себѣ цѣлю — освободить мальчика отъ вліянія матери, изобличить передъ нимъ все ея слабости и капризы, отнять его у нея и сдѣлать моимъ, всецѣло моимъ...

XI

ПРІЯТНѢЙШІЙ КЛУБЪ ВЪ ЛОНДОНѢ

Все дѣтскія колясочки ѣдутъ въ Кенсингтонскій паркъ.

Но Давида недолго возили въ его колясочкѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ я впервые поколебалъ его въру въ мать, онъ сталъ вставать и двигаться, а затѣмъ похаживать по Широкой аллеѣ, и гордо вытягивался во весь свой ростъ, властно требуя вниманія къ своей особѣ. И былъ очарователенъ, пока не упалъ. Шлепнувшись на землю при дружномъ смѣхѣ зрителей, онъ сдѣлалъ, однако, видъ, что затѣмъ только и шлепнулся, чтобы потѣшить публику...

Это было въ понедѣльникъ. Во вторникъ онъ уже карабкался по каменной лѣстницѣ Золотого Короля и побѣдоносно оглядывался на каждой ступенькѣ, а въ среду — считалъ до трехъ и шагаль въ короткихъ штанахъ. Кенсингтонскій паркъ, надо вамъ знать, кишитъ короткими курточками и штанишками. Самые короткіе — это переходъ отъ малютки въ длинномъ платьицѣ къ малышу, сидящему верхомъ на

оградѣ... Дѣтей въ этомъ возрастѣ называютъ трагедіей матери...

Если вы завсегдатай парка — у него свой особый языкъ — то вы по лицамъ этихъ милыхъ матерей легко научитесь опредѣлять возрастъ ихъ дѣтей. Когда сынишкѣ три года, на лицѣ его матери ясно выведены короткіе штаны, и, между нами говоря, Мэри не легко примирилась съ этимъ украшеніемъ.

Ей очень хотѣлось, чтобы мальчикъ ея долго еще оставался маленькимъ, безпомощнымъ ребенкомъ, который отстаивалъ свои права, и я поощрялъ его, потому что мнѣ пріятно было досадить лишній разъ Мэри. И видался теперь съ Давидомъ разъ въ недѣлю. Мать его, не подозревавшая моего коварнаго плана, разрѣшила Прэнъ водить его ко мнѣ, и мы очень подружились съ нимъ, хотя нянька всегда умудрялась отравить мнѣ радость этихъ свиданій. Прэнъ — долженъ замѣтить — мало выиграла при болѣе близкомъ знакомствѣ. Она стала чрезвычайно заносчива, властолюбива, а казалась она, какъ мнѣ казалось, главнымъ образомъ потому, что носила теперь чепецъ съ лентами. Держала она себя очень важно, какъ особа, облеченная отвѣтственной ролью воспитательницы, и говорила о своихъ обязанностяхъ такимъ тономъ, словно черезъ ея руки прошли уже нѣсколько поколѣній дѣтей. Она была также чрезвычайно ревнива и позволяла себѣ критиковать мои воспитательные приемы, что, конечно, вело ко всякимъ препирательствамъ и даже стычкамъ между нами, о которыхъ я со стыдомъ вспоминаю теперь. Я выдвигалъ противъ нея слѣдующія обвиненія:

Она слишком распространялась о томъ, что можно и чего нельзя... Была взыскательна какъ фельдфебель.

Увѣрила, что на ней настоящій чепецъ съ настоящими лентами, хотя прекрасно знала, что Мэри соорудила его изъ старой кисейной занавѣски.

Мнѣ совѣстно теперь, что я прибѣгалъ тогда къ такимъ жестокимъ доказательствамъ, но этимъ только мнѣ и удавалось охлаждать ея излишнее рвеніе.

Она съ своей стороны обвиняла меня въ томъ, что я порчу ребенка своимъ баловствомъ.

Что я не думаю о его будущемъ...

Что я не объясняю ему печальныхъ послѣдствій его капризовъ.

Что я рассказываю ему сказки, изъ которыхъ нельзя вывести никакого нравственнаго поученія...

И въ томъ, наконецъ, что я говорю ему, будто платочекъ исчезаетъ неизвѣстно куда, когда въ дѣйствительности платочекъ исчезалъ въ маленькій жестяной стаканчикъ, который я ношу при себѣ на тесемочкѣ.

Надо вамъ сказать, что въ тѣ дни я чрезвычайно увлекался всякими фокусами. Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ игрою бровями, я рѣшилъ вооружиться новыми приманками на тотъ случай, если бы манипуляція съ бровями перестала оказывать желанное дѣйствіе.

Штука эта скоро надѣла Давиду. Такая же судьба постигала потомъ и всѣ другіе мои фокусы. Онъ могъ двадцать разъ требовать повторенія какой-нибудь игры и восторгаться ею, а въ двадцать первый разъ смотрѣлъ на меня немигающими глазами, словно недоумѣвалъ, зачѣмъ я валяю передъ нимъ дурака. Онъ напоминалъ мнѣ тогда королев-

скаго ребенка, который, выслушавъ объясненіе какой-то сложной игры, холодно отвѣтилъ:

— Это намъ нисколько не интересно...

Что можетъ быть обиднѣе! — Потѣшать ребенка, который терпѣливо даетъ вамъ понять, что всѣ ваши выдумки его нисколько не занимаютъ...

Я утѣшалъ себя тѣмъ, что если бы Давидъ умѣлъ говорить, а не только смотрѣть и произносить: бяка, то его сужденія были бы для меня менѣе обидны, но позднѣе мнѣ пришлось въ этомъ разочароваться. Помню — однажды, когда онъ уже велъ самъ съ собою увлекательныя бесѣды и не нуждался въ обществѣ взрослыхъ, я предложилъ показать ему очень смѣшной фокусъ съ коробкой и двумя шариками. Онъ долго смотрѣлъ, а потомъ пресерьезно изрекъ: „Ты мнѣ скажи, когда станетъ смѣшно...“

Я даже взялъ нѣсколько уроковъ фокусничества у одного чрезвычайно талантливаго юноши, съ длинной шеей и угреватымъ лицомъ. Какъ только я вошелъ въ его полутемную комнату при лавочкѣ, онъ вытащилъ изъ моего кармана вывѣску цырюльника, приговаривая при этомъ:

— Ну, ну, это что еще за штуки!..

Оттого ли, что онъ слишкомъ много зналъ, или оттого, что на немъ была какого-то необычайнаго вида и покроя блуза, но впечатлѣніе онъ произвелъ на меня угнетающее.

Ему совершенно чужды были артистическія радости, и грустно было мнѣ за человека, обязанностью котораго было развлекать тысячи человѣческихъ существъ, между тѣмъ какъ самъ онъ не испытывалъ при этомъ ни малѣйшей радости...

Вывѣску цирюльника я вскорѣ и самъ сталъ легко вытаскивать изъ рта Давида. Но тутъ оказалось одно непредвидѣнное затрудненіе: куда припрятать въ Кенсингтонскомъ паркѣ вывѣску цирюльника?..

Дѣти здѣсь были всѣ воспитанныя, милыя и, найдя какую-нибудь вещь, считали своимъ долгомъ тотчасъ разыскать ея собственника.

Фокусникъ увѣрялъ меня, что всюду и всегда кто-нибудь, навѣрно, дастъ мнѣ необходимыя для фокусовъ бутылку и лимонъ. Но я теперь только убѣдился, какая это рѣдкость въ Кенсингтонскомъ паркѣ — бутылка и лимонъ... Волшебную подставочку для яйца я носилъ при себѣ и съ ея помощью продѣлывалъ удивительныя вещи съ мѣдными монетами... Но и монета въ шесть пенсовъ не всегда бывала надежнымъ соучастникомъ; случалось, что, когда я съ горжествомъ заявлялъ, что монета должна оказаться надѣ рюмки, она вдругъ падала откуда-то на землю... И такіе неблагоприятные зрители, какъ Ирэнъ, не останавливались тогда передъ обвиненіемъ въ томъ, что я развращаю и отравляю ложью юную душу... И тщетно я доказывалъ ей сквозь стиснутые зубы, что это была только шутка... Она никакихъ шутокъ не понимала, кромѣ своихъ собственныхъ, о которыхъ она была чрезвычайно высокаго мнѣнія... И меня это нисколько бы не занимало, если бы и Давидъ ихъ не цѣнилъ. И когда я слышалъ, какъ онъ заливался, хохоталъ до слезъ надъ шутками Ирэнъ, — я не могъ подарить въ себѣ презрительнаго чувства къ нему... Если я, криво усмѣхаясь, останавливался подлѣ нихъ, онъ восторженно подмигивалъ мнѣ, будто говоря: „Она уморительна, Ирэнъ, не правда ли?“

Мы были соперниками, но я старался быть до щепетильности благороденъ въ отношеніи ея, и признавалъ у нея одно безспорное преимущество, а именно — ея каучуковый зубъ. Въ раннемъ дѣтствѣ у нея выпалъ передній зубъ — она вколотила его опять при помощи головной щетки. Но зубъ, тѣмъ не менѣе, опять выпалъ, и тогда она замѣнила его каучуковымъ зубомъ собственнаго издѣлія... Этотъ выскакивалъ только, когда она чихала... Если онъ падалъ на ея колѣни, то это значило, что у нея легкій насморкъ, но если зубъ при чиханіи отлеталъ въ другой уголокъ комнаты, то это значило уже, что она по-настоящему простужена. Зубъ Ирэнъ пользовался широкой извѣстностью въ Кенсингтонскомъ паркѣ, и малыши каждый день засыпали ее разспросами о ея необыкновенномъ зубѣ... И я съ своей стороны никогда бы не сталъ пенять Давиду за его вполне естественную гордость собственника, если бы онъ понималъ, что этотъ несомнѣнный талантъ Ирэнъ принадлежитъ, такъ сказать, къ талантамъ низшаго порядка... Я тогда уходилъ отъ Давида и давалъ ему понять, что разъ его благоволеніе можно купить такой дешевой цѣной, что отъ такого совѣтательства я вовсе отказываюсь. Но Кенсингтонскій паркъ самый пріятный клубъ въ Лондонѣ... Я не могъ долго бороться съ соблазнами и вновь возвращался туда. Я разыскивалъ Давида по аллеямъ, уводилъ его въ далекіе уголки парка, и видѣлъ только его одного, хотя другія матери — къ величайшему негодованію Мэри — тоже стали наряжать своихъ дѣтей въ такіе же живописные костюмчики, въ которыхъ всегда щеголялъ Давидъ.

Ирэнъ я повелъ къ дантисту, который вставилъ ей настоящій зубъ и тѣмъ сумѣлъ таки, въ концѣ-концовъ, сбить съ нея спесь...

Давидъ продѣлывалъ со мной очаровательныя вещи. Такъ, напримѣръ, моими карманами онъ пользовался, какъ выѣстищами, въ которыя совалъ все, что попадалось ему подъ руку. Онъ заглядывалъ въ нихъ, какъ въ свои собственные карманы, даже не говоря — съ вашего позволенія — и дома, вѣшая пальто на вѣшалку, я часто находилъ въ карманахъ жестяныхъ солдатъ, пистолетъ, — и вздыхалъ... Помню еще: однажды я приласкалъ въ паркѣ другого мальчика... Давидъ долго смотрѣлъ на это, затѣмъ всталъ, подошелъ къ этому мальчику и поколотилъ его. То же самое продѣлывалъ обыкновенно и Портосъ. Стоило мнѣ обратить вниманіе на другую собаку, какъ онъ тотчасъ бросался на нее, валилъ ее на землю и, ставъ на нее ногами, серьезно и гордо озирался кругомъ. И я тотчасъ понималъ значеніе неожиданной выходки Давида. Онъ открыто заявилъ этимъ, что считаетъ меня исключительной своей собственностью...

Ирэнъ сдѣлала ему выговоръ за то, что онъ побилъ мальчика, и поставила его въ наказаніе подлѣ скамейки на Широкой аллеѣ. И мы, конечно, обмѣнялись съ нею по этому поводу нѣсколькими теплыми словами... При слѣдующей встрѣчѣ съ нею я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю ея. Она тоже важно прошла мимо меня, но потомъ приуныла, а когда я ушелъ изъ парка — разразилась слезами. Она плакала оттого, что я ни при встрѣчѣ, ни уходя, не снялъ передъ нею шляпы... Я узналъ, къ немалому

моему удивленію, что эта моя глупая привычка доставляла ей огромное удовольствіе... Мы не разъ еще ссорились послѣ этого, но я никогда уже не забывалъ снять шляпы при встрѣчѣ съ нею... Я тоже взялъ съ нея обѣщаніе, что она будетъ кланяться мнѣ, и она отвѣтила съ напускнымъ равнодушіемъ, что я насмѣхаюсь надъ нею... Но мое требованіе пошло ей, и долженъ вамъ сказать, что кланялась она восхитительно — склонивъ немного головку на бокъ... Я нахожу очаровательной эту манеру кланяться, и, конечно, она переняла ее у Мэри...

Мнѣ будетъ очень грустно, если вы изъ моего разсказа выведете заключеніе, что я смотрю на дѣтей, какъ на щенятъ, которыхъ надо только забавлять. Можетъ-быть, у меня и была такая мысль, когда я въ первый разъ протянулъ къ Давиду мои непривычныя къ дѣтямъ руки... Сознаюсь, что и тогда и послѣ, пока ему не исполнилось трехъ лѣтъ, я другими цѣлями не задавался и старался только его забавлять... Если это была ошибка съ моей стороны, Господь Богъ проститъ ее мнѣ — я видѣлъ Давида одинъ только разъ въ недѣлю, и у меня было такъ мало опыта въ обращеніи съ дѣтьми...

На нелѣпость всѣхъ моихъ затѣй открылъ мнѣ глаза отчасти самъ Давидъ, отчасти Ирэнъ... Наблюдая ея игры съ дѣтьми, я вскорѣ убѣдился, что какъ дѣти ни падки на всякаго рода забавы, ихъ, однако, гораздо больше волнуетъ какой-нибудь трогательный или поучительный разсказъ. Эта маленькая женщина страстно любила дѣтей и всегда бывала окружена цѣлой кучей малышей, слушавшихъ ее съ благоговѣніемъ... Она съ серьезнымъ и важнымъ лицомъ раз-

сказывала имъ, какъ ведутъ себя настоящіе маленькіе лэди и джентльмены. Въ слушатели были дѣти зажиточнаго класса, она же — недавній оборвышъ изъ Дрюри-Лейнъ... Но она была для нихъ авторитетомъ хорошаго тона, и чѣмъ больше они слушали, какъ опрятны были эти романтическіе герои Ирэнъ, какъ послушны, какъ старательно обходили лужи, тѣмъ больше восхищались ими, хотя выраженіе ихъ лицъ ясно говорило о томъ, что эти маленькіе, благовоспитанные маленькіе лэди и джентльмены представляются имъ недостижимымъ для нихъ идеаломъ...

И сочинялъ для Давида много всякихъ сказокъ, обдумывалъ и репетировалъ ихъ передъ своимъ каминомъ, а Ирэнъ знала одну только сказку, но рассказывала ее изумительно... Другой такой сказочницей мнѣ никогда болѣе не приходилось слышать...

Это была очаровательная сказка, и рассказывала ее сама героиня.

— А почему короли и королевы не было дома? — спрашивалъ Давидъ, едва дыша отъ волненія.

— Вѣроятно, — отвѣчала Ирэнъ, подумавъ немного, — они пошли покушать провизію...

Она всегда рассказывала эту сказку, глядя въ пространство, и Давиду казалось, что тамъ, на Широкой аллеѣ, дѣйствительно происходятъ какія-то событія. И, когда она доходила до самаго интереснаго мѣста, грудь ея высоко поднималась. Никогда я не забуду, съ какимъ обиднымъ презрѣніемъ принцъ говорилъ сестрамъ: — «Нѣтъ, ни одна изъ васъ не надѣвала этого хрустальнаго башмачка...»

— И тогда — и тогда — и тогда! — говорила Ирэнъ. Она не дѣлала эффектныхъ театральныхъ

паузъ. Она волновалась потому, что она рассказывала свою собственную повѣсть...

— Ну, ну, ну... скорѣй! — нетерпѣливо стоналъ Давидъ, хотя зналъ сказку на память.

— Она сѣла... такъ — вотъ сѣла, — въ само-забвеніи, какъ ясновидящая, продолжала Ирэнъ, — и надѣла хрустальный башмачекъ... онъ пришелся ей какъ разъ по ногѣ... И тогда принцъ громко крикнулъ: «Вотъ она, моя невеста, Золушка! И теперь я поведу ее подъ вѣнецъ...»

Ирэнъ отрезвлялась, какъ послѣ долгихъ грезъ, и гордо озиралась кругомъ на важную публику, прогуливавшуюся по аллеямъ парка...

— Да, она была простой, грязной, бѣдной судомойкой, Золушка! Но честная и добрая и дождалась заслуженной награды... — добавляла она прерывавшимся тихимъ голосомъ, и глаза ея влажно блестяли...

И убѣжденъ, что если бы въ это самое мгновеніе подлѣ нихъ появилась добрая фея и коснулась Ирэнъ своей рукой, Давидъ не столь удивился бы, сколько бы заинтересовался... Но я угадалъ тайну этой дѣвочки. Она знала, что въ наше время нѣтъ больше добрыхъ фей, но лелѣла надежду, что если будетъ честной, хорошей дѣвочкой, то и она когда-нибудь будетъ настоящей барыней, какъ ее хозяйка, которую она обожала...

Это страшная, щемящая сердце тайна, — мечта дѣвочки, выросшей въ кварталѣ Дрюри-Лейнъ. И сколько тяжкихъ препятствій предстояло ей одолѣть въ этомъ ужасномъ, огромномъ городѣ. И какъ мало шансовъ у нея было на побѣду...

Помоги тебѣ Богъ, Ирэнъ!

ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ

Если вы не будете знать Кенсингтонского парка такъ, какъ знаетъ его темеръ Давидъ, то вамъ трудно будетъ слѣдить за нитью нашей повѣсти.

Кенсингтонскій паркъ находится въ Лондонѣ, гдѣ живетъ король, и дѣти ходятъ гулять въ паркъ каждый день... Но обойти весь паркъ рѣдко кому удастся, потому что дѣти должны рано возвращаться домой. Возвращаться домой надо, потому, что дѣти должны спать отъ двѣнадцати до часу. Если бы матери не считали необходимымъ этотъ полуденный сонъ, у дѣтей было бы больше времени знакомиться съ паркомъ...

Вдоль парка тянется всегда безконечная вереница омнибусовъ, которые такъ послушны Ирэнъ, что достаточно ей поднять только пальчикъ, и они тотчасъ останавливаются. И тогда она благополучно переходитъ съ Давидомъ на другую сторону улицы. Въ оградѣ парка много, много воротъ, но Давидъ всегда проходитъ одними и тѣми же и, прежде чѣмъ войти, останавливается и болтаетъ немного съ женщиной,

торгующей воздушными шарами. Она всегда сидитъ у воротъ и войти въ паркъ не рѣшается, потому что если бы она хотя на мигъ сняла руку съ желѣзной ограды, за которую крѣпко держится, то воздушные шары взлетѣли бы вверхъ и унесли ее съ собой. Она сидитъ прямо, прижавъ ноги къ землѣ, потому что шары дергаются на бечевкахъ, и отъ напряженія у нея всегда красное лицо. Въ одинъ прекрасный день у воротъ оказалась другая женщина, потому что прежнюю шары, въ концѣ-концовъ, унесли-таки на воздухъ... Давидъ былъ очень огорченъ, но разъ ей суждено было улетѣть, то онъ очень жалѣлъ, что не видѣлъ, какъ она улетѣла...

Паркъ занимаетъ огромное пространство, и деревьевъ въ немъ миллионы... Прежде всего вы входите въ Фиговую аллею, но отсюда тотчасъ и съ презрѣніемъ удаляетесь, потому что Фиговую аллею облюбовали для себя важничающіе маленькіе барчата, которымъ запрещено водить знакомство съ дѣтьми низшаго круга... Фиговой эта аллея называется, какъ гласитъ преданіе, потому, что дѣти здѣсь всегда одѣты съ иголочки...*)

Давидъ и другіе герои Кенсингтонского парка презрительно называютъ этихъ франтовъ „фигами“ — и перемываютъ имъ косточки. О нихъ рассказываютъ самыя невѣроятныя вещи... Они такъ невѣжественны, что игру „cricket“ называютъ „crickets“...**)

Бываетъ, что какая-нибудь благонравная „фига“ взбунтуется и перелѣзаетъ черезъ заборъ, какъ, на-

*) Непереводимая игра словъ: Fig — фиговое дерево, dressed in his fig — быть съ иголочки одѣтымъ.

**) Cricket — игра, crickets — сверчки.

примѣръ, сдѣлала миссъ Мабель Грей, о которой рѣчь еще впереди. Это была единственная порядочная „фига“, память о которой переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе...

Итакъ, минуя Фиговую, мы выходимъ на Широкую аллею. Она настолько же больше другихъ аллей и дорожекъ, насколько отецъ больше своихъ маленькихъ дѣтей. Давидъ спрашивалъ, родилась ли она тоже маленькой и потомъ росла, росла, пока стала совсѣмъ большой, и дѣтьми ли приходится ей всѣ другія дорожки, и рисовать себѣ картину, которая очень смѣшила его: Широкою аллею — маленькой, совсѣмъ маленькой, и въ дѣтской колясочкѣ... На Широкой аллеѣ копошится самая пестрая малолѣтняя публика... Тутъ надо смотрѣть въ оба: то одинъ, то другой малышъ отбываетъ наказаніе подлѣ скамьи, изображающей что-то въ родѣ лобнаго мѣста. Одни — за то, что были „бѣшеной собакой“, другіе — за то, что были „Мэри-Анни...“ Быть „Мэри-Анни“ — значитъ вести себя, какъ дѣвочка — рюмить оттого, что няня на минуту отошла въ сторону, или сосать свой палецъ, и вообще — быть „Мэри-Анни“ это большой позоръ... А „бѣшенная собака“, это значитъ брыкаться, давать пинки направо и налево, и надо сказать, что многіе находятъ въ этомъ большое удовольствіе...

Если бы я сталъ перечислять всѣ достопримѣчательности Широкой аллеи, мы бы и до половины ея за день не прошли... И потому я только указываю моею тростью на дерево Чекко Юлетта, на замѣчательное мѣсто, гдѣ мальчикъ по имени Чекко потерялъ пенсъ и, разыскивая его, нашелъ два пенса. Съ тѣхъ поръ здѣсь производилось множество раско-

покъ людьми, чайвшими клада... Немного дальше стоялъ маленькій деревянный домикъ, въ которомъ когда-то прятался Мармадукъ Перри... Это самая жуткая легенда Кенсингтонскаго парка. Въ теченіе трехъ дней Мармадукъ Перри былъ Мэри-Анни,* и въ наказаніе его привезли въ паркъ, на Широкою Аллею въ платицѣ его сестры. Тогда онъ спрятался въ маленькомъ деревянномъ домикѣ и не выходилъ оттуда до тѣхъ поръ, пока ему не принесли его штанишки съ карманами...

Предметъ всеобщихъ вожделѣній это Круглый прудъ... Но няни не полагаются еще на здравый смыслъ своихъ воспитанниковъ и, отвлекая ихъ вниманіе отъ Круглаго пруда, водятъ къ Большому Пенсу или къ Дворцу маленькой дѣвочки... Это была самая красивая въ паркѣ дѣвочка. Она жила одна въ своемъ дворцѣ, окруженная штатомъ куколъ и нянекъ... Вставала она въ шесть часовъ, сама зажигала свѣчку, открывала дверь, и ее встрѣчали ликующими криками: „Да здравствуетъ королева Англіи!“ — Давида больше всего поражало то, что она всегда помнила, гдѣ лежатъ спички... А Большой Пенсъ — это была воздвигнутая въ честь ея статуя...

Холмъ — это мѣсто на Широкой аллеѣ, гдѣ играютъ большія дѣти... Здѣсь происходятъ непрерывныя ристалища. У васъ, напримѣръ, нѣтъ никакого желанія бѣгать, но едва вы приходите къ этому мѣсту, вами овладѣваетъ какой-то бѣсъ, и вамъ уже не стоитъ, вы начинаете бѣгать вслѣдъ за другими... Но иногда силы измѣняются вамъ и тогда — крышка! Вы погибли... Но къ счастью, въ двухъ шагахъ отъ Холма — другой деревянный домикъ — „Убѣжи-

ще для заблудившихся... Вы говорите маленькому сторожу, что вы заблудились, и онъ указываетъ вамъ дорогу... Весело мчаться внизъ съ вершины холма, но, увы, въ вѣтреные дни это удовольствіе недоступное — потому что въ вѣтреные дни мы сидимъ дома, и вмѣсто насъ съ холма летятъ внизъ падающіе съ деревьевъ листья.

И, сидя дома, мы мечтаемъ о томъ, какъ красиво летятъ съ холма увядшіе листья...

Съ Холма мы видимъ ворота, названныя по имени миссъ Мабель Грей, той самой „фиги“, о которой я обѣщалъ вамъ рассказать... Съ ней всегда приходили двѣ няни — быть-можетъ, впрочемъ, одна изъ нихъ была мама, а другая — настоящая няня... И долгое время это была примѣрная, благоправная дѣвочка, всегда покашливавшая, всегда вѣжливо говорившая другимъ „фигамъ“ — здравствуйте... А играла она — это надо было видѣть!.. Подбросить чуть-чуть мячикъ и посылаетъ няню поднимать его... Но въ одинъ прекрасный день ей все это надоѣло, и она превратилась вдругъ въ „бѣшеную собаку...“ Что-бы никакого сомнѣнія быть не могло въ томъ, что она, дѣйствительно, бѣшеная собака, она первымъ дѣломъ развязала шнурки у своихъ ботинокъ и стала показывать языкъ — на востокъ, на западъ, на сѣверъ, на югъ... Затѣмъ бросила свой поясъ въ лужу и принялась отплясывать дикій танецъ.

Она плясала въ лужѣ до тѣхъ поръ, пока не забрызгала себя грязью съ головы до ногъ. Тогда она влѣзла на ограду, гдѣ продѣлала еще тысячу невѣроятныхъ вещей. Наконецъ, бросилась къ воротамъ, названнымъ позднѣе ея именемъ, и побѣжала.

по улицамъ, въ которыхъ мы съ Давидомъ не были никогда, хотя до насъ не разъ доносился ихъ глухой гулъ... Мабель Грей неслась безъ передышки изъ одной улицы въ другую и, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно, если бы мать ея не вскочила въ омнибусъ и не догнала ее... Все это случилось, долженъ добавить, давнымъ-давно, и Давидъ не имѣлъ удовольствія лично знать эту миссъ Мабель Грей.

По правую руку отъ Широкой аллеи идетъ Дѣтская аллея, на которой всегда столько колясочекъ, что вы могли бы шагать по малышамъ, какъ по ковру, если бы няньки ничего противъ этого не имѣли... Отсюда узкая дорожка, — Мальчикъ-съ-пальчикъ, — ведетъ къ Закусочной аллеѣ, всегда заставленной котелками и бутылками... Когда дѣти пьютъ молоко или воду, въ кружки ихъ падаетъ каштановый цвѣтъ.

Затѣмъ мы подходимъ къ колодцу св. Говора, который полонъ былъ воды, когда въ него упалъ Малькольмъ Смѣлый... Онъ былъ любимцемъ своей матери, и такъ какъ она была вдова, то онъ позволялъ ей обнимать себя при постороннихъ... Онъ былъ большимъ охотникомъ до всякихъ приключеній и любилъ играть съ трубочникомъ, который убилъ на своемъ вѣку много, много медвѣдей... Трубочника звали Сути. Однажды они играли оба подлѣ колодца. Малькольмъ по неосторожности своей упалъ въ колодець и навѣрно бы утонулъ, если бы Сути не нырнулъ въ воду и не вытащилъ его. Въ колодець съ трубочника сошла вся грязь, и Малькольмъ узналъ въ немъ своего давно умершаго отца... И съ той поры онъ не позволялъ больше своей мамѣ обнимать себя при постороннихъ...

Между колодеземъ и Круглымъ прудомъ находятся площадки для крокета, но на нихъ никто, обыкновенно, не играетъ. Препирательства о томъ, гдѣ кому играть, длятся такъ долго, что до самой игры рѣдко доходитъ дѣло... Въ паркѣ ведется двойкаго рода игра въ крокетъ: одна подъ именемъ „мальчишескій крокетъ“, — это настоящий крокетъ съ настоящими молотками; и „дѣвочкинъ крокетъ“ — тутъ играютъ вмѣсто молотковъ ракетками и подъ наблюдениемъ боннѣ.

Дѣвочки совершенно не умѣютъ играть въ крокетъ, и когда Давидъ наблюдаетъ ихъ безпомощныя попытки, онъ не можетъ удержаться отъ пролическихъ восклицаній... И, однако, одна его прогулка ознаменовалась весьма неблагоприятнымъ происшествіемъ. Нѣсколько бойкихъ дѣвочекъ стали подтрунивать надъ свитой Давида, а одна изъ дѣвочекъ вступила даже съ ними въ состязаніе п... Но я лучше умолчу о результатахъ этого злополучнаго матча... Поспѣвшимъ къ Круглому пруду. Это главный нервъ жизни Кенсингтонскаго парка...

Онъ находится въ самой серединѣ парка, и, придя къ нему, вы никуда уже больше уходить не хотите. Подлѣ Круглаго пруда невозможно оставаться чистенькимъ опрятнымъ мальчикомъ. На Широкой аллѣ и на другихъ аллеяхъ это еще возможно, но никакъ не подлѣ Круглаго пруда. Просто потому, что здѣсь вы объ этомъ тотчасъ забываете, а когда вспоминаете, на васъ все такъ грязно и мокро, что всякія предосторожности уже излишни... Иные пускаютъ на Круглый прудъ такія большія лодки, что привозятъ ихъ съ собой въ тачкахъ или въ колясочкахъ,

и тогда дѣти плетутся въ паркъ пѣшкомъ. Кривоногія дѣти въ паркѣ это и есть дѣти, которыя ходятъ въ паркъ пѣшкомъ, потому что отны возить на ихъ колясочкахъ лодки...

Кто не мечталъ о яхтѣ на Кругломъ пруду? Раньше или позже какой-нибудь дядя, конечно, осуществляетъ это завѣтное желаніе... Возить ее въ паркъ, спускать на прудъ и рассказывать о ней мальчикамъ, у которыхъ нѣтъ дядей, — да вѣдь это же блаженство!.. Но потомъ яхта прѣдается, и ее оставляютъ дома... Изъ всѣхъ судовъ, совершающихъ рейсы по Круглому пруду, самое очаровательное это — узенькая лодочка, сколоченная изъ палокъ... Иногда это даже просто палка. Вы спускаете ее въ прудъ на бечевкѣ, обьгаете вдоль берега, тащите ее по водѣ и видите, какъ, словно по волшебству, вздымаются и надуваются на вѣтру паруса, какъ снуютъ люди на палубѣ, а на ночь уводите ее въ надежныя гавани, недоступныя для великолѣпныхъ яхтъ. Быстро проходить ночь, и опять ваше чудесное судно съ наклонными мачтами выпрямляетъ свои паруса, нагружается хлѣбомъ, и вы мчитесь мимо забытыхъ гореловъ, сражаетесь съ пиратами и бросаете якорь у коралловыхъ острововъ. И все это вы продѣлываете одинъ, потому что вдвоемъ это не такъ интересно, и разговариваете все время тоже съ самимъ собою, сами отдааете приказанія и съ отчаяннымъ рвеніемъ, сами же ихъ исполняете. Вы забываете обо всемъ на свѣтѣ, и о томъ, что пора возвращаться домой, и о томъ, гдѣ вы находитесь и кто надуваетъ ваши паруса. Казна ваша, все ваши сокровища спрятаны въ трюмъ судна, и, быть-можетъ, какой-нибудь другой мальчикъ много лѣтъ спустя най-

дети и открась вашъ драгоценный ларчикъ. Но на яхтахъ нѣтъ сокровищъ въ трюмѣ. И мы вспоминаемъ съ радостью любимыя въ дѣтствѣ мѣста не потому, что съ ними связаны воспоминанія о великолѣпныхъ яхтахъ... О, нѣтъ...

Самыя радостныя воспоминанія связаны съ лодочкой, сколоченной изъ палочекъ... Яхты — это игрушки, и собственники ихъ никогда въ дальнихъ плаваніяхъ не бывали. Они скользятъ вдоль и поперекъ пруда, а лодочки изъ палочекъ совершаютъ морскіе рейсы... Что толку въ яхтахъ? Это все случайныя, мимолетныя гости, и если бы утки слѣзали на нихъ, всѣхъ нападеніе и потопили бы ихъ, ничего отъ этого не измѣнилось бы. Плаваніе настоящихъ судовъ шло бы своимъ порядкомъ...

Тропинки тянутся къ пруду со всѣхъ сторонъ какъ дѣти. Иныя изъ нихъ — обыкновенныя тропинки съ изгородью по одной сторонѣ, сдѣланныя рабочими въ блузахъ, а другія тропинки — ничьей рукой не проложены, и мѣстами онѣ шириною съ большое блюдо, а мѣстами такъ узки, что двѣ подошвы едва умѣщаются на нихъ. Ихъ называютъ самодѣльными тропинками, и Давиду очень хотѣлось видѣть, какъ онѣ сами прокладываютъ себя. Но какъ и всѣ чудеса въ паркѣ, это тоже происходитъ ночью, очевидно, послѣ того, какъ запираютъ ворота. Мы рѣшили, что тропинки эти сами прокладываютъ себя потому, что иначе имъ бы не попасть къ Круглому пруду...

Одна изъ этихъ тайныхъ тропинокъ тянется отъ того мѣста, гдѣ стригутъ овецъ. Когда Давиду снимали кудри въ парикмахерской, онъ даже бровью не шевельнулъ, а Мэри съ того дня никогда уже не улы-

балась больше прежней беззаботной улыбкой. Поэтому Давидъ презираетъ овецъ, убѣгающихъ отъ своихъ парикмахеровъ, и насмѣшливо кричитъ: «Грусишки! Грусишки!» Но когда стригуны сжимаютъ бѣдную овцу между кобѣй, Давидъ грозитъ кулакомъ за жестокое обращеніе... Но вотъ, наконецъ, съ овецъ падаетъ грязная шерсть, и онѣ становятся похожи на декольтированныхъ дамъ въ театральныхъ ложахъ. Онѣ такъ боятся стрижки, овцы, что блѣднѣютъ и худѣютъ и вырвавшись изъ рукъ своего мучителя, тотчасъ же съ тревогой принимаются щипать траву, словно боясь, что имъ никогда уже не придется наслаждаться ею... Давида очень занимаетъ, узнаютъ ли онѣ другъ друга теперь, когда такъ измѣнились, и не станутъ ли онѣ вдругъ драться вовсе не съ тѣми, съ которыми затѣяли ссору до стрижки... Онѣ большія драчуны и совершенно непохожи на деревенскихъ овецъ, и это ежегодно приводитъ въ изумленіе моего Портоса.

Онѣ могутъ обратить въ бѣгство цѣлое стадо деревенскихъ овецъ однимъ своимъ появленіемъ на улицѣ, но эти городскія овцы подходятъ къ нему съ видомъ, менѣе всего сулящимъ какія-либо пріятныя развлеченія, и въ памяти Портоса тотчасъ вспыхиваетъ воспоминаніе о прошлогодней встрѣчѣ... Онѣ не могутъ отступить назадъ, не роняя своего достоинства, — не останавливаясь и оглядываясь кругомъ, словно восхищенный открывшейся передъ нимъ картиной, онѣ равнодушны, съ видомъ празднаго фланера, уходитъ далѣе, поглядывая на меня украдкой...

Недалеко отъ площади, гдѣ стригутъ овецъ, лежитъ хорошенькое озеро Серпантинъ съ затонув-

шимъ въ немъ дѣсомъ. Если наклониться надъ водою, то можно видѣть деревья, растущія тамъ вверхъ ногами, и говорить, что ночью видны и затонувшія въ озерѣ звѣзды... Если это правда, то Питеръ Пэнъ видитъ ихъ каждый вечеръ, когда плыветъ по озеру въ Гибздо дроздовъ. Въ самомъ паркѣ находится только часть озера Серпантинъ, а дальше оно голубѣетъ уже за мостомъ, гдѣ находится и островъ, на которомъ рождаются всѣ птички, превращающіяся потомъ въ маленькихъ дѣвочекъ или мальчиковъ... Ни одно человѣческое существо, за исключеніемъ Питера Пэна — а онъ существо получеловѣческое — не можетъ причаливать у этого острова, но вы можете написать, что хотите, на клочкѣ бумаги — хочу быть мальчикомъ или дѣвочкой, блондиномъ или брюнетомъ, — сунуть записку въ судно и пустить его на воду... Когда спустятся сумерки, Питеръ Пэнъ непременно записку вашу получитъ...

А теперь мы возвращаемся домой, хотя намъ очень хотѣлось бы побывать еще во многихъ мѣстахъ. И съ удовольствіемъ долго еще водилъ бы Давида по парку и присаживался съ нимъ на каждой скамьѣ, какъ м-ръ Сальфордъ. Мы называли его такъ потому, что онъ рассказывалъ намъ о какомъ-то миломъ его сердцу городкѣ Сальфордъ, въ которомъ родился. Это былъ маленькій сморщенный старичокъ, бродившій по цѣлымъ днямъ по парку отъ одной скамьи къ другой, въ поискахъ человѣка, который знаетъ его родной городокъ Сальфордъ... Мы уже знали его нѣкій годъ, когда однажды случайно разговорились съ другимъ старичкомъ, который когда-то провелъ два дня въ Сальфордѣ. Это тоже былъ тихій, застѣчивый

старичекъ. Адресъ своей квартиры онъ закладывалъ на донышко своей шляпы и, въ какую бы часть Лондона ни отправлялся, онъ всегда шелъ къ Вестминстерскому аббатству и только съ этого мѣста находить дорогу туда, куда ему нужно было... Мы съ торжествомъ повели его къ нашему другу, и надо было видѣть, съ какой жадной радостью м-ръ Сальфордъ накинулся на него. Они крѣпко подружились, и м-ръ Сальфордъ, — онъ обыкновенно говоритъ за двоихъ, — всегда держитъ своего новаго друга за полу сюртука...

Но пути къ воротамъ мы пройдемъ еще мимо Собачьяго кладбища и Гибзда зябликовъ... Такъ какъ Портосъ всегда съ нами, то мы дѣлаемъ видъ, что Собачьяго кладбища не замѣчаемъ. На Гибзда зябликовъ мы набрали самымъ удивительнымъ образомъ. Мы искали въ кустахъ залетѣвшій куда-то шерстяной шарикъ Давида и вмѣсто шарика нашли прелестное чистенькое Гибздо, тоже выстланное шерстью, а въ Гибздѣ оказалось четыре яйца, въ царапинкахъ, очень напоминавшихъ почеркъ Давида... И мы подумали даже, что это нѣжныя письма матери къ маленькимъ птенчикамъ, не вылупившимся еще изъ яицъ... Мы стали каждый день навѣщать это Гибздо, съ предосторожностями, конечно, дабы злые мальчики не пронюхали о нашихъ посѣщеніяхъ, бросали крошки хлѣба въ Гибздо, и птичка вскорѣ подружилась съ нами и, когда мы приходили, привѣтливо поглядывала на насъ... Но однажды мы нашли въ Гибздѣ только два яйца, а на слѣдующій день ни одного не оказалось. Бѣдная птичка кружила надъ кустами и смотрѣла на насъ съ печальнымъ укоромъ — она,

очевидно, считала нас виновниками своего несчастья, и это было обидно и мучительно. Давидь долго объяснял ей, что мы тут ни при чемъ, но онъ такъ давно уже не говорилъ на птичьемъ языкѣ, что врядъ ли она могла его понять... Въ этотъ день мы ушли оба изъ парка съ красными глазами...

XIII

ПИТЕРЪ ПЭНЬ

Если вы спросите вашу маму, слышала ли она о Питерѣ Пэни, когда была маленькой девочкой, она отвѣтитъ: „Ну, да, конечно, слышала“... — И если спросите, ѣздила ли онъ верхомъ на козлѣ, — она отвѣтитъ: „Какой глупый вопросъ, — конечно, ѣздила!“ Если вы спросите бабушку, слышала ли она о Питерѣ Пэни, когда была маленькой, она тоже скажетъ: „Ну, да, конечно, слышала“... Но если вы спросите ее, ѣздила ли онъ тогда верхомъ на козлѣ, — она отвѣтитъ, что о козлѣ она ничего не слышала! Быть можетъ, она забыла. Она часто забываетъ даже, какъ зовутъ внука, и зоветъ его Мильдредъ, — а Мильдредъ это его мать. Она могла забыть и такое важное обстоятельство, какъ козель... Допустимъ даже, что въ то время, когда ваша бабушка была маленькой девочкой, еще не было козловъ... Во всякомъ случаѣ, начинать съ козла, рассказывая о Питерѣ Пэни, что многие дѣлаютъ, такъ же глупо, какъ надевать сюртукъ раньше жилета... Ясно, какъ день, что Питеръ Пэни очень старъ, но возрастъ его оста-

ся неизмѣннымъ... Ему всего семь дней, и хотя онъ родился давно, давно, у него нѣтъ дня рожденія, и врядъ ли даже онъ когда-нибудь его праздновалъ. Дѣло въ томъ, что онъ пересталъ быть человѣческимъ существомъ, когда ему исполнилась недѣля... Онъ вылетѣлъ въ окно и вернулся обратно въ Кенсингтонскій паркъ.

Если вы воображаете, что онъ былъ единственнымъ ребенкомъ, надумавшимъ улетѣть изъ колыбели, то вы, очевидно, совершенно забыли первые дни своего дѣтства... Когда Давидъ въ первый разъ выслушалъ эту исторію, онъ былъ почти убѣжденъ, что онъ никогда не дѣлалъ попытокъ улетѣть... Но я сказалъ ему, чтобы онъ прижалъ руки къ вискамъ и хорошенько подумалъ, и когда онъ хорошенько подумалъ, онъ сталъ отчетливо вспоминать свое давнее дѣтское желаніе вернуться опять на верхушки деревьевъ... Вспомнивъ за этимъ воспоминаніемъ ожили многія другія: какъ онъ лежалъ въ кровати и рѣшилъ улетѣть, едва лишь мать уснетъ, и какъ она однажды поймала его за рубашку на полпути къ камину... Всѣ дѣти могутъ припомнить такія же минуты, если крѣпко прижмутъ ручки къ вискамъ... Такъ какъ они были птичками передъ тѣмъ, какъ приняли человѣческій обликъ, то въ первые недѣли они, понятно, кажутся дичками, и у нихъ сильно чешутся плечи, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ были раньше крылышки... Это я знаю уже отъ Давида...

Обыкновенно, я сначала ему рассказываю какую-нибудь исторію, а затѣмъ онъ рассказываетъ ее мнѣ. Но это уже совсѣмъ, совсѣмъ другая исторія... Потомъ я опять рассказываю, уже съ его добавленіями, и мы

продолжаемъ рассказывать ее другъ другу, пока ни онъ ни я уже сами не знаемъ, кѣмъ изъ насъ двухъ она сочинена... Въ исторіи, напримѣръ, о Питерѣ Пэнтѣ, самый остовъ повѣсти и размышленія моральнаго свойства принадлежатъ мнѣ, хотя этотъ мальчуганъ бываетъ иногда суровымъ моралистомъ... Но увлекательныя описанія нравовъ и обычаевъ у дѣтей въ птичьемъ состояніи принадлежатъ Давиду... Это его личныя воспоминанія, которыя онъ воскресилъ въ своей памяти, напряженно думая и прижимая ручки къ вискамъ.

Итакъ, Питеръ Пэнтъ вылетѣлъ въ окно, къ которому не догадались еще придѣлать рѣшетки. Стоя на подоконникѣ, онъ видѣлъ далекія деревья — это были деревья Кенсингтонскаго парка. И, глядя на нихъ, онъ совершенно забылъ, что онъ теперь мальчикъ въ ночной рубашечкѣ, и потому, прямо черезъ крыши домовъ, понесся въ Кенсингтонскій паркъ... Это удивительно, конечно, какъ онъ могъ летѣть безъ крыльевъ, но плечи у него чесались нестерпимо... И кто знаетъ — быть можетъ, мы всѣ умѣли бы летать, будь у насъ столько же мощной вѣры въ свои силы, сколько было ее въ этотъ вечеръ у смѣлаго Питера Пэнта.

Онъ весело опустился на лужайку, между дворомъ маленькой дѣвочки и озеромъ Серпантинъ, и первымъ дѣломъ — прилечь на спину и подрыгать обѣими ланками въ воздухѣ. Онъ уже забылъ, что еще недавно былъ мальчикомъ, и возомнилъ себя настоящей птичкой... Ему казалось, что онъ вновь преобразился въ такую же птичку, какой былъ когда-то. Однако, когда онъ захотѣлъ поймать муху, это

къ его удивленію ему не удалось... А причина была та, что онъ хотѣлъ поймать ее рукой... Но какая же птичка ловить мухъ лапками?

Онъ сознавалъ, однако, что было уже далеко за полночь — оттого что кругомъ сновало много фей... Но онѣ заняты были своимъ дѣломъ и даже не замѣчали его... Онѣ готовили завтракъ, доили коровъ, таскали воду... При видѣ ведеръ съ водою ему захотѣлось пить, и онъ полетѣлъ къ Круглому пруду... Прилетѣвъ къ пруду, онъ погрузилъ въ воду свой клювъ, онъ думалъ, что пьетъ клювомъ, а сунуть-то онъ въ воду свой носикъ, воды ему въ ротъ пошло очень мало, и никакого удовольствія онъ при этомъ не испыталъ... Тогда онъ попробовалъ напиться изъ лужи и шлепнулся въ нее... Когда настоящая птичка шлепается въ лужу, она расправляетъ перышки и они тотчасъ высыхаютъ на воздухѣ. Но Питеръ не могъ вспомнить никакъ, что ему надо въ этомъ случаѣ дѣлать, и, надувшись, рѣшилъ улечься спать въ Дѣтской аллеѣ, въ листвѣ тихо шелестѣвшаго бука.

Ему очень трудно было примоститься на колымажѣ вѣткѣ, но, наконецъ, онъ вспомнилъ, какъ это дѣлается, и уснулъ. Проснулся онъ на зарѣ и, дрожа отъ холода, проговорилъ про себя... „Никогда еще я не былъ на такомъ холоду“... — Когда онъ былъ птичкой, онъ спалъ, конечно, и не на такомъ еще холоду... Но что хорошо для птички, то можетъ быть совсѣмъ нехорошо для мальчика въ одной ночной рубашкѣ...

Ему было какъ-то не по себѣ... Его беспокоили какіе-то странные, непонятные звуки... Онъ оглядывался во всѣ стороны, недоумѣвалъ, откуда идутъ

эти звуки... А звуки-то шли изъ его носика — онъ все время чихалъ... Потомъ ему чего-то сильно, сильно захотѣлось, а чего именно — онъ тоже не могъ понять... А хотѣлъ онъ только, чтобы его мама утерла ему носъ, но голова его плохо работала, и онъ рѣшилъ обратиться къ феямъ и спросить у нихъ, чего ему такъ сильно хотѣлось...

Фей парка извѣстны были своей проникательностью...

Въ Дѣтской аллеѣ, обнявшись, прохаживались двѣ феи, онъ подлетѣлъ къ нимъ... И хотя у фей давніе счеты съ птичками, не все же на всякой вѣжливый, хотя бы и птичій вопросъ онѣ отвѣчаютъ тоже очень вѣжливо... Можете представить себѣ, каково было изумленіе Питера Пэна, когда эти двѣ феи, одна завидѣвъ его, быстро убѣжали. Третья фея, небрежно развалившись въ плетеномъ креслѣ, разсматривала почтовую марку, оброненную наканунѣ человѣкомъ, но, услышавъ голосъ Питера Пэна, она испуганно сорвалась съ мѣста и спряталась за тюльпаномъ...

Онъ убѣдился вскорѣ, къ своему изумленію, что при встрѣчѣ съ нимъ всѣ феи разбѣгаются... Группа рабочихъ, пилившихъ дрова позади ядовитаго гриба, увидѣвъ его, тоже бросились бѣжать вразсыпную, побросавъ работу и всѣ свои инструменты... Скоро весь паркъ охваченъ былъ панической тревогой. Толпы фей растерянно метались по дорожкамъ и храбро спрашивали другъ друга, кого и чего онѣ собственно испугались... И въ то же время всюду гасли огни, захлопывались двери, а изъ дворца королевы Мабъ неслись уже глухіе перебаты барабаннаго боя, говорив-

наго о томъ, что вызвана королевская гвардія... На Широкой аллеѣ показался отрядъ всадниковъ, вооруженныхъ вѣтками остролистника, которыми эти воины беспощадно рубятъ своихъ враговъ... Питеръ Пэнъ слышалъ, какъ со всѣхъ сторонъ кричали о томъ, что въ паркѣ очутилось какое-то человѣческое существо, — но ему и въ голову не приходило, что это онъ — самъ... А между тѣмъ его все больше и больше беспокоилъ его грязный носикъ, онъ не зналъ, что ему предпринять, и тщетно гнался за обитателями парка съ столь важнымъ для него въ эти минуты вопросомъ... Нежные маленькія существа разбѣгались переть нимъ, и даже всадники, увидавъ его подлѣ Холма, быстро свернули въ боковую аллею, подъ предлогомъ, что замѣтили здѣсь какое-то человѣческое существо.

Потерявъ надежду добиться отвѣта отъ фей, Питеръ Пэнъ рѣшилъ обратиться къ птичкамъ и тутъ только вспомнилъ, что всѣ птички улетѣли съ бука, едва онъ опустился на вѣтку... Въ ту минуту онъ не обратилъ на это вниманія, но теперь онъ догадывался, что и птички его испугались. Все живое на землѣ избѣгло его... Бѣдный Питеръ Пэнъ... Онъ сѣлъ на землю и заплакалъ, но даже и въ это мгновение онъ не сознавалъ, что никогда птички не сидятъ и не плачутъ такъ, какъ сидѣлъ и плакалъ онъ... И хорошо, что онъ не зналъ объ этомъ... Иначе онъ утратилъ бы вѣру въ свою способность летать. А какъ только вы начинаете сомнѣваться въ своемъ умѣніи летать, вы навсегда уже утрачиваете эту способность. Потому-то птички и умѣютъ летать, что онѣ вѣрятъ, а вѣрить это значитъ — имѣть крылья...

На островокъ на озерѣ Серпантинъ можно попасть только по воздуху, лодкамъ запрещено причаливать къ его берегамъ. — Островокъ освѣденъ торчащими изъ воды жердями, и на каждой жерди дено и ночью караулятъ птички — часовые... На этотъ островокъ и полетѣлъ Питеръ Пэнъ, чтобы рассказать о своемъ горѣ Соломону-Ворону... Съ чувствомъ облегченія спустился онъ тамъ на землю: не даромъ птички называютъ этотъ островъ своей родиной. — Питеру Пэну пріятно было очутиться, наконецъ, дома. Всѣ птички спали. Спали и часовые... Бодрствовать только одинъ Соломонъ-Воронъ. Онъ спокойно выслушалъ грустную повѣсть Питера о его злоключенияхъ и откровенно замѣтилъ ему:

— Да ты погляди на свою ночную рубашку...

Питеръ растерянно посмотрѣлъ на себя, потомъ на спавшихъ птичекъ... Онѣ были всѣ безъ ночныхъ рубашекъ.

— Много ли у тебя коготковъ на лапкахъ? — уже съ отѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ спросилъ Соломонъ-Воронъ. И Питеръ Пэнъ къ несказанному смущенію своему увидалъ, что у него нѣтъ ни лапокъ ни коготковъ. У него были ножки и пальчики... Это такъ поразило его, что онъ забылъ даже и про холодъ. — А ну-ка встряхни перышками! — угрюмо продолжалъ старый Соломонъ, и Питеръ тщетно и съ отчаяніемъ дергалъ плечиками и скидывалъ ручки: у него не было перышекъ... И тутъ только впервые съ той минуты, когда онъ вскочилъ на подоконникъ, онъ вспомнилъ объ одной женщинѣ, нѣжно любившей его...

— Счастливого пути... — отвѣтилъ Соломонъ-Воронъ и какъ-то странно такъ на него посмотрѣлъ.

Питеръ нерѣшительно топтался на одномъ мѣстѣ.

— Что же вы не уходите? — вѣжливо спросилъ старикъ.

— Но надѣюсь... — прерывающимся голосомъ сказалъ Питеръ, — я могу еще летать?

Вы понимаете, онъ началъ уже сомнѣваться...

— Вѣдненькій ты „Ни то, ни се“, — сказалъ Соломонъ, у котораго было въ сущности предоброе жалостливое сердце... — Никогда ты уже не будешь летать, даже въ вѣтреные дни... Теперь ты долженъ остаться навсегда на этомъ островѣ...

— И даже въ Кенсингтонскомъ паркѣ никогда не смогу бывать? — съ ужасомъ спросилъ Питеръ Пэнъ.

— Какъ же ты туда попадешь? — сказалъ Соломонъ. Однако, онъ ласково пообѣщалъ мальчику научить его разнымъ птичьимъ обычаямъ и способамъ устраивать свою жизнь, поскольку, конечно, все это могло быть доступно для такого страннаго существа, какъ онъ...

— Значитъ, я уже не буду мальчикомъ? — спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ.

— И настоящей птичкой не буду?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ же я буду?

— Будешь „Середка-на-половину“, — отвѣтилъ старый, мудрый Соломонъ.

Птички на островѣ никакъ не могли привыкнуть къ Питеру. Каждый день онъ начинали вновь изумляться его странностямъ, какъ чему-то новому... Но

въ дѣйствительности птички-то каждый день были здѣсь новыя... Онѣ ежедневно вылуплялись изъ яицъ и тотчасъ же принимались смѣяться надъ нимъ. Однѣ изъ нихъ улетаели и превращались въ мальчиковъ и дѣвочекъ, и на смѣху имъ вылуплялись изъ яицъ другія птички...

И такъ безъ конца...

Были и такія матери, которымъ надоѣдало сидѣть долго на яйцахъ, и онѣ хитростью вынимали раньше срока своихъ птенчиковъ изъ скорлупы: напентывали имъ, что вотъ какъ разъ теперь они могли бы увидѣть, какъ Питеръ Пэнъ моется, или какъ Питеръ Пэнъ ѣстъ или ѣтъ... Онѣ ежедневно окружали его цѣлыми стаями и смотрѣли, какъ онъ все это продѣлываетъ, такъ же какъ мы смотримъ на павлиновъ и извиваеца отъ удовольствія, когда онѣ бросали ему корки хлѣба и онъ ловилъ руками, а не ртомъ, какъ онѣ это дѣлали. По распоряженію Соломона, птички приносили пищу для Питера изъ Кенсингтонскаго парка... Онъ не ѣлъ ни наѣкомыхъ ни червячковъ — (что онѣ считали большимъ малодушіемъ съ его стороны), и онѣ приносили ему хлѣбъ въ своихъ клювахъ... Вотъ почему, дѣти, не надо кричать птицамъ съ большими корками въ клювахъ — „Жаднуга! Жаднуга!“ — онѣ тащить эти корки не для себя, а для Питера Пэна...

На Питерѣ не было уже его ночной рубашечки. Птички выпрашивали у него куски полотна для подстилки въ гнѣздахъ, и онъ, по добротѣ сердечной, не могъ имъ отказать, хотя небольшіе лоскутки онъ, по совѣту Соломона, все-таки припряталъ на память! Онъ ходилъ теперь голенькій, но не подумайте, одна-

ко, что онъ зябъ, или чувствовалъ себя несчастнымъ... Ничуть не бывало! Онъ былъ всегда веселъ и счастливъ, потому что Соломонъ-Воронъ сдержалъ свое обѣщаніе и научилъ его жить по-птичьи... Онъ научилъ его быть довольнымъ и всегда дѣлать что-нибудь и вѣрить, что все, что онъ дѣлаетъ, — чрезвычайно важно и нужно...

Питеръ Пэнъ усильно помогалъ птицамъ вить гнѣзда. Онъ сталъ скоро вить гнѣзда не хуже лѣсныхъ голубей, почти такъ же хорошо, какъ черные дрозды... Однимъ только зябликамъ онъ никакъ не могъ угодить... Онъ устроилъ близъ гнѣздъ желоба для дождевой воды и пальцами добывалъ изъ земли червячковъ для маленькихъ птичекъ... онъ скоро научился такъ же, какъ птицы, отличать по запаху западный вѣтеръ отъ восточнаго, и глаза его видѣли, какъ растетъ трава, а ухо улавливало шорохъ насекомыхъ въ дуплахъ деревьевъ... — Воронъ научилъ сердце его радоваться — это было самое лучшее, что онъ сдѣлалъ для него... Всѣ птицы беззаботны и веселы до тѣхъ поръ, пока дѣти не разоряютъ ихъ гнѣздъ, и такъ какъ Соломонъ-Воронъ вѣдалъ только птичьи сердца, то ему не трудно было вложить птичьи радость и ясность и въ сердце Питера Пэна...

Питеру Пэну было такъ хорошо, что онъ по цѣлымъ днямъ распѣвалъ пѣсни, точно такъ же, какъ заливаются отъ радости птицы... Но такъ какъ онъ былъ и человекъ, то ему скоро понадобился инструментъ. Онъ вырѣзалъ себѣ дудочку изъ тростника и сиди по вечерамъ на берегу, старался передать на своей дудочкѣ шумъ вѣтра и плескъ воды и поймать пригоршнями лунный свѣтъ, вкладывалъ его въ свою

дудочку и такъ хорошо все это передавалъ въ звукахъ, что птички часто дивились и спрашивали другъ друга: «Что это — рыба въ водѣ плещется, или это Питеръ Пэнъ играетъ?» — Иногда онъ игралъ рожденіе птичекъ, и тогда матери слѣзили къ своимъ гнѣздамъ — поглядѣть, снесли ли онѣ яички въ этотъ день...

Всѣ дѣти, гулявшія въ Кенсингтонскомъ паркѣ, знаютъ, что самое близкое къ острову каштановое дерево, растущее у самаго моста, зацвѣтаетъ раньше всѣхъ другихъ. Но не всѣ дѣти знаютъ, отчего оно зацвѣтаетъ раньше другихъ деревьевъ... А дѣло въ томъ, что Питеръ Пэнъ всегда нетерпѣливо ждетъ весны и играетъ на своей дудочкѣ, что она уже пришла, и каштановое дерево слышитъ съ моста его пѣсни и вѣритъ имъ, зачарованное, и зацвѣтаетъ...

Но иногда музыка навѣваетъ грусть на Питера, и тогда въ его пѣсенки вилѣтаются печальныя ноты, и чѣмъ больше онъ играетъ, тѣмъ тоскливѣе онѣ звучатъ... Питеръ Пэнъ томится о Кенсингтонскомъ паркѣ, хотя и можетъ видѣть его издали сквозь арки моста... Онъ знаетъ, что никогда уже не будетъ больше мальчикомъ, да ему этого и не очень хотѣлось — но, ахъ!.. Какъ онъ жаждалъ играть такъ же, какъ и другія дѣти!.. Во всемъ мірѣ нѣтъ другого такого плѣнительнаго мѣста для игры, какъ этотъ Кенсингтонскій паркъ... Птицы рассказывали ему каждый день, какъ играютъ въ паркѣ дѣвочки и мальчики, и тоскливыя слезы застилали ему глаза...

Васъ удивляетъ, что онъ ни разу не рѣшился пробраться въ паркъ... Да просто потому, что онъ не умѣлъ плавать. Онъ жаждалъ этому научиться, но

никто на островѣ не могъ объяснить ему, какъ это дѣлается, никто, кромѣ утокъ. Но вѣдь онѣ такія глухія, утки, — что онѣ могутъ объяснить?.. Онѣ и не прочь были бы его научить, но ничего не могли сказать, кромѣ:

„Ну, ложись на воду... вотъ такъ... и потомъ — вотъ такъ“...

Питеръ пробовалъ ложиться на воду вотъ такъ, потомъ — вотъ такъ — но изъ этого ничего не выходило... Онъ тотчасъ же погружался съ головою въ воду... Онъ очень хотѣлъ понять, какъ именно надо держаться на водѣ, но утки на это ему отвѣчали, что такихъ простыхъ вещей даже объяснить нельзя... Иногда къ острову приплывали и лебеди, и онъ отдавалъ имъ всю свою провизію въ надеждѣ, что они изъ благодарности научатъ его плавать... Но, съѣвъ все, что онъ могъ имъ дать, лебеди начинали шипѣть на него и уплывали...

Однажды ему показалось, что онъ нашелъ, наконецъ, способъ попасть въ паркъ... Надъ островомъ въ одинъ прекрасный день показался какой-то удивительный бѣлый предметъ, похожій на газетный листъ. Предметъ этотъ упалъ вскорѣ на землю и сталъ подпрыгивать, какъ птичка со сложеннымъ крылышкомъ... Питеръ такъ испугался, что даже спрятался, но птички объяснили ему, что это просто бумажный змѣй и что онъ, вѣроятно, вырвался вмѣстѣ съ бечевкой изъ рукъ какого-нибудь мальчика... А черезъ нѣкоторое время уже всѣ птички подтрунивали надъ любовью Питера къ этому змѣю... Онъ такъ полюбилъ этого змѣя, что даже спалъ, обнимая его одной рукой... Это было очень трогательно — вѣдь

онъ любилъ этого змѣя только потому, что тотъ былъ раньше въ рукахъ другого мальчика...

Птички, конечно, не могли оцѣнить этой привязанности, но нѣкоторыя изъ нихъ были все же очень признательны ему за то, что онъ нянчился съ ихъ птенчиками, когда они болѣли корью, и въ награду за это птички предложили ему показать, какъ дѣти пускаютъ змѣй... Шесть птицъ ухватились клювами за бечевку и полетѣли вверхъ... Къ великому удовольствію Питера змѣй полетѣлъ за ними и времянами взлеталъ даже выше ихъ...

Питеръ радостно визжалъ:

„Еще!.. Еще!..“

И птицы добродушно продолжали это опять и опять, а онъ, вмѣсто того, чтобы поблагодарить ихъ, все визжалъ: „Еще! Еще!“

Какъ видно, онъ не успѣлъ еще хорошенько позабыть къ тому времени, что онъ былъ когда-то мальчикомъ...

Рѣшимость клокотала въ его сердцѣ и не давала ему покоя. Онъ уговорилъ птицъ опять поднять змѣя, но на этотъ разъ уже вмѣстѣ съ нимъ... Онъ ухватился за хвостъ змѣя, и около сотни птицъ схватили бечевку клювами и полетѣли... Вы догадываетесь, конечно, какой планъ былъ у Питера? Онъ рассчитывалъ соскочить съ змѣинаго хвоста на землю, какъ только змѣй долетитъ до Кенсингтонскаго, парка... Но змѣй разорвался въ воздухѣ на клочки, и Питеръ Пэнъ, навѣрно, утонулъ бы въ озерѣ Серпантинъ, если бы не ухватился за двухъ лебедей, которые, хотя и не очень-то охотно, но все же благополучно до-

ставили его опять на островъ... Птицы же твердо заявили ему, что больше ни за что не станут помогать ему въ такихъ проказахъ...

И, однако, Питеръ Пэнъ, въ концѣ-концовъ, все-таки попалъ въ Кенсингтонскій паркъ... Попалъ онъ туда благодаря лодочкѣ Шелли...

Ну, а теперь я расскажу вамъ о Шелли и его лодочкѣ...

XIV

ГНѢЗДО ДРОЗДА

Шелли былъ молодой человѣкъ, почти что взрослый человѣкъ... Онъ былъ поэтъ, а поэты совсѣмъ взрослыми людьми никогда не бываютъ... Это народъ, который деньги не ставитъ ни во что, и дорожать они ими лишь постольку, поскольку онѣ нужны имъ на сегодняшний день... А на сегодняшний день у нихъ всегда достаточно, и даже съ избыткомъ, всегда даже нѣсколько фунтовъ лишнихъ... И вотъ этотъ Шелли, гуляя однажды въ Кенсингтонскомъ паркѣ, сдѣлалъ лодочку изъ банковаго билета и пустилъ ее на озеро Серпантинъ...

Лодочка приплыла къ острову ночью, и часовой принесъ ее Соломону-Ворону... Соломонъ подумалъ, что это обычное посланіе отъ какой-нибудь женщины: буду вамъ, моль, чрезвычайно признательна, если пришлете мнѣ милаго ребеночка!.. Всѣ онѣ, конечно, просятъ прислать самаго милаго... И если письмо понравится Соломону-Ворону, онъ пошлетъ экземпляръ первоклассный, а не угодить ему авторша письма, она получаетъ такое сокровище, что и жизни своей не

рада... Иногда онъ вовсе оставляетъ письмо безъ отвѣта, а иной разъ вмѣсто одного пошлетъ цѣлую кучу ребятъ... Все это зависитъ только отъ его настроенія... И потохъ, онъ не терпитъ никакихъ указаній... Онъ увѣренъ, что лучше кого бы то ни было знаетъ, кому какого ребенка послать... И если вы станете просить, чтобы на этотъ разъ онъ послалъ вамъ мальчика, можете быть увѣрены, что получите дѣвочку. Затѣмъ — имѣйте это въ виду — пишете ли ему дама или мальчикъ, которому захотѣлось имѣть сестричку, все равно — адресъ долженъ быть написанъ чрезвычайно четко... Не угодить Соломону-Ворону значить — накликать на себя вѣрную бѣду.

Но, развернувъ лодочку Шелли, Соломонъ совершенно растерялся и призвалъ на совѣтъ двухъ своихъ помощниковъ. Тѣ два раза проишлись по бумажкѣ — сперва вытянувъ коготки, потомъ втянувъ коготки, и рѣшили, что это посланіе отъ какой-то жадной женщины, желающей получить сразу пинтерыхъ ребятъ. На эту догадку навела ихъ выведенная на банковомъ билетѣ цифра — „пять“ — пять фунтовъ...

— Какой вздоръ! — воскликнулъ Соломонъ и отдалъ билетъ Питеру. Всякія бесполезныя вещи, попадавшія на островъ, отдавались Питеру на забаву... Но Питеръ Пэнъ не сталъ играть съ драгоценнымъ билетомъ... Онъ тотчасъ сообразилъ, что это за бумажка... За семь дней, когда онъ былъ обыкновеннымъ мальчикомъ, онъ успѣлъ кое-что узнать и сдѣлать много пригодившихся ему позитивъ наблюдений. И онъ подумалъ, что съ такой суммой денегъ ему удастся въ концѣ-концовъ осуществить свою мечту и

попасть въ Кенсингтонскій паркъ. Онъ сталъ взвѣшивать все способы и остановился, конечно, на самомъ остроумномъ. Прежде всего, онъ счелъ долгомъ объяснить птицамъ цѣнность лодочки Шелли. И хотѣя онѣ были слишкомъ благородны, чтобы потребовать билетъ обратно, отъ его вниманія не ускользнули, однако, сердитые взгляды, которые онѣ бросали Соломону. А Соломонъ очень гордился своей проинцательностью и, разобиженный этими взглядами, улетѣлъ на другой конецъ острова, опустился на траву, втянулъ голову между крыльями и пригорюнился. Питеръ Пэнъ зналъ, что, пока ему не удастся склонить на свою сторону Соломона, онъ ничего не добьется, и онъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, чтобы утѣшить и развеселить его...

Питеръ Пэнъ сумѣлъ такъ покорить сердце всевластнаго стараго Ворона. Дѣло въ томъ, что Соломонъ не рассчитывалъ оставаться всю свою жизнь на этомъ посту. Онъ давно уже подумывалъ о выходѣ въ отставку и мечталъ дожить свои дни въ какомъ-нибудь дуплѣ въ фиговой аллеѣ, которую давно облюбовалъ для себя... Съ этой цѣлью онъ нѣсколько лѣтъ исподволь наполнялъ свой чулокъ. Чулокъ этотъ, очевидно, принадлежавшій какому-нибудь кузальнику, принесло на островъ теченіемъ, и къ тому времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, Соломонъ успѣлъ уже накопить сто восемнадцать крошекъ хлѣба, тридцать четыре орѣшка, шестнадцать корокъ, тряпочку для вытиранія перьевъ и башмачный шнурокъ. Соломонъ рассчиталъ, что когда чулокъ будетъ полонъ до края, онъ сможетъ выйти въ отставку и жить на эти сбереженія безбѣдно. И вдругъ онъ получилъ еще отъ

Питера цѣлый фунтъ. Питеръ отрезалъ его отъ своего билета острымъ кончикомъ вѣточки. Этимъ онъ окончательно покорилъ Соломона и приобрѣлъ въ немъ вѣрнаго друга на-вѣки. Они поговорили по душѣ, поговорили и рѣшили созвать на совѣщаніе дроздовъ. Я объясню вамъ сейчасъ, отчего однихъ только дроздовъ.

Прозекъ, который предполагалось предложить на обсужденіе, принадлежалъ въ сущности Питеру, но говорилъ за всѣхъ одинъ Соломонъ... Онъ раздражался, когда другіе говорили въ его присутствіи, и любилъ, чтобы слушали его одного... Началъ онъ съ того, какъ онъ высоко цѣнитъ строительное искусство дроздовъ, и тотчасъ же привелъ ихъ въ отличное настроеніе духа, что и входило въ его планъ. Всѣ пирательства между птицами происходятъ обыкновенно только на почвѣ соревнованія въ искусствѣ гнѣздостроительства...

— Другія птицы, — говорилъ Соломонъ-Воронъ, — не считаютъ нужнымъ выстилать свои гнѣзда глиной, и поэтому вода въ нихъ никогда не держится...

И онъ вскинулъ голову съ такимъ видомъ, словно привелъ неопровержимый аргументъ въ доказательство своей правоты, но, къ несчастью, одна зябличиха, пожаловавшая безъ приглашенія на собраніе, выступила впередъ и завизжала:

— Извините, пожалуйста, мы возьмъ гнѣзда не для воды, а для яицъ...

Дрозды опѣшили, а Соломонъ такъ растерялся, что долженъ былъ нѣсколько разъ обмакнуть свой клювъ въ воду.

— Но, принимая во вниманіе, — началъ онъ на конецъ, — тепло, которое сообщаетъ глина гнѣзду...

— А вы примите во вниманіе, — перекричала его зябличиха, — что когда въ гнѣздо попадетъ вода, она тамъ уже остается, и птенчикамъ грозитъ опасность утонуть...

Дрозды взглядами умоляли Соломона отвѣтить зябличихѣ какимъ-нибудь уничтожающимъ доводомъ, но онъ опять растерялся и молчалъ.

— Выпейте еще немного воды, — вызывающе бросила ему зябличиха. Ее звали Кэтъ, а всѣ Кэтъ, какъ извѣстно, особы чрезвычайно дерзкія...

Соломонъ хлебнулъ еще воды, и на него снизошло вдохновеніе.

— Если спустить на озеро зябличье гнѣздо, — началъ онъ, — оно тотчасъ наполнится водой и расползется по всѣмъ швамъ, а дроздово гнѣздо останется сухимъ, какъ спинка лебедя...

Какъ дрозды тутъ захопали, заликовали! Они то знали, зачѣмъ выстилаютъ свои гнѣзда глиной, и когда зябличиха закричала: Намъ вовсе незачѣмъ пускать наши гнѣзда на озеро, они сдѣлали то, что должны были, въ сущности, сдѣлать въ самомъ началѣ: предложили незваной гостьѣ убраться честью... Съ ея уходомъ опять водворился порядокъ. Соломонъ доложилъ почтенному собранію, что юный другъ ихъ Питеръ Пэнъ, какъ имъ всѣмъ извѣстно, давно уже жаждетъ попасть въ Кенсингтонскій паркъ, и онъ предлагаетъ съ ихъ помощью построить для него лодку...

Дрозды беспокойно засуетились, и Питеръ, весь дрожа отъ волненія, уже подумалъ было, что прозектъ его провалится.

Соломонъ поспѣшно добавилъ, что онъ имѣетъ въ виду не громоздкую лодку, какія дѣлаютъ люди, а предлагаетъ только построить большое дроздово гнѣздо, въ которомъ Питеръ могъ бы свободно умыститься...

Но дрозды, къ ужасу Питера, упорно молчали...

— Мы народъ занятой, — раздалось нѣсколько недовольныхъ голосовъ, — вѣдь это работа не шуточная...

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Соломонъ, — и Питеръ не намѣренъ вовсе даромъ пользоваться вашимъ трудомъ... Имѣйте въ виду, что онъ располагаетъ теперь солидными средствами, и, согласитесь, у васъ не было еще никогда такого заработка, какой онъ можетъ вамъ предложить... Онъ уполномочилъ меня передать вамъ, что будетъ платить вамъ вѣсь шесть пенсовъ поделно.

Дрозды запрыгали отъ радости и въ тотъ же день, послѣ подобающаго случаю торжества, приступили къ постройкѣ лодки. Они забросили все свои дѣла. Не вили своихъ гнѣздъ, не клали и не высиживали яицъ, и Соломонъ сталъ скоро ощущать замѣтный недостатокъ въ дроздахъ — ему нечѣмъ было удовлетворять непрерывно поступающія требованія отъ людей... Все здоровыя, пышныя дѣти, которыя такъ очаровательны въ колысочкахъ и шхтятъ и задыхаются, когда начинаютъ шагать по землѣ — были раніе дроздами... И женщины часто подчеркиваютъ въ своихъ письмахъ, что имъ желательно было бы

получить именно дрозда... Но Соломонъ и тутъ нашелъ выходъ изъ затрудненія. Онъ вызвалъ съ крышъ домовъ цѣлую стаю воробьевъ, приказалъ имъ класть яйца въ дроздовы гнѣзда и птенчиковъ ихъ разослалъ обрашавшимся къ нему женщинамъ, увѣряя ихъ, что это настоящіе дрозды... Въ лѣтописи острова этотъ годъ названъ былъ Воробьинымъ. И если вы встрѣтите въ паркѣ взрослыхъ людей, которые важничаютъ и ныжата, и Богъ знаетъ, что о себѣ воображаютъ, — такъ и знайте, что они родились въ воробьиномъ году. Можете даже ихъ спросить...

Питеръ былъ весьма добросовѣстнымъ хозяиномъ и каждый вечеръ рассчитывался со своими рабочими. Птицы выстраивались на вѣткахъ и чинно смотрѣли, какъ онъ отрѣзалъ для нихъ по шести пенсовъ отъ своего банковата билета. Затѣмъ Питеръ дѣлалъ перекличку, и каждая птичка, которую онъ вызывалъ по имени, слетала съ вѣтки и получала свои шесть пенсовъ... Это было, вѣроятно, восхитительное зрѣлище!

Наконецъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ работы, лодка была готова. Не трудно представить себѣ, съ какимъ восторгомъ Питеръ слѣдилъ за ростомъ этого гнѣзда... Съ того самаго дня, какъ дрозды принялись строить эту лодку, онъ спалъ рядомъ съ нею, просыпаясь, шепталъ ей нѣжныя слова, а когда птицы выложили ее глиной и когда глина просохла, онъ сталъ уже и спать въ самой лодкѣ... Онъ тихо лежалъ въ своемъ гнѣздѣ, свернувшись въ клубокъ. Лодка была достаточно помѣстительна для того, чтобы онъ могъ нѣжиться въ ней, какъ котенокъ... Внутри она была коричневая, а снаружи зеленая, потому

что обложена была вѣтками и травой... И, когда вѣтки засыхали и трава увядала, птицы дѣлали новую настилку...

Другія птицы, конечно, завидовали дроздамъ и увѣряли, что лодка не будетъ держаться на водѣ, но она отлично держалась... Онѣ говорили, что въ нее будетъ просачиваться вода, но вода вовсе не просачивалась въ нее... Тогда онѣ зачирикали, что у Питера нѣтъ веселья, и дрозды тревожно переглянулись... Но Питеръ заявилъ, что ему веселья не надо, что у него есть парусъ... И онъ съ гордымъ счастливымъ лицомъ соорудилъ свой парусъ изъ оставшейся у него ночной рубашки, которая все еще была ночной рубашкой, хотя онъ оторвалъ отъ нея много лоскутковъ для птицъ... И парусъ вышелъ на-славу. Ночью, когда на небо выплылъ полный мѣсяцъ и всѣ птицы уснули, онъ оттолкнулъ лодку отъ берега, поднялъ парусъ и поѣхалъ на островъ... Въ первыя минуты онъ, самъ не сознавая почему, все смотрѣлъ, — скрестивъ руки, вверхъ на небо, а затѣмъ уже не сводилъ глазъ съ запада, куда ему надо было плыть.

Онъ обѣщалъ дроздамъ, что начнетъ съ маленькихъ поѣздокъ по озеру и то въ сопровожденіи старшихъ, но, когда увидалъ за мостомъ плѣнительный Кенсингтонскій паркъ, сердце его затрепетало отъ радости, и онъ забылъ о данномъ имъ обѣщаніи... Лицо его пылало, но онъ безбоязненно плылъ впередъ, не оглядываясь назадъ. Восторгъ, овладѣвшій имъ, вытѣснилъ страхъ изъ его маленькаго сердца... Да, Питеръ Пэнъ былъ однимъ изъ тѣхъ отважныхъ английскихъ мореплавателей, которыхъ и теперь еще неодолимо влечетъ даль невѣдомаго...

Вначалѣ лодочка его все кружила на одномъ мѣстѣ, и его опять и опять относилъ теченіемъ къ тому мѣсту, откуда онъ отплылъ... Тогда онъ убавилъ паруса, подогнувъ одинъ рукавъ своей ночной рубашечки, и въ тотъ же мигъ его умчало вѣтромъ... назадъ... Онъ быстро распустилъ тогда паруса, но лодочка его быстра поплыла къ далекой, незнакомой ему части берега, вдоль котораго лежали черныя тѣни, внушавшія ему смутный страхъ, хотя онъ и не зналъ, что это подводные камни... Онъ вновь убавилъ паруса и, оглябая подозрительныя темныя пятна, старался попасть въ полосу попутнаго вѣтра. Попутный вѣтеръ понесъ его съ такой быстротой, что онъ едва не разбился о столбы моста... Ему удалось, однако, избѣгнуть и этой опасности. Когда онъ выплылъ изъ-подъ моста, онъ увидалъ, наконецъ, къ великой своей радости — восхитительный Кенсингтонскій паркъ. Онъ хотѣлъ уже бросить якорь, — а якорь это былъ просто камушекъ, привязанный къ бечевкѣ, оставшейся отъ бумажнаго змѣя, — но, не находя дна, долженъ былъ поплыть дальше и искать мѣста, гдѣ бы ему ошвартоваться. Бродя наугадъ въ незнакомыхъ ему водахъ, онъ наткнулся на затонувшій рефъ... Сильнымъ толчкомъ его выбросило за бортъ, и онъ едва не утонулъ, но, къ счастью, успѣлъ ухватиться за край лодки и ловко вскочилъ въ нее обратно. Нежданно поднялась буря, сопровождаемая такимъ ревомъ волнъ, какого ему никогда еще не приходилось слышать. Его метало, какъ щепку, во всѣ стороны, и руки его такъ оцѣпенѣли отъ холода, что онъ не могъ ни сжать ихъ ни расправить пальцы. Но онъ одолѣлъ и эту опасность и, наконецъ, благополучно

въѣхалъ въ небольшой заливъ, гдѣ лодочка его и причалила къ берегу...

Однако, ему и тутъ еще предстояло одолѣть не мало затрудненій. На берегъ при его появленіи высыпало множество маленькихъ существъ и тоненькими голосками наперерывъ стали кричать ему, что ему на берегъ сходить не полагается и чтобы онъ тотчасъ удалился, потому что давнымъ-давно уже было полночь...

При этомъ они воинственно размахивали вѣтками и притащили даже стрѣлу, забытую въ паркѣ какимъ-то мальчикомъ... Было ясно, какъ день, что они не задумаются использовать противъ него и это оружіе.

Питеръ зналъ ужѣ, что это феи. Онъ всталъ, выпрямился и крикнуть имъ, что у него нѣтъ никакого намѣренія причинять имъ непріятности, что, наоборотъ, онъ жаждетъ быть ихъ другомъ... И что, найдя, наконецъ, удобную гавань, онъ отсюда не уйдетъ ни въ какомъ случаѣ, и если онѣ не дадутъ ему сойти на берегъ, то онъ сунетъ за себя постыть.

Съ этими словами онъ смѣло выпрыгнулъ изъ лодки, и феи окружили его плотной стѣной, съ намѣреніемъ тутъ же прикончить его... Но вдругъ среди женщинъ поднялся визгъ и крикъ -- онѣ увидели, что парусъ сдѣланъ былъ изъ дѣтской ночной рубашечки... И всѣ онѣ мгновенно вспыхнули любовью къ нему и всѣ въ одинъ голосъ затараторили о томъ, что складочки плохо сдѣланы... Какой именно недостатокъ онѣ нашли въ складочкахъ, я объяснить вамъ не сумѣю, но всѣ женщины таковы -- онѣ не могутъ не критиковать работы другой женщины. Эльфы, видя, что жены ихъ, феи, съ мнѣніями

которыхъ они очень считались, положили гнѣвъ на милость, опустили оружіе на землю... Воинственный пылъ ихъ тотчасъ остылъ, и они учтиво повели его къ своей королеви, которая милостиво разрешила Питеру входить въ паркъ послѣ полуночи, а феямъ отъ имени королевы наказано было оказывать Питеру всевозможные знаки вниманія...

Такъ вотъ состоялась первая поѣздка Питера въ Кенсингтонскій паркъ, и, по нѣкоторой старомодности языка, какимъ она была описана, вы догадываетесь, конечно, что это было очень давно. Но Питеръ остался такимъ же, какимъ былъ, и если бы мы могли наблюдать его ночью, какъ онъ всплываетъ подлѣ мостъ (къ сожалѣнію, это совершенно невозможно) -- мы бы увидели, какъ онъ укорачиваетъ свою ночную рубашонку, которая служитъ ему парусомъ, или выпускаетъ парусъ, или гребетъ маленькимъ весломъ обратно въ дроздово гнѣздо. Когда онъ правитъ парусомъ, онъ сидитъ, а гребетъ онъ стоя...

Онъ обыкновенно возвращается на островъ задолго до того, какъ открываются ворота парка, потому что люди не должны видѣть его -- все-таки онъ не совсѣмъ человѣческое существо. Въ его распоряженіи, однако, всегда имѣется нѣсколько часовъ для игры, и онъ играетъ и тѣшится, какъ играютъ и тѣшатся настоящія дѣти... По крайней мѣрѣ, ему такъ кажется, и самое трогательное то, что онъ часто играетъ совсѣмъ не такъ, какъ играютъ настоящія дѣти, и часто не знаетъ даже, какъ приняться за ту или иную игру...

Кто могъ его научить дѣтскимъ играмъ? Феи, обыкновенно прячутся днемъ, когда дѣти бываютъ въ

паркѣ, и дѣтскихъ игръ не видятъ. Птицы же хвастали, что могутъ рассказать чудеса о дѣтскихъ утѣхахъ, но, когда Питеръ присталъ къ нимъ и попросилъ ихъ, чтобы онѣ рассказали ему толкомъ, какъ играютъ дѣти, то оказалось, что онѣ ничего толкомъ объяснить не могутъ... Онѣ только рассказали ему объ игрѣ въ прятки, и онъ часто самъ съ собою игралъ въ прятки, но даже утки и тѣ не могли объяснить ему, отчего дѣтей такъ смѣшить эта игра, и отчего они такъ заливаются и хохочутъ вокругъ пруда, когда играютъ въ прятки... Къ вечеру утки обыкновенно забывали все, что видѣли и слышали въ течение дня, и запоминали только количество крошекъ, которыя имъ бросили... Это были тяжелыя, скучныя созданія, а еще онѣ увѣряли, что въ дни молодости ихъ волновали и другіе интересы, а не однѣ только бисквитныя крошки... И Питеру Пэну приходилось доходить до многого своимъ умомъ. Онъ игралъ и въ мореплаваніе у Круглаго пруда, но единственнымъ его судномъ былъ обручъ, который онъ нашелъ въ травѣ. Онъ никогда — до этого — обруча не видѣлъ и долго ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ надо этой штукой играть, пока не рѣшилъ, что это, очевидно, дѣтскій пароходикъ.

Обручъ упрямо погружался въ воду, каждый разъ, когда онъ бросалъ его въ прудъ, и Питеръ отважно вылавливалъ его и гордился тѣмъ, что самъ додумался до того, какъ мальчики играютъ обручемъ...

Въ другой разъ онъ нашелъ игрушечное ведерко и, подумавъ, что дѣти приносятъ его съ собою въ паркъ, чтобы отдохнуть на немъ, усѣлся на ведеркѣ и такъ плотно, что едва не вышибъ дно. Нашелъ

онъ также и воздушный шаръ. Шаръ попрыгивалъ на холмѣ, будто играя самъ съ собою, и Питеръ, восхищенный находкой, погнался за нимъ и поймалъ его... Онъ думалъ, что это мячъ. Птичка одна, королекъ, рассказывала ему, что дѣти носками подбираютъ мячи... И онъ такъ сдѣлалъ, взялъ и ножкой подбросилъ воздушный шаръ; а тотъ покатился съ холма, и слѣдъ его простылъ.

Но больше всего его поразила дѣтская колясочка. Она стояла подъ липой, недалеко отъ входа въ Зимній дворецъ королевы Фей. Питеръ Пэнъ тихонько приблизился къ колясочкѣ — онъ не зналъ, что это такое: птички о дѣтскихъ колясочкахъ ничего ему не рассказывали. Полагая, что это живое существо, онъ вѣжливо съ ней заговорилъ. Но колясочка не отвѣчала. Тогда онъ подошелъ еще ближе и осторожно дотронулся до нея. Онъ чуть-чуть толкнулъ ее, и она откатилась отъ него. Онъ рѣшилъ, что это все-таки живое существо, но такъ какъ она откатилась отъ него, то онъ не очень испугался. И онъ протянулъ руку, чтобы притащить ее къ себѣ, и тогда она быстро побѣжала къ нему. Но тутъ уже онъ такъ испугался, что мгновенно перескочилъ черезъ изгородь и со всѣхъ ногъ бросился къ своей лодочкѣ... Вы не думайте, однако, что онъ былъ трусъ — въ слѣдующую ночь онъ пришелъ опять къ этому мѣсту съ коркой хлѣба въ одной рукѣ и палочкой въ другой, но колясочки уже не было, а другая ему больше на глаза не попадалась. И обѣщалъ вамъ рассказать еще о его вестѣ. Онъ нашелъ его подлѣ колодца св. Говора — это была просто дѣтская лопаточка.

Вы, вѣроятно, жалѣете Питера Пэна за всѣ его ошибки... Напрасно!.. Конечно, ему туго приходилось порою, но только жалѣть Питера Пэна было бы даже обидой для него. Ему казалось, что онъ безконечно счастливъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, а воображать себя счастливымъ, это все равно, что быть въ дѣйствительности счастливымъ... Онъ игралъ безъ устали и перерыва, тогда какъ сколько драгоценнаго времени другія дѣти тратятъ на капризы и на слезы... Онъ никогда не могъ разыгрывать ни „бѣшеную собаку“, ни „Мэри-Анни“, потому что никогда о такихъ вещахъ и не слыхалъ... Но неужели надо его за это жалѣть?

О, какъ онъ веселился, этотъ Питеръ Пэнъ! Онъ былъ несравненно веселѣе васъ, такъ же какъ и всѣ веселѣе своихъ навъ... Иногда онъ кружился по парку, какъ юла — просто отъ избытка радости... Видали вы, какъ левретки прыгаютъ черезъ изгороди парка? Такъ вотъ прыгалъ и Питеръ Пэнъ.

И потомъ, его дудочка!.. Можете представить себѣ, какія пѣсни онъ выводилъ на ней въ тѣ дни... Люди, возвращавшіеся домой поздно ночью, писали въ газетахъ, что слышали соловья въ Кенсингтонскомъ паркѣ, но слышали они не самую дѣлѣ дудочку Питера Пэна.

Правда, мамы у него не было... Но зачѣмъ ему нужна была мама? И если вы за это его жалѣете, то могу васъ утѣшить... Въ концѣ-концовъ, ему удалось таки навѣстить свою маму. И помогли ему въ этомъ феи Кенсингтонскаго парка...

XV

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЪ

О феяхъ у насъ имѣется очень мало точныхъ свѣдѣній. Едва ли не единственное проверенное наблюдение то, что феи водятся вездѣ, гдѣ бываютъ дѣти... Когда-то, давно, входъ въ Кенсингтонскій паркъ былъ запрещенъ дѣтямъ, и въ тѣ времена здѣсь не было и фей. Когда же ворота парка открылись для дѣтей, въ паркѣ стали появляться по ночамъ и феи... Онѣ не могутъ жить вдали отъ дѣтей, но дѣтямъ рѣдко, рѣдко выпадаетъ на долю удовольствіе видѣть ихъ... Во-первыхъ, потому, что днемъ феи прячутся за густыми изгородями, куда дѣтямъ лазить не полагается; и потому еще, что феи хитрыя, прехитрыя созданія... Послѣ полуночи онѣ заняты своими дѣлами и утѣхами, и тогда имъ не до хитростей. Но до полуночи онѣ проведутъ кого угодно...

Дѣти, до того, какъ они дѣлаются дѣтьми, водятъ знакомство съ феями, играютъ съ ними, и въ первые годы дѣтства воспоминанія о феяхъ у дѣтей свѣжи и живы.

Какъ жалъ, что маленькія дѣти неграмотны и не могутъ записывать своихъ воспоминаній, которыя скоро, къ сожалѣнію, блѣднѣютъ и угасаютъ...

Мнѣ приходилось даже слышать изъ устъ многихъ дѣтей, что они будто бы никогда никакихъ фей не знавали! Между тѣмъ, возможно даже, что, когда они произносили эти слова въ Кенсингтонскомъ паркѣ, они въ это время смотрѣли на какую-нибудь фею-невидимку... Днемъ феи всегда принимаютъ обликъ какихъ-либо неодушевленныхъ на видъ предметовъ и, такимъ образомъ, вводятъ въ заблужденіе доверчивыхъ дѣтей... Преображаются онѣ большей частью въ цвѣты — оттого-то въ паркѣ, особенно въ Дѣтской аллеѣ, такъ много цвѣтовъ — вѣдь менѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе цвѣтокъ...

И одѣваются онѣ въ тонъ цвѣтамъ... Когда цвѣтутъ лиліи, наряжаются въ бѣлое, когда распускаются колокольчики, — въ голубое... Онѣ обожаютъ яркіе цвѣта — гіацинты и шафранъ, но охотнѣе всего рядятся въ тюльпаны, только не въ бѣлые. Бѣлые тюльпаны — колыбельки маленькихъ фей...

Когда онѣ знаютъ, что ихъ никто не видитъ, онѣ весело порхаютъ по парку, не едва замѣтая, что кто-нибудь наблюдаетъ за ними, тотчасъ превращаются въ цвѣты... И когда вы проходите мимо нихъ, не подозрѣвая даже, что прошли мимо фей, онѣ летятъ домой и рассказываютъ своимъ матерямъ, какъ онѣ искусно провели какого-то человѣка...

На лужайкѣ фей, какъ вамъ извѣстно, растетъ много всякихъ цвѣтовъ и собачья мята. Феи выжимаютъ изъ нея касторку для своихъ дѣтей. Нѣкоторые цвѣты, дѣйствительно — настоящіе цвѣты, но

большей частью это — феи... Какой цвѣтокъ — настоящий цвѣтокъ, и какой цвѣтокъ — фея, угадать очень трудно... Но вотъ что надо дѣлать, чтобы узнать... Прогуливайтесь мимо лужайки, равнодушно глядя совсѣмъ въ другую сторону, потомъ внезапно круто повернитесь на каблукахъ, и тогда вы можете поймать кого-нибудь изъ нихъ врасплохъ... Есть еще одинъ способъ — мы съ Давидомъ иногда прибѣгаемъ къ нему: надо долго, долго смотрѣть на цвѣтокъ въ упоръ — раньше или позже онъ непременно моргнетъ глазами, и тогда ясно, какъ день, что это не цвѣтокъ, а фея...

На Дѣтской аллеѣ есть уголки извѣстные, какъ любимое мѣстопребываніе фей. Однажды съ двадцатью четырьмя феями произошелъ здѣсь презабавный случай... Это былъ нѣкій пансіонъ, вышедшій на прогулку со своей классной дамой... Вдругъ она поднесла палецъ ко рту, и всѣ феи тотчасъ притихли, разсыпались по большой клумбѣ и превратились въ гиацинты.

Къ ужасу своему, наставница вскорѣ услышала шаги двухъ садовниковъ, приближавшихся съ тачкой къ этой же самой клумбѣ... Они пришли съ тѣмъ, чтобы посадить на клумбѣ цвѣты, и немало удивились, увидавъ, что она уже вся въ цвѣту.

— Жалко вырывать эти гиацинты, — замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Чего ужъ тамъ... Разъ велѣно! — отвѣтилъ другой и, высыпавъ на землю привезенную разсаду, они выкопали гиацинты вмѣстѣ съ луковичками и сложили ихъ въ тачку рядами... Ни феи, ни наставница ихъ не рѣшились, и ихъ свезли далеко въ какой-то сарай, гдѣ и свалили безъ церемоній въ

одну кучу... Онѣ убѣжали оттуда ночью, забывъ впопыхахъ надѣть чулки и туфли... Родители этихъ дѣвочекъ, конечно, страшно перепугались и разсердились... Пансионъ же долженъ былъ закрыться, потому что послѣ этой скандальной исторіи, получившей широкую огласку, всѣхъ дѣвочекъ взяли домой...

Дома, въ которыхъ живутъ феи, можно видѣть только ночью, — днемъ это совершенно невозможно... Просто потому, что они всѣ такого же цвѣта, какъ и ночь. Ну, а кто же днемъ видалъ когда-либо ночь? Это не значитъ вовсе, что дома фей чернаго цвѣта, потому что ночь, пожалуй, даже богаче красками, чѣмъ день. Синіе, зеленые и красные цвѣта ночи, быть-можетъ, даже сочные дневныхъ синихъ, зеленыхъ и красныхъ тоновъ. Дворецъ королевы фей построенъ цѣликомъ изъ многоцвѣтныхъ стеколъ, и это прекрасный изъ всѣхъ королевскихъ дворцовъ въ мірѣ, но королева все же жалуется порою... Простой народъ заглядываетъ въ ея окна, смотритъ, что она дѣлаетъ, и ее очень тяготитъ это любопытство... Иныя праздныя феи цѣлыми часами не отходятъ отъ оконъ и жадно разглядываютъ королевскіе хоромы, плотно прижавшись лицомъ къ стеклу — оттого-то у многихъ приплюснутые носики. Улицы въ царствѣ фей тянутся на много миль, крутыми извилинами, и по обѣ стороны идутъ тропинки, выстланныя пухомъ... Птицы стали было таскать пухъ для своихъ гнѣздъ, но полиція во время предупредила дальнѣйшія хищники...

Самая существенная разница между феями и нами въ томъ, что онѣ никогда никакимъ серьезнымъ дѣломъ не занимаются... Когда первый ребенокъ впервые разсмѣялся, смѣхъ его разсыпался на миллионы

радужныхъ осколковъ, и феи закружились надъ нимъ роємъ... Съ той поры онѣ и полюбили дѣтей... Видѣть у фей всегда страшно занятой. — поглядѣть на нихъ, — минуты свободной нѣтъ, а спросите ихъ, что онѣ собственно дѣлаютъ, и онѣ, конечно, толкомъ на это вамъ отвѣтить не сумѣютъ... Онѣ чрезвычайно невѣжественны, и все, что сдѣлано ихъ руками, сдѣлано на фу-фу... У нихъ есть и почтальонъ, но онъ ихъ никогда не беспокоитъ, развѣ только на Рождество, когда приносить имъ подарки; у нихъ прекрасныя школы, но въ нихъ ничему не учатъ... Въ хозяйки дома обыкновенно выбираютъ самую младшую въ семьѣ фею, и, конечно, ея никто не слушается... Всѣ убѣгаютъ гулять и возвращаются домой, когда кому вздумается... Надо замѣтить, что въ семьяхъ фей младшій членъ семьи всегда играетъ первую роль и обыкновенно возводится въ принца или принцессу... Дети это помнить и полагаютъ, что такъ должно быть и у людей...

Вы, быть-можетъ, обратили вниманіе на то, съ какимъ упорствомъ ваша маленькая сестренка продолжаетъ именно то, что мать и инія просятъ ее не дѣлать: ей нужно непременно стоять, когда ей предлагается сидѣть; она сидитъ, когда ее убѣждаютъ встать; она просыпается, когда должна спать, ползаетъ по полу, когда на нее надѣваютъ самое нарядное платье, и такъ дальше... И вы, конечно, относите все это за счетъ ея дурного характера...

Совершенно напрасно! Она ведетъ себя такъ лишь потому, что такъ вели себя феи, среди которыхъ она жила, когда была еще птичкой... И только проживъ года два среди людей, она осваивается съ людьми

обычаями. А вспышки ея и капризы, съ которыми такъ трудно порою сладить и которые старшіе объясняютъ мучительнымъ прорѣзываніемъ зубовъ!... Дѣло же вовсе не въ зубахъ!... Она просто въ отчаяніи отъ того, что мы ея не понимаемъ, потому что она говорить на непонятномъ намъ языкѣ фей... Матери и няни, однако, такъ много возятся съ дѣтьми, что въ концѣ-концовъ запоминаютъ нѣсколько фейныхъ словъ, и, когда маленькій ребенокъ говоритъ: „Тю-тю“... — онѣ понимаютъ уже, что это значитъ: „Улетѣла птичка!“ — „А „У-а, у-а!“ значитъ: „Какая на тебѣ смѣшная шляпка!“

Давидъ усердно старался припомнить фейный языкъ... Онъ плотно прижималъ къ вискамъ кулачки и припоминалъ много фразъ, которыя я приведу дальше, если не забуду... Онъ слышалъ ихъ въ тѣ дни когда былъ дроздомъ, и я тщетно старался навести его на мысль, что онъ припоминаетъ въ действительности не фейный, а птичій языкъ. Онъ увѣрялъ меня, что это слова, описывающія разныя фейныя игры и забавныя приключенія фей. Птицы же говорятъ только о своихъ гнѣздахъ, и лексиконъ ихъ очень ограниченъ. Онъ отлично помнилъ, какъ птицы переходили съ одной лужайки на другую, словно дамы изъ одного магазина въ другой, и говорили: „Нѣтъ, я этотъ цвѣтъ не люблю“... и „Какъ вы думаете, годится это для подстилки?“ — и „А прочно ли будетъ?“ — „Какая ужасная обшивка“... и проч.

Фей восхитительно танцуютъ, и потому-то дѣти первымъ дѣломъ начинаютъ показывать взрослымъ знаками, чтобы они танцевали, и плачутъ, когда взрослые не исполняютъ ихъ желаніе... Понятно —

ихъ не удовлетворяютъ людскіе танцы... Фей устраиваютъ свои балы на открытомъ воздухѣ, и то мѣсто, гдѣ онѣ танцуютъ, принято называть заколдованнымъ кругомъ... Онѣ такъ долго вальсируютъ, что отъ слѣдовъ ихъ пожекъ отмѣчается на травѣ кругъ, въ которомъ мы по утрамъ находимъ иногда небольшіе грибки... Это кресла, которыя служанки фей не успѣли убрать во-время. Эти кресла и круги на травѣ единственные слѣды фейныхъ баловъ, и онѣ постарались бы, конечно, удалить и эти слѣды, если бы не были такими страстными любительницами танцевъ — онѣ часто такъ увлекаются, что едва успѣваютъ разбѣжаться, когда уже открываютъ ворота... Давидъ, и я набрели разъ на кругъ, совсѣмъ еще теплый отъ маленькихъ пожекъ фей...

Когда фей задумываютъ устроить балъ, онѣ ни передъ чѣмъ уже не останавливаются. Вы обратили въ паркѣ вниманіе на дощечки съ надписями, указывающими, въ какое время закроются ворота? Сторожа вывѣшиваютъ дощечку, на которой сказано, что ворота закроются въ семь часовъ... Но феямъ хочется открыть свой балъ на полчаса раньше, и плутовки выдвигаютъ другую дощечку — „Ворота закрываются въ половинѣ седьмого“.

Если бы намъ удалось застрять въ паркѣ въ такую ночь, какъ умудрилась сдѣлать знаменитая Мамми Меннерингъ, мы бы увидали очаровательныя вещи... Мы бы увидали сотни очаровательныхъ фей, свѣщающихъ на балъ, замужнихъ фей съ обручальными кольцами на таліяхъ, вмѣсто поясовъ, эльфовъ въ парадныхъ мундирахъ, и факельщиковъ, несущихъ впереди свѣтлячковъ, и большую вѣтку, на которой

Фей вѣшаютъ свои серебристыя накладки и получаютъ билетикъ съ номеромъ, и цвѣты, стремящіеся на балъ со всѣхъ концовъ Дѣтской аллеи... Это желанныя гости, — онѣ приносятъ съ собою дощечки, на которыхъ сервируется ужинъ... И во главѣ этого импровизированнаго стола всегда сидитъ сама королева фей, королева Мабъ, за ея кресломъ стоитъ лордъ Чемберленъ съ одуванчикомъ въ рукѣ, и когда королева спрашиваетъ, который часъ, онъ изъ всѣхъ силъ дуетъ на одуванчикъ...

Скатерть мѣняется смотря по времени года... Въ маѣ столъ накрывается каштановымъ цвѣтомъ... Эльфы избираются на деревья, стряхиваютъ цвѣтъ съ вѣтокъ, а служанки мажутъ своими любочками, пока цвѣтъ не ложится ровной массой, какъ настоящая скатерть... У Фей настоящие стаканы и настоящее вино, трехъ сортовъ: терновникъ, барбарисъ и перника... Вино разливаетъ сама королева, но бутылки такъ тяжелы, что ей, конечно, помогаютъ... На закуску подаются маленькія булочки съ масломъ, а на десертъ крохотныя пирожныя, такія крохотныя, что отъ нихъ и крошечки никогда не остается... Фей сидятъ кругомъ на грибахъ, сидятъ очень чинно и покашливаютъ въ кулачки, но мало-по-малу становятся все развязнѣй и суютъ пальчики въ масло, которое выжимается изъ корней старыхъ деревьевъ, а инныя озорницы ползаютъ по столу и лизутъ язычками сахаръ и другія сласти... Тогда королева деликатно дѣлаетъ служанкамъ знакъ, чтобы онѣ убрали со стола и вытерли феямъ губы и подбородки, и всѣ выстраиваются для танцевъ. — Впереди всѣхъ идетъ королева, а за нею лордъ Чемберленъ несетъ два горшечка

— въ одномъ сокъ изъ левкоевъ, въ другомъ сокъ изъ хвойныхъ вѣтъ.

Левкойный сокъ подкрѣпляетъ танцоревъ, падающихъ съ ногъ отъ изнеможенія, а хвойный помогаетъ отъ ушибовъ и шишекъ. Фей часто падаютъ. Питеръ играетъ, все ускоряя, ускоряя тактъ, а онѣ кружатся, кружатся, перебираютъ ножками быстрее, быстрее, пока не сваливаются на землю... Вы конечно догадываетесь, что Питеръ Нэпъ замѣняетъ феямъ цѣлый оркестръ. Онѣ сидятъ посреди круга, и феи даже представить себѣ не могутъ веселой шутки безъ участія Питера Нэпа... На приглашенныхъ билетахъ, разсылаемыхъ самыми феенебелными феями, всегда красуются въ уголкѣ инициалы П. Н. Фей очень чувствительныя, благодарныя созданія, и, когда стали вывозить принцессу, — а вывозить феи начинаютъ, когда имъ исполняется два года; день своего рожденія онѣ празднуютъ каждый мѣсяць! — феи вызвались исполнить самое заветное желаніе Питера. Было это такъ... Королева велѣла ему стать на колѣни и сказала, что за его прекрасную игру она съ радостью исполнитъ его заветное желаніе... Фей тогда обступили Питера, чтобы услышать, чего онъ попроситъ у королевы...

Питеръ долго думалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Я бы хотѣлъ вернуться къ своей мамѣ... Это возможно?

Но эта просьба обидѣла ихъ — онѣ лишились бы его музыки, если бы онъ вернулся къ своей мамѣ. Королева презрительно повела носикомъ и сказала:

— Подумаешь! Ничего лучшаго придумать не могъ...

— Но развѣ это такой пустякъ — увидеть вновь свою маму? — спросилъ онъ.

— Конечно, — отвѣтила королева, — это ^{вотъ} такая маленькая просьба, — она указала на кончикъ своего музипда. — Проси больше!

— Напримѣръ? — спросилъ онъ.

— Ну, проси хотя бы вотъ столько, — королева широко развела обѣими руками.

Питеръ Пэнъ подумалъ еще и сказалъ:

— Тогда, я попрошу о двухъ вещахъ...

Феямъ оставалось только согласиться, хотя его смѣлость и не очень понравилась имъ, и онъ заявилъ, что первымъ дѣломъ желалъ бы пойти къ своей матери, но съ правомъ вернуться вновь въ Кенсингтонскій паркъ, если ему покажется, что она не очень рада его возвращенію... А вторую свою просьбу онъ оставлялъ про запасъ на будущее время.

Онъ сталъ его отговаривать и даже пробовали запугать его всякими затрудненіями.

— Я могу дать вамъ возможность долетѣть до ея дома, — сказала королева, — но дверей я открыть вамъ никакъ не могу...

— Окно, въ которое я улетѣлъ, будетъ открыто, — увѣренно отвѣтилъ Питеръ. — Мама всегда оставляетъ окно открытымъ въ надеждѣ, что я опять вернусь...

— Откуда вы это знаете? — съ удивленіемъ спросили феи. Но этого Питеръ объяснить имъ не могъ.

— Я знаю, — отвѣтилъ онъ только.

Но такъ какъ онъ упорствовалъ въ желаніи повидать свою мать, то имъ оставалось только исполнить обѣщаніе и оказать ему содѣйствіе. Летать онъ

помогли ему такимъ образомъ: онъ всѣ принялись шекотать его въ плечи, и онъ скоро почувствовать пріятный, подмигивающій зудъ, отдѣлился отъ земли, сталъ подниматься выше, выше и взвился надъ паркомъ и крышами домовъ...

Ему было такъ пріятно летать, что онъ полетѣлъ не прямо домой, а пронесся раньше надъ соборомъ Св. Павла, надъ Хрусталинымъ дворцомъ и Риджентъ-паркомъ, и когда онъ спускался къ окну своей мамы, онъ почти уже рѣшилъ, что попросить у фей сдѣлать его опять птичкой...

Окно, какъ онъ и ждалъ, было раскрыто настежь, и онъ влетѣлъ въ комнату и увидалъ передъ собой свою спящую маму... Питеръ спустился на ея кровать, присѣлъ въ ея ногахъ и жадно уставился на нее. Она лежала, положивъ голову на руку, и углубленіе въ подушкѣ похоже было на гнѣздышко, выстланное ея темными вьющимися волосами. Онъ вспомнилъ тутъ, что она всегда распускала волосы на ночь — онъ было и забылъ объ этомъ. Такъ нѣжно бѣлѣли кружева ея ночной рубашки!.. И сердце его радовалось тому, что у него такая красивая мать...

Но лицо ея было печально, и онъ зналъ, отчего у нея такое печальное лицо. Она протянула руку, словно хотѣла обнять кого-то, и онъ зналъ, къ кому тянулась ея рука.

— О, мама, — проговорилъ про себя Питеръ, — если бы ты знала, кто сидитъ на твоей кровати, у твоихъ ногъ...

Онъ тихонько коснулся ея ступни, выступавшей подъ одѣяломъ, и видѣлъ, что ей пріятно это при-

косновение... Онъ знаетъ, что стоитъ ему только шепнуть: „мама“ — и она проснется. Матери всегда просыпаются на зовъ своихъ дѣтей. Она вскрикнула бы отъ радости и крѣпко сжала бы его въ своихъ объятияхъ... Какъ это было бы хорошо! И какимъ счастьемъ это было бы для нея! Но Питеръ колебался. Онъ знаетъ, что для матери это будетъ величайшимъ счастьемъ, о какомъ можетъ только мечтать женщина. Сынъ! Какая гордость и какое блаженство для женщины! Сынъ! Но Питеръ сидѣлъ на краю кровати и размышлялъ, и не рѣшался окликнуть свою мать и сказать ей, что онъ опять вернулся къ ней... И какъ ей грустно, но надо сказать правду — два чувства, два желанія боролись въ немъ... Онъ съ тоскою глядѣлъ на мать и съ тоскою глядѣлъ въ окно. Конечно, хорошо было бы опять стать ей мальчикомъ, сыномъ своей мамы, но съ другой стороны, какъ хорошо было ему въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Онъ даже не былъ увѣренъ въ томъ, что ему пріятно будетъ опять носить человѣческую одежду... Онъ слетѣлъ съ кровати, открылъ ящикъ комода... Весь его гардеробъ все еще хранился здѣсь, и онъ смотрѣлъ на рубашечки, панталончики, чулочки и даже не хотѣлъ припомнить, какъ ихъ надо надѣвать... Чулки, напримеръ, что съ ними надо дѣлать? На руки надѣвать, или на ноги? И онъ хотѣлъ было натянуть одинъ чулокъ на лѣвую руку, но тутъ должно-было скрипнуть ящикъ. Мать его проснулась... И онъ услышалъ: „Питеръ!“ — Это сказано было такимъ нѣжнымъ, сладкимъ голосомъ, словно это было прекраснѣйшее въ мірѣ слово... Онъ притаился на полу, сидѣлъ, едва дыша, и удивлялся тому, что она почувствовала его

близость. Если бы она еще разъ промолвила „Питеръ!“ — онъ бы не выдержалъ и крикнуть бы „мама“ и кинулся бы въ ее объятія... Но она ничто больше не сказала, только тихо вздохнула нѣсколько разъ, и когда онъ опять взлетѣлъ на ее кровать, она уже спала... На щекахъ ее блестѣли слезы...

Это взволновало Питера до глубины души, и знаете, что онъ сдѣлалъ?

Онъ заигралъ на своей дудочкѣ, которую захватилъ съ собой, прелестную колыбельную пѣсенку... Одно слово, одинъ звукъ ея голоса, которымъ она промолвила „Питеръ“, навѣяли ему эту пѣсенку, и онъ играть ее до тѣхъ поръ, пока на лицѣ его матери не заиграла опять улыбка... Ему и самому понравилась эта пѣсенка, и онъ очень доволенъ былъ своей игрою. Ему стоило большого усилія не разбудить мать, для того лишь, чтобы услышать изъ ея устъ похвалу: „О, Питеръ, какъ ты прелестно играешь!“ Но она спокойно и мирно спала, и онъ опять сталъ поглядывать на окно. Вы не думайте, однако, что онъ хотѣлъ улетѣть съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться. Онъ почти что рѣшилъ быть опять сыномъ своей мамы, но ему не хотѣлось ночью приводить въ исполненіе свое рѣшеніе... И потомъ его томило еще и другое невысказанное желаніе. Ему не хотѣлось больше быть птичкой, но ему представлялась возможность получить еще какой-то даръ у судьбы, а для этого онъ долженъ былъ вернуться къ феямъ... Онъ знаетъ также, что откладывать надолго исполненіе второй просьбы не сдѣдуетъ. И въ то же время ему совѣстно было, что онъ улетѣлъ, не простившись даже съ Соломономъ-Ворономъ.

— Мне страшно хочется прокатиться еще разъ въ моей лодочкѣ, — мечтательно прошепталъ онъ, обращаясь къ своей спящей матери. Онъ убѣждалъ ее, доказывалъ ей, какъ-будто она слышала его и могла ему возражать.

— И такъ хочется рассказать птицамъ, какъ я прилетѣлъ къ тебѣ, — вкрадчиво добавилъ онъ.

— И общалъ имъ вернуться обратно! — торжественно сказалъ онъ и самъ повѣрилъ своимъ словамъ.

И, въ концѣ-концовъ, такъ улетѣлъ, какъ вамъ извѣстно... Два раза прилеталъ онъ опять на окно, ему страшно хотѣлось поцѣловать мать, но онъ боялся разбудить ее своимъ поцѣлуемъ и, сыгравъ ей на дудочкѣ прощальный поцѣлуй, — улеталъ въ Кенсингтонскій паркъ...

Прошло много ночей и даже мѣсяцевъ, пока онъ, наконецъ, рѣшился повѣдать феямъ другое свое желаніе... И отчего онъ такъ долго колебался и откладывалъ, я вамъ, право, сказать не могу... Единственное объясненіе, пожалуй, то, что ему надо было сдѣлать много прощальныхъ визитовъ и проститься не только съ множествомъ друзей, но и съ множествомъ милыхъ его сердцу уголковъ. Онъ отпраивался въ послѣдній разъ на островъ въ своей лодочкѣ, и опять, въ послѣдній разъ, въ честь его устраивались прощальные ужины, обѣды, завтраки, и потомъ онъ даже не очень торопился — онъ былъ увѣренъ, что его мама никогда не перестанетъ его ждать... Съ этимъ доводомъ старый Соломонъ не соглашался. Только птицы поддерживали Питера и убѣждали его откладывать возвращеніе къ матери... А кбе-что по-

видавшій на своемъ вѣку Соломонъ утверждалъ, что „никогда не слѣдуетъ откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня“, и что надо „ковать желѣзо, пока горячо“... Но Питеръ беззаботно откладывалъ свой отъѣздъ, а птицы наперерывъ приглашали его къ себѣ, веселились, пировали и отбивались отъ дѣла...

Но хотя Питеръ и не торопился разстаться съ островомъ и паркомъ, въ душѣ, однако, онъ твердо рѣшился вернуться къ своей матери... И лучшее тому доказательство — осторожность, какую онъ соблюдалъ въ разговорахъ съ феями... Имъ очень хотѣлось, чтобы онъ остался и продолжать играть на ихъ балахъ, и онъ всякими хитростями старался подсказать ему новое желаніе... Онъ говорили: „Какъ бы я хотѣла, чтобы трава не была такъ влажна...“, или же тайцовали безъ передышки, надѣясь, что онъ не выдержитъ и крикнетъ: „Довольно, остановитесь, я хочу, чтобы вы перестали, наконецъ!“ — И тогда онъ закричалъ бы, что это и есть его второе желаніе...

Но онъ понималъ всѣ ихъ уловки и каждый разъ, когда начиналъ — „Я хочу“ — тотчасъ же умолкалъ.

Наконецъ, онъ твердо имъ заявилъ: „Я хочу вернуться навсегда къ своей мамѣ“ — Имъ оставалось только пощекотать его въ плечи и отпустить съ Богомъ...

Онъ летѣлъ теперь очень быстро; ему приснилось, что мать его стонетъ и плачетъ... А онъ зналъ, что если мать его стонетъ и плачетъ, стало-быть, ей очень больно, и зналъ, что какъ только она почувствуетъ близость своего ненагляднаго Питера, она

опять просіяетъ и улыбнется... О, онъ былъ увѣренъ въ этомъ! И ему такъ хотѣлось быть скорѣй въ ея объятіяхъ, что онъ, уже не останавливаясь по дорогѣ, летѣлъ прямо къ ея окну... Онъ не сомнѣвался въ томъ, что оно все еще раскрыто настежь.

Увы! — Окно оказалось закрытымъ, и къ подоконнику придѣлана была желѣзная ограда. И, заглянувъ въ стекло, онъ увидалъ свою мать, но она мирно спала, обнимая рукою другого маленькаго мальчика...

Питеръ крикнулъ: „Мама! Мама!“ — но она не слышала его. Онъ тѣтено стучалъ своими маленькими ножками о желѣзную ограду. А онъ мечталъ быть теперь такимъ иѣжнымъ, такимъ любящимъ сыномъ! Ахъ, Питеръ! Совершивъ большую ошибку, не надо медлить, когда представляется возможность исправить ее. Но Соломонъ былъ правъ — эта возможность такъ рѣдка, такъ рѣдка!.. Мы прилетаемъ къ завѣтному окну уже въ глухой полночный часъ. Но окно закрыто — и никогда больше не откроется для насъ...

XVI

МАЛЕНЬКІЙ ДОМИКЪ

Кто не знаетъ про Маленькій домикъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ! Это единственный домикъ во всемъ мірѣ, построенный феями для людей... Но никто этого домика никогда не видѣлъ, за исключеніемъ трехъ — четырехъ человѣческихъ существъ, и то лишь потому, что они спали въ немъ, а видѣть Маленькій домикъ можно только, проведя въ немъ ночь, и даже не тогда, когда вы лежите въ немъ, вы видите его, а тогда только, когда просыпаетесь и выходите изъ него...

Представленіе объ этомъ домикѣ могутъ, пожалуй, имѣть многіе, потому что ночью послѣ полуночи виденъ иногда свѣтъ въ окнахъ... Давидъ, наприѣръ, отчетливо видѣлъ свѣтъ сквозь деревья, когда мы съ нимъ возвращались однажды поздно изъ цирка, а Оливеръ Вейлей видѣлъ свѣтъ, возвращаясь изъ собора, гдѣ отецъ его служилъ заутреню... Анджела Клэръ (для этой дѣвочки праздникъ, когда дантистъ рветъ ей зубъ, потому что тогда ее въ утѣшеніе водятъ въ кондитерскую) много разъ даже видѣла огни въ Маленькомъ домикѣ.

Она видѣла, очевидно, огни, когда феи строили домикъ, потому что онѣ строятъ его каждую ночь и каждую ночь въ другой части парка. Ангелѣ казалось, что одинъ огонекъ былъ больше другихъ, но она не была, впрочемъ, увѣрена въ этомъ, потому что онѣ всматривались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и она не могла понять, одинъ ли и тотъ же огонекъ это... Но это былъ одинъ и тотъ же огонекъ — огонекъ Питера Пэна. Его видѣли десятки и сотни дѣтей. Высокая честь выпала на долю знаменитой Мамми Менперингъ. Для нея-то и построенъ былъ первый домикъ.

Мамми всегда была странная дѣвочка. — странности ея обыкновенно начинали обнаруживаться съ наступленіемъ ночи. Ей было четыре года. Днем она казалась самой обыкновенной дѣвочкой. Она сияла отъ радости, когда братъ ея Тони, пышный, красивый шестилѣтній мальчуганъ, удостоивалъ ее вниманіемъ, — смотрѣла на него съ восторженными почтениемъ, тщетно старалась подражать ему въ его мальчишескихъ замашкахъ, и ей пріятно льстило, когда онъ, не считаясь съ тѣмъ, что она дѣвочка, давалъ ей по-товарищески тумака... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда она подбрасывала ракетой мячъ, она ничуть не торопилась поймать его, а выставляла впередъ свои ножки, чтобы все видѣли, какіе на ней хорошенькіе новые башмачки — потому что она все-таки была дѣвочка... Словомъ, днемъ это былъ самый обыкновенный ребенокъ...

Но едва спускались сумерки, самоувѣренный Тони тотчасъ переходилъ съ покровительственно-презрительнаго тона съ Мамми на робкій... И ничего нѣтъ уди-

вительнаго — потому что съ наступленіемъ ночи лицо Мамми мѣнялось до неузнаваемости. Въ глазахъ ея появлялось выраженіе гордой спокойной увѣренности, Тони же, наоборотъ, овладѣвало безпокойство, растерянность, и онъ съ заискивающимъ видомъ топтался подъ Мамми, дарилъ ей любимѣйшія игрушки (на слѣдующее утро онѣ отнимали ихъ обратно) — и она съ разсѣянной улыбкой принимала ихъ... Причина его угодливой кротости и ея таинственности заключалась въ томъ, что оба предчувствовали близость момента, когда ихъ укладывали спать. И тогда Мамми становилась ужасной. Тони каждый вечеръ просилъ ее не дѣлать этого сегодня, и мама, и няня ихъ, негрятинка, грозили ей наказаніемъ, если она опять будетъ это дѣлать... Мамми лишь улыбалась своей загадочной, волнующей улыбкой... И какъ только они оставались въ дѣтской одни при свѣтѣ ночника, она приподнималась на своей кровати и вскрикивала:

— У-у-у! Это что?

Тони умолялъ ее:

— Ничего, ничего нѣтъ... Не надо, не надо, Мамми!

И зарывался головой подъ одеяло.

— Вотъ!.. вотъ!.. приближается!! — кричала она. — Тони, Тони, смотри, съ рогами, уже у твоей кровати... Сейчасъ тебя забодаетъ, ахъ! Ахъ, Тони!.. — И не унималась до тѣхъ поръ, пока онъ въ однихъ кальсончикахъ не выскакивалъ съ крикомъ изъ кровати... Когда на его крикъ прибѣгала мама и няня, Мамми обыкновенно спокойно спала... Не притворялась, а дѣйствительно спала тихо и кротко, какъ ангелочекъ...

Но днемъ, когда они бывали въ Кенсингтонскомъ паркѣ, первую скрипку всегда игралъ Тони. Изъ его словъ не трудно было заключить, что онъ отъѣнный храбрецъ. Мамми гордилась имъ чрезвычайно... И можете себѣ представить, въ какое восторженное благоговѣніе онъ повергъ ее, когда однажды твердо и рѣшительно заявилъ ей — онъ всегда разговаривалъ очень твердо и рѣшительно, — что намѣренъ когда-нибудь остаться въ паркѣ послѣ закрытія воротъ...

— О, Тони! — воскликнула она съ испугомъ и почтеніемъ, — но феи вѣдь разсердятся...

— Вѣроятно! — небрежно отвѣтилъ Тони.

— Быть-можетъ, — продолжала она, дрожа отъ волненія, — Питеръ Пенъ прокатитъ тебя въ своей лодочкѣ...

— Я потребую, чтобы онъ прокатилъ меня, — отвѣтилъ Тони.

Удивительно ли послѣ этого, что Мамми гордилась своимъ братомъ?

Но, къ сожалѣнію, они разговаривали очень громко, и феи, собиравшія увидѣше листья, изъ которыхъ онѣ ткали ткань для лѣтнихъ зайаеѣсокъ, подслушали ихъ разговоръ... Съ этого дня Тони сталъ предметомъ ихъ всеобщихъ преслѣдованій. Когда онъ азбирался на изгородь, онѣ раздвигали густые кусты, и онъ проваливался внизъ головой. Онѣ незримо наступали на его часто развязывавшіеся шнурки, онъ спотыкался и падалъ. Онѣ натравливали на него утокъ, и утки топили его кораблики. Надо знать, что почти всѣ несчастные случаи въ паркѣ происходятъ только съ дѣтьми, очутившимися въ немилости фей, и потому,

разговаривая о феяхъ, слѣдуетъ соблюдать величайшую осторожность...

Мамми по характеру своему очень любила точность и опредѣленность, но Тони былъ другого склада, и когда она спросила его, въ какой день онъ намѣренъ остаться въ паркѣ послѣ закрытія воротъ, онъ отвѣтилъ:

— Да какъ придется...

Онъ и самъ не зналъ, когда осуществить свое намѣреніе. Но однажды она настойчивѣе спросила:

— Быть-можетъ, сегодня останешься?

И онъ твердо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, только не сегодня...

Изъ этого его отвѣта она вывела заключеніе, что онъ будетъ выжидать благоприятнаго случая...

Наковецъ, аллеи парка запорошило бѣлымъ снѣгомъ. Круглый прудъ затянуло льдомъ. На конькахъ нельзя было еще кататься, и мальчики и дѣвочки забавлялись пока тѣмъ, что бросали въ прудъ камушки и разбивали прозрачную хрупкую пленку...

Тони и Мамми, придя въ паркъ, тоже хотѣли первымъ дѣломъ направиться къ пруду, но ихъ черная няня сказала, что надо прежде прогуляться по аллеѣ. И говоря это, она взглянула на дощечку, указывавшую часть закрытія парка. На дощечкѣ написано было, что паркъ закроется въ половинѣ шестого. Бѣдная Айя! Она всегда смѣялась, всегда показывала свои бѣлые зубы, потому что въ паркѣ было всегда такъ много бѣлыхъ дѣтей, и это ее смѣшило. Но въ этотъ день она недолго смѣялась.

Когда они прошли по Дѣтской аллеѣ и опять проходили мимо дощечки, она къ удивленію своему

увидала, что парк закроется не в половине шестого, а в пять. Она ничего не знала о продвках, на которых часто пускались феи парка, и не поняла. — Тони и Мамми тотчас догадались, в чем дело, — что феи передвинули дощечки, потому что они закрывали этой ночью бал. Айя только сказала детям, что теперь у них осталось времени дойти лишь до холма и обратно, и, когда они послушно повернули к холму, она, конечно, и не подозревала, какие мысли волнуют их в эти минуты... Вы догадываетесь, разумеется, какие это были мысли! Увидеть фейный бал! Тони понимал, что более благоприятного случая нечего было ждать. Мамми по лицу его угадала, о чем он думает...

— Сегодня? — спросила она глазами.

Он глубоко вздохнул и кивнул головой. Мамми быстро всунула ручонку в его руку. Ея рука была горяча, как огонь, его — холодна, как лед. И вот что она сделала тогда, — она сняла с себя шарфик и отдала его брату.

— Бери, — прошептала она, — тебе, быть может, будет холодно...

Лицо ее пылало от возбуждения. Тони хмуро молчал.

Когда они дошли до вершины холма и поворачивали обратно, он шепнул ей:

— Боюсь, няня увидит, что я отстаю, и мне не удастся застрять в парк.

Мамми пришла в восторг. Он боялся только няни, ее смелый брат! И ни слова о тех невдомых ужасах, которые ждали его в парк...

— Тони, бги до ворот, я буду тебя догонять.
— громко сказала она и добавила шепотом:

— Тогда ты сможешь спрятаться...
И они побегали.

Тони всегда довольно легко ее опережал, когда они бегали взапуски, но она и не подозревала, что он умел бегать так быстро. И она подумала, что он напрягает все силы, для того только, чтобы скорее ускользнуть от бдительной няни.

— Bravo! Bravo! — поощряла она его горевшими глазами и вдруг — ошелохла от изумления. Вместо того, чтобы свернуть в сторону и спрятаться, ее герой выбежал из ворот прямо на улицу. Она даже заплакать не могла, так жгуче было охватившее ее чувство презрения... Ей казалось, что она потеряла в эту минуту все, что было ей мило и любимо на земле... И в порыве негодования против всех убегающих трусов — она бросилась к колодезю Св. Говора и спряталась за ним вместо Тони.

Когда Айя дошла до ворот и увидела, что Тони уже за оградой парка, она подумала, что Мамми в нескольких шагах впереди его или позади, и тоже вышла из ворот. Над парком спустились сумерки, сотни людей сбивались к воротам, но Мамми не видела их. Она сидела, плотно сомкнув глаза, из которых катились на ее щеки горячие слезы. Она открыла глазки, лишь когда что-то холодное пробежало по ее ножкам, ручкам и вошло в ее сердце. Это была тишина парка. Затем она услышала «донь», и опять «донь»... Это закрывались ворота.

И едва отзвучал последний «донь», Мамми отчетливо услышала чей-то голос, сказавший:

— Ну, вотъ, наконецъ-то!..

Это произнесено было какимъ-то глухимъ деревяннымъ звукомъ, надъ самой головою Мамми. Она подняла глаза и увидала надъ собою вязъ. Онъ устало потягивался и зѣвалъ.

Она чуть было не сказала: „Я и не знала, что вы умѣете говорить“, — но въ то же мгновение другой металлическій голосъ, шедшій какъ-будто отъ ковшика у колодца, промолвилъ:

— Никакъ, холодно нынче?

И вязъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не очень... Долго стоять на одномъ мѣстѣ, ноги онѣмѣли...

И онъ взмахнулъ одной, другой вѣтвью, какъ извозчики кнутомъ... Мамми изумленно смотрѣла, какъ и другія деревья взмахивали вѣтвями, словно разминала онѣмѣвшія руки. Она притаилась подъ большой мальвой, которая тоже зябко водила плечиками и, по-видимому, ей не замѣчала.

Мамми же совсѣмъ не чувствовала холода. Она была въ желтенькой шубкѣ и въ капорѣ, изъ-подъ котораго видны были только ея личико и кудри. Вся ея фигурка была такъ плотно укутана и обмотана, что она походила скорѣй на шаръ, чѣмъ на дѣвочку... Впрочемъ, она и безъ шубы и фуфаякъ была порядочной толстухой...

На Дѣтской аллеѣ было большое оживленіе... Но отъ вниманія Мамми не ускользнуло, однако, какъ магнолія и кустъ сирени перешагнули черезъ изгородь и быстро пошли по аллеѣ. Они шагали неровно и дергая плечами, потому что оба опирались на костыли. Бузиновый кустъ перешелъ, ковыляя, черезъ

дорогу и остановился поболтать съ айвовыми деревьями. Эти тоже всѣ опирались на костыли. Костыли ихъ были просто палочки, которыми подпираютъ молодые деревца и кустики. Мамми видала ихъ каждый день, но до этой ночи не знала, что это, въ сущности, костыли... а не палочки...

Она высунулась изъ своей засады и, выглянувъ на аллею, увидала, наконецъ, первое живое волшебное существо. Это былъ маленькій эльфъ, уличный мальчишка. Онъ бѣгалъ по аллеѣ и потѣхи ради закрывалъ плакавшія деревья. Дѣлалъ онъ это такъ: пускалъ въ стволы струю воды изъ шприца, и деревья тотчасъ смыкались, какъ зонты, осыпая ютившіяся подъ ними маленькія растенія дождемъ снѣжинокъ.

— О, ты нехорошій, нехорошій мальчикъ! — съ негодованіемъ воскликнула Мамми, — она знала, какъ это неприятно, когда на уши стекаетъ вода съ зонтика...

Недобрый мальчишка убѣждалъ и не слышать уже ея негодующаго окрика, но ее слышала хризантема и такъ извѣтельно-вызывающе бросила ей: — Та-та-та! Это еще что такое? — что Мамми сочла недостойнымъ прятаться дольше и вышла на аллею. Растительное царство отъишло отъ изумленія. Въ первое мгновеніе никто даже не нашелся, что сказать... Наконецъ, они пошептались межъ собою и барбарисъ замѣтилъ ей:

— Конечно, это насъ не касается, но вы, вѣроятно, знаете, что вамъ здѣсь не мѣсто, и мы, съ своей стороны, быть-можетъ, даже обязаны довести о вашемъ присутствіи до свѣдѣнія фей. Вы какъ полагаете?..

— Я полагаю, что вамъ совершенно незачѣмъ это дѣлать, — отвѣтила Мамми, и отвѣтъ ея такъ поразилъ ихъ, что они, перекрикивая другъ друга, заявили ей, что вовсе не намѣрены вступать съ нею въ какія-либо препирательства.

— Повѣрьте мнѣ, — сказала Мамми, — если бы въ моемъ присутствіи здѣсь былъ дурной умыселъ, я не стала бы убѣждать васъ укрывать меня.

И послѣ этихъ словъ у нихъ, понятно, пропало всякое желаніе доносить феямъ о ея присутствіи. Одни только пожали плечами: „Увы!“, другіе проговорили: „Что же, такова жизнь!“ — потому что растенія, какъ извѣстно, по природѣ своей, весьма склонны къ сарказму. Ей, однако, жалко стало тѣхъ, у кого не было костылей, и она простодушно предложила имъ:

— Прежде чѣмъ отправиться на фейный балъ, я съ удовольствіемъ погуляю немного съ каждымъ изъ васъ... Можете опираться на меня... Пожалуйста...

Они захлопали къ ладоши, и она провела ихъ всѣхъ назадъ и впередъ по Дѣтской аллеѣ, каждого особо, при чемъ очень слабымъ нѣжно поддерживала за талию; если кто дергалъ или смѣшно подгибалъ ногу, осторожно и деликатно выравнивала его походку и съ иностранцами была такъ же внимательна и учтива, какъ съ англичанами, хотя и ни слова не понимала изъ ихъ рѣчей.

Всѣ вели себя безупречно. Нѣкоторые жаловались только, что она съ другими гуляла дольше, чѣмъ съ ними, но Мамми была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы раздражаться изъ-за такихъ пустяковъ. Она, наконецъ, устала отъ ходьбы и боялась также, что

опоздастъ на балъ фей, но страху она ни малѣйшаго не чувствовала. А не боялась она потому, что все это происходило ночью, а въ темнотѣ, какъ вамъ уже извѣстно, она совершенно преображалась и не походила на другихъ дѣтей.

Деревья и кусты неохотно отпускали ее отъ себя.

— Фей, пожалуй, еще станутъ обижать васъ, — предупреждали они ее. — Кто знаетъ, быть-можетъ, даже исколотятъ до смерти, или заставятъ уничтожить ихъ дѣтей или превратить васъ во что-либо скучное, въ какой-нибудь вѣчно-зеленый дубокъ...

— Скажите на милость! — язвительно промолвить дубъ, — смѣю васъ увѣрить, куда пріятнѣе стоять на холоду застегнутымъ до воротника, чѣмъ шеголять нагишемъ и стучать зубами...

Всѣ они тогда обидѣлись, хотя сами же вызвали его на такой рѣзкій отпоръ, и наперерывъ стали рисовать Мамми мрачную картину всякихъ опасностей, ждавшихъ ее по дорогѣ на фейный балъ...

Багряный орѣшникъ сообщилъ Мамми, что при дворѣ сейчасъ очень невесело, и причина подавленного настроенія — сердечныя муки герцога Гіацинта Рождественскаго... Онъ былъ родомъ съ Востока и страдалъ тяжкимъ сердечнымъ недугомъ: онъ никого не любилъ. Онъ ѣздилъ по всему міру, знакомился съ самыми очаровательными феями, но полюбить никого не могъ. Королева Мабъ — королева Кенсингтонскаго парка — увѣрена была въ томъ, что ея дочери очаруютъ знатнаго гостя. Но увы! Сердце его, — говорилъ докторъ, — оставалось холоднымъ. Врачъ этотъ, очень непріятный господинъ, находившійся при герцогѣ неотлучно, каждый разъ, когда герцогу пред-

ставляли новую фею, внимательно выслушивалъ его сердце, качалъ своей плѣшивой головой и бормоталъ:

— Холодное, совсѣмъ холодное.

Королева Мабъ, понятно, разсердилась и повелѣла всѣмъ своимъ придворнымъ быть въ печали и слезахъ цѣлыхъ девять минутъ. Амуровъ же выругала и приказала имъ носить дурацкіе колпаки до тѣхъ поръ, пока они не сумѣютъ согрѣть любовью холодное сердце герцога.

— О, мнѣ бы такъ хотѣлось видѣть маленькихъ Амуровъ въ дурацкихъ колпачкахъ! — воскликнула Мамми и увѣряла, рѣшивъ про себя, что и виду не покажетъ Амурамъ, какъ ее забавляютъ ихъ дурацкіе колпаки. Она знала, что они самолюбивы и обижаются, когда надъ ними подтруниваютъ.

Мѣсто, гдѣ феи устраиваютъ балъ, найти не трудно, потому это отъ этого мѣста обыкновенно протянуты ленты къ самымъ населеннымъ частямъ парка. Приглашенные шествуютъ на балъ по лентамъ, дабы не промочить бальныхъ башмачковъ. Въ эту ночь ленты были красныя, и на фонѣ бѣлаго снѣга это было восхитительно.

Мамми долго шла вдоль одной такой ленты, но ни одна фея навстрѣчу ей не попадалась. Наконецъ, она увидала цѣлую кавалькаду. Ей казалось, однако, что онѣ уже возвращаются съ бала. Она едва успѣла спрятаться — опустилась на колѣни и вытянула впередъ обѣ ручки, такъ что въ темнотѣ легко могла сойти за стулъ. Кавалькада состояла изъ шести всадниковъ, ѣхавшихъ впереди, и шести сзади. Между этими двумя группами шла красивая фея въ очень нарядномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, который

поддерживали два пажа. А на шлейфѣ возлежала, какъ на кушеткѣ, очаровательная юная фея. Аристократическія феи всегда выезжаютъ на шлефахъ и всегда подъ конвоемъ двѣнадцати элифовъ. На ней было восхитительное платье изъ золотыхъ струй, но больше всего плѣняла взоръ ея пѣжно-голубая шейка въ алмазномъ ожерельѣ. Знатныя феи нарочно προκαлываютъ кожу, чтобы капли голубой крови, вытекающія тогда изъ ихъ венъ, окрасили и придали такой пѣжный, благородный оттѣнокъ ихъ кожѣ...

Мамми обратила также внимание на то, что всѣ онѣ были очень возбуждены и обиженно-вызывающе задирали носики, изъ чего она догадалась, что эту молоденькую фею, очевидно, уже представляли пріѣзжему герцогу, и докторъ, выслушавъ его сердце, вѣроятно сказалъ: — Холодное, совершенно холодное...

Она пошла дальше, вдоль этой самой ленты, и пришла вскорѣ къ мѣсту, гдѣ лента тянулась мостикомъ надъ высохшей лужею. Въ это самое мгновение маленькая фея, шедшая по мосту, свалилась внизъ и тщетно пыталась вскарабкаться опять на верхъ. Мамми посѣщила къ ней на помощь. Фея было испугалась ея, но черезъ минуту уже весело болтала съ нею и сообщила ей, что ее зовутъ Вроуни, и что она хотя всего только бѣдная уличная пѣвица, однако — вотъ собралась на балъ... Она тоже хотѣла показаться герцогу.

— Правда, — сказала она, — меня можно скорѣе назвать дуришкой...

Мамми смутилась. Это милое, простодушное существо въ сравненіи съ другими феями и впрямь была дуришкой. И она не знала, что ей сказать...

— И вижу, вы не очень вѣрите въ мой успѣхъ.
— дрожащимъ голосомъ проговорила Броуни.

— Нѣтъ, отчего же, — вѣжливо отвѣтила Мамми, — у васъ, правда, лицо... нѣсколько... ну, нѣсколько простое, но...

Бѣдная Мамми, она искала словъ и не находила ихъ.

Къ счастью, она вспомнила, что отецъ ея рассказывалъ однажды объ одномъ базарѣ. Онъ пошелъ на великосвѣтскій базаръ, гдѣ продавщицами были красивѣйшія дамы всего Лондона. А когда вернулся домой, онъ съ нѣжностью посмотрѣлъ на мать Мамми, которая далеко не была красавицей, и сказать:

— Какъ пріятно видѣть, наконецъ, передъ собою простое, милое лицо!

Мамми повторила Броуни слова отца, и маленькая фея почерпнула въ нихъ отвагу и бодрость. Она и не сомнѣвалась больше, что герцогъ именно на ней остановитъ свой выборъ. И она быстро побѣжала по лентѣ, убѣждая Мамми не слѣдовать за нею, такъ какъ королева Мабъ можетъ ее обидѣть... Но любопытство заглушало въ Мамми чувство страха, гнало ее впередъ, и вскорѣ она увидѣла недалеко отъ семи испанскихъ каштановъ ярко-освѣщенный кругъ...

Она незамѣтно пробралась совсѣмъ близко и пригналась за деревомъ... Свѣтъ, ослѣпившій ее, состоялъ изъ мириадовъ свѣтлячковъ, которые плотно прилипли другъ къ другу и повисли надъ кругомъ сказочнымъ балдахинномъ. Тысячи существъ смотрѣли со всѣхъ сторонъ на ослѣпительный кругъ, и всѣ казались невзрачными и жалкими въ сравненіи съ феями, порхавшими подъ алмазнымъ балдахинномъ.

Мамми и мысли не допускала, чтобы герцогъ Глацинть могъ не влюбиться хотя бы въ одно изъ этихъ восхитительныхъ созданий. Но, увы, сердце его хмураго высочества оставалось холоднымъ, какъ лѣдъ. И Мамми скоро поняла это по смущеннымъ взглядамъ королевы и придворныхъ дамъ — хотя онѣ и дѣлали видъ, что его равнодушіе ихъ нисколько не трогаетъ. — по слезамъ, выступавшимъ на глазахъ фей послѣ представленія герцогу, и по унылому выраженію лица самого герцога...

Мамми видѣла также, какъ важный докторъ прижималъ къ груди плѣшивую голову и взвизгивалъ, какъ попугай:

— Холодное, совершенно холодное.

Но больше всего ей было жаль Амуровъ, стоявшихъ въ сторонкѣ, въ своихъ дурацкихъ колпакахъ... Каждый разъ, когда врачъ выкрикивалъ: „Холодное, совершенно холодное“, — бѣдняжки низко опускали свои опальные головы...

Она была разочарована отсутствіемъ Питера Пиза. А онъ, къ несчастью, не попалъ къ самому началу бала, потому что лодочка его попала въ узкій проходъ между льдинъ, плившихъ по озеру, и ему съ величайшимъ трудомъ и съ большимъ опозданіемъ удалось добраться до парка въ эту ночь.

Фей же едва замѣчали его отсутствіе. Онѣ были такъ удручены, что имъ было не до танцевъ. Онѣ забывали всѣ па, когда ихъ угнетала какая-либо печаль, но тотчасъ опять вспоминали ихъ, когда приходили въ хорошее настроеніе. Давидъ увѣряетъ меня, что феи никогда не говорятъ: „Намъ очень весело“... Онѣ говорятъ: „Намъ хочется танцевать“...

Но въ этотъ вечеръ видъ у нихъ былъ совсѣмъ не танцевальный... Внезапно кругъ огласился дружнымъ хохотомъ. Причиной его было появленіе Броуни и ея горячія наивныя увѣренія, что она имѣетъ такое же право, какъ и другія феи, быть представленною герцогу.

Мамми возбужденно подалась впередъ. Ей страшно хотѣлось видѣть, что будетъ теперь съ ея новой пріятельницей, хотя она не вѣрила насколько въ успѣхъ ея затѣи.

Ее подвели, однако, къ герцогу. Докторъ разсѣянно поднесъ палецъ къ его сердцу. — приличія ради, чтобы не обнажать часто грудь его высочества, въ его алмазной манишкѣ сдѣлана была поднимавшаяся и опускавшаяся заслонка. — и началъ было, какъ автоматъ, свое обычное: „Холодное, соверш...“ — И вдругъ осякъся и замолкъ.

— Это что значитъ? — вскрикнулъ онъ и сперва встряхнулъ сердце, какъ часы, потомъ приникъ къ нему ухомъ.

— Господи, помилуй! — снова воскликнулъ докторъ. Возбужденіе фей дошло до крайняго напряженія; нѣмня изъ нихъ даже лишились чувствъ.

Всѣ гости, затанувъ дыханіе, смотрѣли на герцога. А онъ стоялъ, блѣдный, растерянный и съ такимъ видомъ, словно намѣревался куда-то убѣжать.

— О, Боже, Боже! — раздался шопотъ доктора. Сердце герцога, очевидно, пылало, потому что докторъ быстро отдернулъ свои пальцы, подуть на нихъ въ воздухъ и сунулъ ихъ въ ротъ.

Затѣмъ онъ отвѣсилъ герцогу низкій поклонъ, и среди всеобщаго изумленія раздался его громкій, торжественный голосъ:

— Ваше высочество, имѣю честь доложить вашему высочеству, что ваше высочество влюблены.

Впечатлѣніе, произведенное этими словами, описать совершенно невозможно.

Броуни протянула герцогу руки, и герцогъ упалъ въ ея объятія. Королева упала въ объятія лорда Чемберлена, и всѣ придворныя дамы въ объятія своихъ кавалеровъ... По этикету, придворныя дамы должны во всемъ подражать своей королевѣ. Въ одну минуту состоялось около пятидесяти свадебъ. Потому что у фей обнятыся это значитъ повѣнчаться. Само собою разумѣется, что среди приглашенныхъ оказался и священникъ, скрѣпившій всѣ союзы своимъ благословеніемъ.

Какое тогда поднялось веселье и ликованье! Загудѣли трубы. Взошла луна, и тысячи паръ, окутавъ себя серебряными лучами, самозабвенно закрутились на зачарованной лужайкѣ... Амуры сорвали съ себя дурацкіе колпаки, взметнули ихъ высоко въ воздухъ и были очаровательны въ своей граніозной шаловливости...

Но тутъ появилась Мамми и испортила всю музыку. Она сдѣлала это безъ злого умысла. Она такъ рада была счастью, выпавшему на долю ея пріятельницы, что неволью шагнула впередъ и крикнула съ восторгомъ:

— О, Броуни, какая ты прелесть!..

Все мгновенно замолкло. Танцующіе остановились, какъ вкопанные, огни погасли... И тогда Мамми почувствовала, что ей грозитъ какая-то опасность. Она теперь только сообразила, что находится одна въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни одно человѣческое существо не

должно быть между закрытіемъ и открытіемъ парка. Она слышала глухой недовольный ропотъ. Видѣла тысячи мечей, сверкавшихъ во мглѣ, и, дико вскрикнувъ, убѣжала...

Какъ она бѣжала — надо было видѣть! Отъ ужаса у нея глаза выкатились изъ орбитъ. Да! Она падала и вскакивала, и опять бѣжала. Страхъ, овладѣвшій ею, былъ такъ великъ, что она и забыла о томъ, гдѣ находится. Она сознавала лишь, что должна бѣжать, бѣжать безъ конца, и, когда она свалилась съ ногъ въ Фиговой аллеѣ и стала засыпать, ей все еще казалось, что она бѣжитъ... Снѣжинки падали на ея лицо — ей казалось, что это мама цѣлуетъ ее на ночь. Снѣжный покровъ мнилъ ей ея бѣлымъ теплымъ одѣяльцемъ, и она пыталась укрыться съ головой. Она слышала голоса во снѣ, и ей казалось, что это мать привела въ дѣтскую отца полюбоваться, какъ спитъ ихъ любимца, Мамми. Но это были голоса фей.

Съ удовольствіемъ отмѣчая, что гнѣвъ ихъ скоро остылъ, и у нихъ пропало всякое желаніе причинить ей какую-либо неприятность. Онѣ, было, двинулись за нею съ крикомъ:

— Убить ее!

— Превратить ее во что-нибудь отталкивающее!

Но тотчасъ же заспорили, кому стать во главѣ погони, а герцогиня Броуни тѣмъ временемъ бросилась къ ногамъ королевы и попросила ее исполнить ея заветное желаніе...

Каждая невеста-фей имѣетъ право на особую королевскую милость, и Броуни попросила королеву Мабъ о дарованіи жизни Мамми.

— Все, что угодно, только не это! — сурово отвѣтила королева.

— Все, что угодно, только не это! — хоромъ повторили за нею феи.

Но когда онѣ все выслушали, какъ Мамми выручила Броуни изъ бѣды и помогла ей попасть на этотъ балъ, онѣ трижды крикнули «ура!» — и двинулись стройной арміей благодарить Мамми. Впереди шель дворъ подъ балдахиномъ изъ свѣтлячковыхъ. Онѣ легко разыскали Мамми по слѣдамъ ея ножекъ въ снѣгу.

Но какъ благодарить ее? Она лежала глубоко въ снѣгу, и какъ разбудить ее, онѣ не знали. Наконецъ, молодой новобрачный, герцогъ Гіацинтъ выступилъ впередъ и прочиталъ длинный привѣтственный адресъ, изъ котораго Мамми не слышала ни одного слова... Феи смели съ нея снѣгъ, но ее тотчасъ опять засыпало, и онѣ видѣли, что ей грозитъ опасность замерзнуть...

— Надо завернуть ее во-что-нибудь не холодное, — предложилъ докторъ. Но единственная вещь, представлявшаяся феямъ не очень холодной, была снѣжинка.

— Снѣжинка можетъ растаять, — резонно замѣтила королева, и предложеніе доктора было отклонено.

Феи сдѣлали было геройское усиліе, попытались перенести Мамми въ какое-нибудь защищенное мѣсто, но хотя ихъ было очень много — онѣ не могли сдвинуть ее съ мѣста. Толстуха-Мамми оказалась имъ не по силамъ. Феи горько плакали и сморкались въ

носовые платочки, какъ вдругъ Амуровъ осѣнила счастливая мысль.

— Постройте надъ нею домикъ! — воскликнули они.

И всѣ единодушно согласились, что это вѣрнѣйшій способъ спасти дѣвочку. Черезъ мгновеніе сотни эльфовъ-пильщиковъ уже мелькали среди деревьевъ, архитекторы толпились подлѣ Мамми и снимали съ нея мѣрку, у ногъ ея выросла гряда кирпичей, семьдесятъ пять каменщиковъ возили камни для фундамента... Постройкой руководила сама королева, она же назначала надсмотрщиковъ... Съ быстротою молній выросли лѣса, кругомъ застучали молоты, зашуршали рубанки, заскрипѣли токарные станки, и скоро уже готова была крыша, и стекольщики вставили окна въ рамы...

Домикъ сдѣланъ былъ какъ разъ по росту Мамми и выглядѣлъ очаровательно. Мамми лежала, вытянувъ впередъ одну ручку, и это лишь привело фей въ недоумѣніе, такъ какъ мѣшало выполнению плана постройки. Но онѣ и тутъ нашли выходъ изъ затрудненія — обнесли протянутую ручку Мамми занавѣсью. Окна были такого размѣра, какъ обыкновенная книжка съ картинками, только дверь была нѣсколько мала по росту Мамми, и феи рѣшили, что ей, пожалуй, удобнѣе будетъ вылѣзть наружу черезъ крышу... Феи захопали въ ладоши отъ радости, когда достроили домикъ. Онѣ налюбоваться на него не могли и не рѣшались расходиться по домамъ... Онѣ еще и еще пристукивали что-то, прилаживали, расписывали, когда имъ казалось, что ничего больше дѣлать не осталось, придумывали еще что-то и опять хлопали и

суетились... Двѣ феи, напримѣръ, взобрались по лѣсенкѣ на крышу и поставили надъ нею трубу.

— Никакъ, теперь уже все готово, — со вздохомъ сожалѣнія промолвила одна изъ нихъ.

Но нѣтъ, не все еще было готово! На крышу взбѣжали по лѣсенкѣ двѣ другихъ феи и воткнули въ трубу немного дыму.

— Ну, теперь, кажется, уже все готово, — нерѣшительно промолвили онѣ.

— Вовсе нѣтъ! — воскликнула свѣтлячекъ. — Если она проснется ночью и не увидитъ ночника, она испугается. Я останусь здѣсь въ качествѣ ночника.

— Погодите еще минутку, — сказала посудоторговецъ, — я принесу для васъ чашечку.

Увы, теперь уже все, все было готово.

О, нѣтъ, еще не все!

— Господи, — воскликнулъ владѣлецъ мѣлоплавильнаго завода, — Двери-то, двери безъ ручки.

И онѣ придѣлать къ двери мѣдную ручку.

Желѣзоторговецъ принесъ еще желѣзную скобку для чистки обуви, а одна старая фея принесла половикъ и положила его передъ дверью. Плотники прикатили еще бочку для дождевой воды, а художники предлагали расписать домикъ фресками.

— Конечно, наконецъ!

— Какое тамъ конечно? — недовольно замѣтилъ паяльщикъ, — вѣдь въ домикѣ нѣтъ пока ни тепла, ни холода.

И онѣ наполнили его тепломъ и холодомъ. Затѣмъ явился цѣлый отрядъ садовниковъ съ тачками, заступами, сѣменами, луковичками, съ маленькими те-

плочками, и по правую руку отъ веранды развели цвѣтникъ, а по лѣвую фруктовый садъ, стѣны дома увили розами и ломоносомъ, а черезъ нѣсколько минутъ деревья и клумбы уже стояли въ полномъ цвѣту...

О, какъ теперь красивъ былъ маленькій домикъ! Въ концѣ-концовъ, феямъ дѣйствительно ничего больше не оставалось, какъ вернуться къ прерваннымъ танцамъ. Прощаясь съ домикомъ, феи посылали ему воздушные поцѣлуй, и послѣднею прощалась съ нимъ Броуни.

Она задержалась немного дольше, чтобы вмѣстѣ съ поцѣлуемъ послать Мамми еще хорошій сонъ...

И всю ночь восхитительный домикъ стоялъ надъ Мамми и охранялъ ее отъ холода, а она даже этого не подозрѣвала. Она спала до тѣхъ поръ, пока кончился ея сонъ, и проснулась съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ утро вылупляется изъ своего яйца, и чуть было не уснула опять.

— Тони! — позвала она соннымъ голосомъ. Она воображала, что она въ дѣтской. Но когда отвѣта не послѣдовало, она приподнялась, при чемъ голова ея стукнулась о крышу, раскрывшуюся надъ нею, какъ коробка. И къ своему неописуемому изумленію она увидала передъ собою засыпанный снѣгомъ Кенсингтонскій паркъ. Но ей не вѣрилось еще, что все это происходитъ съ нею наяву, и она ущипнула себя въ одну и другую щечку. Тогда только она убѣдилась, что это дѣйствительность, и вспомнила всѣ необычайныя вещи, какія пережила съ той минуты, какъ закрылись ворота, и вплоть до того мгновенія, когда она бросилась бѣжать отъ разсердившихся на нее фей. Но какъ она попала въ эту странную кроватку? Она

вышла изъ крыши прямо въ паркъ и увидала прелестный домикъ, въ которомъ провела ночь. Домикъ привелъ ее въ такое восхищеніе, что она ни о чемъ другомъ уже думать не могла.

— Прелесть! Какая прелесть! Какой восторгъ! — кричала она.

Голосъ ли человѣческій испугалъ домикъ, или потому, что дѣло его было сдѣлано, но не успѣла Мамми договорить своихъ восторженныхъ словъ, какъ она стала замѣчать, что онъ какъ-будто меньше дѣлается. Онъ такъ медленно уменьшался, что она даже не была увѣрена въ томъ, что онъ уменьшается, хотя ей и ясно было, что теперь она никакъ уже не могла бы умѣститься въ немъ. Онъ былъ все такой же хорошенькій, какъ и прежде, но становился все меньше, меньше: деревья сада уходили въ землю, цвѣты блѣднѣли, а снѣгъ стался гуще, плотнѣе и окутывалъ бѣлой пеленою и домикъ и садъ. Домикъ казался то маленькимъ, какъ собачья конура, то огромнымъ, какъ Ноевъ ковчегъ, но дымокъ все еще вился надъ нимъ, сверкала мѣдная ручка, нѣжно свѣтлѣли розы на стѣнахъ, и все было по своему восхитительно. Свѣтлячокъ тоже тусклѣлъ, но все еще горѣлъ.

— Миленькій, хорошій мой свѣтлячокъ, не угасай! — взмолилась Мамми и опустилась на колѣни. Домикъ теперь уже похожъ былъ на тоненькую ниточку, и въ миниатюрномъ, едва уловимомъ свѣтѣ все еще былъ восхитителенъ...

Но когда Мамми протянула съ мольбою руки, со всѣхъ сторонъ посыпались хлопья снѣга, и черезъ мгновеніе отъ домика не осталось и слѣда...

Мамми капризно топнула ножкой и поднесла уже кулачки къ глазамъ, когда услышала вдругъ ласковый голосъ:

— Не надо плакать, миленькій человѣчекъ... плакать не надо...

Она быстро обернулась и увидала передъ собою хорошенькаго, голенькаго мальчика, смотрѣвшаго на нее съ жаднымъ любопытствомъ. Она тотчасъ догадалась, что это — Питеръ Пэнъ.

XVII

КОЗЛИКЪ ПИТЕРА ПЭНА

Мамми оробѣла, но Питеръ Пэнъ не зналъ, что такое робость.

— Надѣюсь, вы хорошо спали? — вѣжливо освѣдомился онъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она, — мнѣ было очень удобно и тепло... Но вы... вамъ, — она смущенно отвела глаза отъ его голенькой фигурки, — вамъ не холодно?..

Питеръ Пэнъ давно уже забылъ это слово „холодно“ — и уклончиво отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не думаю... Впрочемъ, можетъ-быть, я и ошибаюсь... Я плохо разбираюсь въ такихъ вещахъ... Я, видите ли, не настоящій мальчикъ... Соломонъ-Воронъ говоритъ, что я „Середка-на-половину“...

— Вотъ какъ это называется, — задумчиво проговорила Мамми.

— Но это не мое имя — объяснилъ онъ. — Мое имя — Питеръ Пэнъ.

— Я знаю, — отвѣтила Мамми. — Кто же этого не знаетъ?

Можете себѣ представить, какъ пріятно было Питеру услышать, что онъ пользуется такой широкой извѣстностью за предѣлами парка! Онъ попросилъ Мамми рассказать ему все, что о немъ знаютъ и говорить. Она исполнила его просьбу. Они сидѣли на сваленномъ бурей деревѣ. Питеръ смахнулъ со ствола слезы для Мамми, но самъ сидѣлъ на сѣнѣ.

— Прижмитесь ко мнѣ плотнѣе, — сказала она.

— Какъ это дѣлается? — спросилъ онъ, и она показала ему, какъ это дѣлается. Они долго бесѣдовали, и Питеръ Пэнъ убѣдился, что люди многое знаютъ о немъ, но далеко не все. Не знали они также о томъ, что онъ возвращался къ своей матери и нащелъ окно закрытымъ, но этого онъ не коснулся въ разговорѣ съ Мамми. Рана была еще слишкомъ жива въ его сердцѣ.

— А они знаютъ, что я играю въ разныя игры, какъ настоящіе мальчики? — гордо спросилъ онъ. — Мамми, прошу васъ, непременно расскажите имъ объ этомъ.

Но когда она узнала, какъ онъ играетъ, что серсо онъ пускаетъ какъ пароходикъ на Круглый прудъ, она, понятно, пришла въ ужасъ.

— Всѣ ваши игры ничего не стоятъ, — сказала она, глядя на него своими большими глазами, — и вы очень ошибаетесь, — мальчики вовсе не такъ играютъ, какъ вы...

Бѣдный Питеръ всхлипнулъ и заплакалъ такъ, какъ не плакалъ уже давно-давно... Мамми очень разстроилась и протянула ему свой носовой платочекъ,

но онъ не понималъ, что съ нимъ надо дѣлать, и она показала ему: то есть сама вытерла свои глаза, затѣмъ дала ему опять платокъ и сказала:

— Ну, а теперь сдѣлайте и вы то же самое...

Но онъ, вмѣсто того, чтобы вытереть свои глаза, вытеръ ей глаза — такъ онъ понялъ ее слова...

Сердце ея разрывалось отъ жалости къ нему.

— Если хотите, я васъ поцѣлую, — сказала она, но онъ давно уже забылъ, что такое поцѣлуй, хотя и зналъ когда-то, и протянулъ руку, полагая, что она хочетъ ему дать что-то...

Она была поражена его невѣдѣніемъ самыхъ простыхъ вещей, но чувствовала, что объяснить ему поцѣлуй ей будетъ не то что стыдно, а какъ-будто неловко... Она дала ему маленькій наперсточекъ, случайно очутившійся въ ея карманѣ, и сказала ему, что то и есть поцѣлуй. Бѣдный мальчикъ! Онъ повѣрилъ ей и понынѣ еще носитъ наперстокъ на своемъ пальчикѣ, безо всякой нужды, конечно...

Питеръ казался совсемъ маленькимъ на видъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ свою мать, прошло уже много лѣтъ. Ребенокъ же, на котораго мать его промѣняла, былъ уже въ это время взрослый мужчина съ бакенбардами. Но вы не думайте, однако, что Питеръ Пэнъ внушалъ къ себѣ только сожалѣніе... Мамми очень скоро поняла, что Питеръ Пэнъ можетъ внушать скорѣе чувства восхищенія, чѣмъ состраданія... Глаза ея сверкали восторгомъ, когда онъ рассказывалъ ей о своихъ приключеніяхъ... Больше всего плѣнило ее описаніе путешествія съ острова въ Кенсингтонскій паркъ въ дроздовомъ гнѣздѣ.

— Какъ романтично! — воскликнула Мамми, но этого слова Питеръ тоже не понялъ и грустно поникъ головою... Онъ вообразилъ, что Мамми подтруниваетъ надъ нимъ.

— Тони, пожалуй, на это не отважился бы? — робко спросилъ онъ.

— Никогда, никогда, — убѣжденно отвѣтила она. Онъ бы побоялся!

— А что это значитъ — побоялся? — завистливо спросилъ Питеръ Пэнъ. Онъ подумалъ, что это какая-то похвала. — Научите меня, Мамми, какъ надо бояться, — сказалъ онъ.

— Я думаю, этому васъ никто не научить, — съ обожаніемъ отвѣтила Мамми, и Питеръ понялъ, что она считаетъ его слишкомъ глупымъ для того чтобы научиться такимъ вещамъ.

— О, какъ бы я хотѣлъ быть такимъ смѣльчакомъ, какъ Тони! — добавилъ онъ со вздохомъ.

Она даже разсердилась на него при этихъ словахъ.

— Да вы въ тысячу разъ смѣлѣе Тони, — сказала она. — Я не знаю даже другого такого смѣльчака, какъ вы.

Онъ едва вѣрнулъ ушамъ, но когда повѣрилъ, завизжалъ отъ радости.

— И если вамъ очень хочется подарить мнѣ поцѣлуй, — добавила она, — поцѣлуйте, пожалуйста я ничего противъ этого не имѣю...

Питеръ Пэнъ нерѣшительно вертелъ пальцами наперстокъ. Онъ подумалъ, что она проситъ вернуть его ей обратно.

Тогда Мамми быстро проговорила:

— Я говорю не о поцѣлуѣ, а о наперсткѣ...

— Но что это значитъ? — спросилъ Питеръ.

— Это значитъ вотъ что, — отвѣтила она и поцѣловала его.

— Мнѣ тоже очень хочется дать вамъ наперстокъ, — серьезно сказалъ Питеръ и поцѣловать ее. Онъ далъ ей не одинъ, а много наперстковъ — онъ былъ увѣренъ, что осыпаетъ ее не поцѣлуями, а наперстками... И, наконецъ, его осыпала восхитительная мысль.

— Мамми, — сказалъ онъ, — выходи за меня замужъ!

И, какъ ни странно, мысль эта одновременно осыпала и Мамми.

— Хорошо, — отвѣтила она, — я согласна, но хватитъ ли въ дочкѣ мѣста на двоихъ?

— Если ты прижмешься ко мнѣ, то хватитъ, — быстро отвѣтилъ онъ.

— А птицы не разсердятся?

Онъ сталъ увѣрять ее, что птицы скоро полюбятъ ее... Впрочемъ, зимою на островѣ и не было много птицъ.

— Но онѣ навѣрно будутъ приставать къ тебѣ, чтобы ты подѣлилась съ ними своимъ платьемъ, — счелъ онъ долгомъ предупредить ее.

Это ей не понравилось.

— Онѣ очень заботятся о своихъ гнѣздахъ, — сказалъ онъ въ оправданіе птицамъ, — и такія вотъ мягкія вещи. — онъ провелъ рукой по ея шубкѣ, — могутъ, конечно, вызвать въ нихъ зависть.

— Шубки моей я имъ не отдамъ, — рѣзко проговорила Мамми.

— И не надо, — сказалъ онъ, все еще водя рукой по мягкой ткани, — и не надо! Ахъ, Мамми, — горячо воскликнулъ онъ вдругъ, — если бы ты знала, какъ я тебя люблю... Я люблю тебя, моя дорогая, гнѣздышко миленькое...

Это сравненіе, однако, не пришлось ей по вкусу.

— Мнѣ кажется, ты теперь уже разговариваешь не какъ мальчикъ, а какъ птица, — сказала она, откинувшись назадъ, и онъ, дѣйствительно, въ эту минуту скорѣе похожъ былъ на птицу, чѣмъ на мальчика.

— Да, въ концѣ-концовъ ты все-таки только „Середка-на-половину“, — добавила она, но это его такъ огорчило, что она тотчасъ поправилась:

— Это, вѣрно, очень приятно — быть „Середкой-на-половину“...

— Поѣдемъ со мной, Мамми, и ты будешь „Середкой-на-половину“, — сталъ онъ ее убѣждать. И они пошли оба къ пристани, гдѣ стояла лодочка. Они торопились — скоро должны уже были открыть ворота.

— И нисколько ты не похожа на гнѣздышко, — шепнулъ ей Питеръ, чтобы польстить ей.

— А я бы очень хотѣла походить на хорошенькое гнѣздышко, — возразила ему Мамми въ силу свойственной всѣмъ женщинамъ страсти къ противорѣчію. — И знаешь, Питеръ, шубки моей я птицамъ не отдамъ, но пускай онѣ вьютъ въ ней гнѣзда... Я имъ жѣмать не буду... Представь себѣ только гнѣздышко съ маленькими пестрыми личками на моемъ воротникѣ... О, Питеръ, какъ это будетъ мило...

Но когда они подходили уже къ озеру Серпантинъ, она вздрогнула и сказала:

— А къ мамѣ я буду приѣзжать, когда захочу, буду часто ѣздить къ ней... И вѣдь не навсегда разстанусь съ нею?...

— Конечно, вѣдь, — отвѣтилъ Питеръ. Въ душѣ онъ зналъ, что эта поѣздка на островъ означаетъ вѣчную разлуку. Но ему страстно хотѣлось удерживать при себѣ Мамми. Онъ безумно полюбилъ ее и чувствовалъ, что жить безъ нея не сможетъ.

— Она забудетъ свою мать и будетъ счастлива со мной, — говорилъ онъ себѣ и торопилъ Мамми и по дорогѣ осматривать лицо ея наперстками.

Она увидала лодочку, пришла отъ нея въ восторгъ, но мысль о мамѣ не покидала ее.

— Знаешь, Питеръ, я не поѣду, пока ты не дашь мнѣ обѣщанія, что я смогу ѣздить къ моей мамѣ, когда мнѣ вздумается. Скажи — да!

Онъ сказалъ — да, — и опустил голову. Онъ не могъ смотрѣть ей въ глаза.

— Ты увѣрена, что твоя мать будетъ тебѣ рада? — хмуро спросилъ онъ.

— Какой странный вопросъ, — удивилась Мамми, и лицо ея вспыхнуло. — Какъ же моя мама можетъ быть не рада мнѣ?

— Ты увѣрена, что она пуститъ тебя обратно въ домъ? — сухо спросилъ онъ.

— Дверь всегда будетъ открыта, — отвѣтила Мамми, — и мама всегда будетъ меня ждать...

— Если ты такъ увѣрена, — не безъ горечи сказалъ Питеръ, — то сядемъ въ лодку и поѣдемъ.

— Отчего же ты не смотришь мнѣ прямо въ глаза? — спросила Мамми и схватила его за руку.

Питеръ, не глядя на нее, хотѣлъ уже было оттолкнуть лодочку отъ берега и вдругъ, глубоко вздохнувъ, выпрыгнулъ изъ лодки и съ отчаяніемъ опустился на сѣгъ.

Мамми подошла къ нему.

— Что это значитъ, милый? — спросила она съ удивленіемъ.

— О, Мамми, — воскликнулъ онъ, — это нечестно съ моей стороны увозить тебя на островъ, если ты рассчитываешь возвращаться обратно... Ты не знаешь матерей такъ, какъ я ихъ знаю...

И онъ разсказалъ ей скорбную повѣсть своего возвращенія къ матери, а она слушала и всхлипывала.

— Но моя мать, — начала она, — моя мать...

— Она не лучше другихъ, — сказалъ Питеръ.

— Повѣрь мнѣ, онѣ все одинаковы... Быть-можетъ, она даже уже ищетъ себѣ другую дѣвочку...

— Это невозможно, — взволнованно заговорила Мамми, — когда ты улетѣлъ изъ дому, у твоей матери не было другого ребенка... Но у моей мамы есть Томи, и когда у женщины есть одинъ хотя бы ребенокъ, ей ничего больше не надо...

На это Питеръ горько отвѣтилъ ей:

— Посмотрѣла бы ты, какія письма Соломонъ Воронъ получаетъ отъ матерей, у которыхъ по пяти-шести ребятъ...

Въ это мгновеніе они услышали оба пронзительный скрипъ, и опять и опять громкій скрипъ, во всѣхъ концахъ парка уже открывали ворота, и Пи-

теръ быстро вскочилъ въ свою лодочку. Онъ зналъ, что Мамми не пойдетъ съ нимъ, и всеми силами старался владѣть собою и не плакать. Но Мамми рыдала навзрыдь.

— А если я опоздаю, — говорила она съ отчаяніемъ, — о, Питеръ, если у нея есть уже другая дѣвочка...

Онъ опять выскочилъ изъ лодки на берегъ и крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Я буду вездѣ искать тебя эту ночь, — сказалъ онъ, — если ты сейчасъ же побѣжишь домой, то, я думаю, ты не опоздаешь...

Онъ прижался послѣднимъ наперсткомъ къ ея хорошенкнмъ губкамъ и горестно закрылъ глаза руками, чтобы не видѣть, какъ она будетъ убѣгать.

— Милый Питеръ! — крикнула она.

— Милая Мамми! — крикнулъ несчастный мальчикъ.

Она упала въ его объятія, она знала уже, что это равносильно обряду вѣнчанія, и убѣжала. Она летѣла къ воротамъ, какъ на крыльяхъ, не останавливаясь и задыхаясь... Нужно ли говорить, что едва пробилъ полночь, Питеръ былъ уже въ паркѣ, но Мамми онъ нигдѣ не нашелъ и понялъ, что она не опоздала... Онъ долго еще надѣялся, что въ какую-нибудь ночь Мамми опять придетъ къ нему... Ему казалось часто, когда онъ подѣзжалъ къ парку, что Мамми ждетъ его на берегу... Но Мамми не возвращалась больше ночью въ паркъ. Ей и хотѣлось этого, но она боялась, что если увидитъ опять своего милаго „Середку-на-половину“ — она заболтается съ нимъ и опоздаетъ домой, и потомъ няня теперь уже

не сводила съ нея глазъ. Но она часто и съ нѣжностью вспоминала его, визала для него шерстяной колпачекъ на чайникъ, а за нѣсколько дней до Пасхи стала придумывать, какой бы подарокъ сдѣлать. Но тутъ мама пришла ей на помощь.

— По моему, — сказала она, подумавъ хорошенько, — лучше всего подарить ему козлика...

— Да... да... онъ бы ѣхалъ на немъ верхомъ и игралъ на своей дудочкѣ, — подхватила Мамми.

— Конечно, — поддержала ее мама. — Вотъ и подари ему козлика, которымъ ты пугаешь Тони по ночамъ...

— Но вѣдь это не настоящий козликъ, — возразила Мамми.

— Тони думаетъ, что это настоящий, — сказала мама.

— Миѣ онъ тоже иногда кажется совсѣмъ настоящимъ, — созналась Мамми. — Но какъ я могу подарить его Питеру?

Мама знала, какъ это сдѣлать.

На слѣдующій день она повела Мамми и Тони, — онъ былъ очень милый мальчикъ, въ сущности, хотя не чета, конечно, Питеру, Пэну, въ паркъ... Мамми вышла на средину фейнаго круга, а мама (это была очень неглупая особа) начала:

„Сегодня надо намъ рѣшить,
Что Питеръ Пэну подарить?“

На что Мамми просѣнила отъѣтить:

„Я подарю ему козла,
Съ собой его я привнесла“.

Она сдѣлала видъ, что вытряхиваетъ козла изъ своего кармана.

Тони тогда подхватилъ:

„Теперь скажи ему — прощай
И больше Тони не пугай!“

И Мамми обѣщала торжественно и грустно.

„Пугать не буду никого,
Козла забуду моего!“

Она оставила въ надежномъ мѣстѣ и письмо для Питера, въ которомъ сообщала ему о своемъ подаркѣ и совѣтовала упросить фей, чтобы онъ превратили козлика въ настоящаго, на которомъ можно ѣздить верхомъ... И все произошло такъ, какъ она рассчитывала. Питеръ нашелъ письмо, а феямъ, конечно, ровно ничего не стоить превратить ея подарокъ въ настоящаго козлика...

И вотъ, такимъ образомъ, у Питера Пэна и очутился козликъ, на которомъ онъ теперь каждую ночь разъѣзжаетъ по парку, и при этомъ такъ увлекательно играетъ на своей дудочкѣ... И Мамми сдержала обѣщаніе и больше не пугала Тони козломъ.

Миѣ передавали, однако, что она скоро стала пугать его другимъ животнымъ... И пока она не стала большой дѣвочкой, она все приносила въ паркъ игрушки для Питера съ письмами, въ которыхъ объясняла ему, какъ надо играть ими. Не она, впрочемъ, одна это дѣлала.

Давидъ тоже оставляетъ въ паркѣ подарки для Питера Пэна, и мы нашли прелестное мѣстечко для нашихъ посылокъ... Если хотите, можемъ вамъ даже

сказать, гдѣ находится наша почта, только, ради Бога, не спрашивайте въ присутствіи Портоса, — потому что, если онъ пронюхаетъ, гдѣ мы оставляемъ игрушки, Питеръ Пэнъ ни одной изъ нихъ не получитъ...

Питеръ Пэнъ не забылъ Мамми, но онъ опять бодръ и веселъ, скачетъ на своемъ козликѣ или лежитъ на травѣ и беззаботно дрыгаетъ ножками... Ему чудесно живется! Однако, у него сохранилось еще смутное воспоминаніе о томъ, что онъ былъ когда-то человѣческимъ существомъ, и оттого онъ особенно ласковъ съ ласточками, прилетающими на островъ, потому что ласточки, — это души умершихъ маленькихъ дѣтей... Онъ всегда вѣситъ свои гнѣзда подъ крышами домовъ, въ которыхъ жили, когда были дѣтьми, очень часто влетаютъ черезъ открытыя окна въ дѣтскія, и, быть-можетъ, потому Питеру Пэну онѣ и были милѣе другихъ птицъ...

А маленькій домикъ? Каждую будничную ночь — то есть каждую ночь, когда нѣтъ бала, феи строятъ маленькій домикъ для застрѣвающихъ на ночь въ паркѣ дѣтей. Питеръ Пэнъ на своемъ козликѣ объѣзжаетъ все далекіе углы парка и, если находитъ заблудившагося ребенка, привозитъ его на козликѣ въ маленький домикъ... Дѣти, просыпаясь, съ удивленіемъ озираются кругомъ, и, только выходя изъ домика, видятъ, гдѣ они провели ночь... Феи строятъ домикъ потому, что имъ пріятно строить такую восхитительную игрушку. Питеръ же объѣзжаетъ каждую ночь паркъ въ память о Мамми и потому онъ все еще старается дѣлать то, что, по его представленіямъ, дѣлаютъ и настоящіе мальчешки...

Но вы тѣмъ не менѣе не воображайте, что оставаться въ паркѣ послѣ полуночи теперь безопасно, благо есть надежный пріютъ. Если вы попадетесь на глаза какой-либо злой феи, она не преминетъ обидѣть васъ и причинить вамъ какую-нибудь неприятность, а если и не увидите никакой феи, то можете погибнуть въ темнотѣ отъ холода и страха, прежде чѣмъ Питеръ найдетъ васъ. Когда онъ опаздываетъ и видитъ, что ничѣмъ уже не можетъ помочь заблудившемуся ребенку, онъ бѣжитъ къ своей лодкѣ за гребкомъ, съ которымъ Мамми научила его обращаться, роетъ могилу, кладетъ на нее каменную плиту и на камнѣ выводитъ инициалы ребенка. Такъ, по его представленію, поступилъ бы на его мѣстѣ и настоящий мальчикъ. Вы замѣтили, быть-можетъ, что въ Кенсингтонскомъ паркѣ камушки лежатъ вездѣ по два въ рядъ. Питеръ Пэнъ всегда хоронитъ ребятъ парами, потому что вдвоемъ все же веселѣе...

Въ паркѣ, по мосту, нѣтъ ничего трогательнѣе двухъ надгробныхъ камней надъ могилами Вальтера Стефана Мотьюса и Пибби Пелльса. Онѣ находятся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то проведена была граница между приходомъ Вестминстерскаго собора Св. Маріи и приходомъ Поддингтона. Здѣсь Питеръ нашелъ однажды двухъ малышекъ, вывалившихся изъ своихъ колясочекъ — Пибби было тринадцать мѣсяцевъ, а Вальтеру и того меньше... Они лежатъ рядышкомъ, и надписи на плитахъ гласятъ:

В.
С. М.

и

П. П.
1841.

Давидъ иногда приноситъ цвѣты на эти безгробныя могилки.

Но каково родителямъ, прибѣгающимъ утромъ въ паркъ искать своихъ дѣтей, вмѣсто дорогой своей дѣвочки или мальчика находить могилу и на ней плитку съ инициалами незабвеннаго имени!... Надо думать, что Питеръ не очень торопится въ несчастныхъ случаяхъ и не роетъ, по крайней мѣрѣ, преждевременныхъ могилъ...

Ахъ, лучше право гнать отъ себя такія грустныя мысли...

XVIII

НЕОБЫЧАЙНОЕ СОБЫТІЕ

Необычайное событіе въ жизни Давида и моей — Онъ почевалъ у меня. Мы много разъ говорили объ этомъ, какъ о далекой возможности, и, наконецъ, Мэри, согласилась, и мечта наша осуществлена.

Началось съ того, что Давидъ пришелъ ко мнѣ въ необычный часъ, въ шесть часовъ пополудни съ небольшимъ сверткомъ. Я подумалъ, что онъ принесъ съ собою сэндвичи, но въ пакетѣ оказались принадлежности его ночного туалета. Мы оба были такъ извѣданы, что въ первую минуту у насъ и словъ не нашлось для привѣтствія, и мы выражали наши чувства знаками. — Давидъ присѣлъ на корточки и, какъ всегда въ мгновенія большого возбужденія, сталъ дѣлать какіе-то странные прыжки — онъ, кажется, перенять ихъ у лягушки. — Потомъ мы оба сдѣлали очень серьезныя, важныя лица, говорившія ясно и безъ всякихъ словъ: „Какое необычайное событіе!“

Надо было продолжать все важныя приготовленія ко сну точно такъ, какъ Давидъ продолжалъ ихъ каждый вечеръ дома, и я отчасти даже недоумѣвалъ

— почему это событие кажется ему столь необычайным? Но для меня это действительно было событие и, конечно, необычайное.

Мы поиграли немного моими орденами, и на этот раз он съ деликатностью доброго товарища по ночлегу не спрашивалъ, отчего у меня нѣтъ креста королевы Викторіи. Онъ очень страдаетъ отъ мысли, что у меня нѣтъ креста Викторіи — ему такъ нравится статуя этой королевы въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Онъ никогда не говоритъ въ паркѣ о томъ, что у меня нѣтъ этого отличія, но бросается на каждаго мальчугана, осмѣливающагося утверждать, что до этого ордена я еще не дослужилъ...

Въ двадцать пять минутъ седьмого я пускаю въ ванну теплую воду и украдкой выпиваю въ столовой рюмку водки, храбрости ради. Затѣмъ я говорю:

— Половина седьмого... Маленькимъ мальчикамъ пора спать... — Я говорю это дѣловымъ тономъ, какимъ говорятъ съ мальчиками, несколько независимыми отъ воли старшихъ и имѣющихъ возможность вполне располагать собою... Но Давиду замѣчаніе мое, однако, не понравилось. Къ несказанной моей радости онъ топнулъ ножкой и такъ очаровательно закапризничалъ, что въ награду я разрѣшилъ ему играть еще пять минутъ моей спичечной коробкой. Наибольшее удовольствіе для Давида это — бросать на полъ зажженные спички... Онъ, вѣроятно, рай представляетъ себѣ въ видѣ пылающаго костра...

Наконецъ, я кладу руку на его плечо съ видомъ челоѣка, для котораго укладываніе въ постель маленькихъ дѣтей вполне привычное и немного

даже прѣвшедшее занятіе, и веду Давида въ детскую, еще недавно бывшую только моей спальней. На эту ночь здѣсь поставлена вторая кровать, рядомъ съ моей, но прежде всего, конечно, бросилось пасть въ глаза необычное украшеніе на каминѣ: стаканъ съ молокомъ, на стаканѣ сухарикъ и вершокъ на сухарикѣ шоколадная конфета. Нельзя было войти въ спальню, не замѣтивъ тотчасъ стакана... Я нѣсколько разъ прорепетировалъ эту сцену до прихода Давида, и вышло такъ, какъ я ожидалъ... Давидъ тотчасъ замѣтилъ стаканъ съ сухарикомъ и шоколадомъ и запрыгалъ по-лягушечьи, а я тѣмъ временемъ зажегъ ночникъ и поставилъ его на умывальникъ...

Давидъ съ пренебрежительной гримаской слѣдилъ за моими приготовленіями и вдругъ въ порывѣ благородной рѣшимости протянулъ мнѣ свою ножку, будто совершенно отрекался отъ нея, но я понялъ, что онъ предлагаетъ мнѣ снять съ него башмачки... Я хладнокровно, привычной къ такой работѣ, опытной рукой снялъ съ него башмачки, потомъ посадилъ его къ себѣ на колѣни и принялся разстегивать его курточку. Это доставляло мнѣ неизъяснимое удовольствіе, но я сохранялъ невозмутимое хладнокровіе, пока не увидалъ его узенькихъ крохотныхъ подтяжекъ... Тутъ уже я почувствовалъ, что перестаю владѣть собою. Но не стану больше перебирать подробностей разоблаченія Давида...

Скоро дѣтская погрузилась въ полумракъ, только въ одномъ углу блѣдно голубѣлъ ночникъ. Наступила глубокая тишина. Лишь время отъ времени чуть слышно скрипѣла дверь, и я просовывалъ голову въ широкую щель. Какъ я тихо ни открывалъ дверь, онъ

мгновенно поднималъ ко мнѣ свои большіе глаза, и каждый разъ дѣлалъ серьезное лицо, говорившее: „Какое необычайное событіе!“

— Когда же ты, наконецъ, уснешь, Давидъ? — спрашивалъ я.

— Когда же ты, наконецъ, ляжешь? — спрашивалъ онъ каждый разъ въ отвѣтъ. Онъ спрашивалъ шопотомъ, словно боясь, что стая волковъ и медвѣдей бросится на него при звукѣ его голоса. Когда маленькіе мальчики укладываются спать, одинъ только ночникъ и отдѣляетъ ихъ отъ медвѣдей и волковъ... Кто этого не знаетъ?

И опять вернулся къ своему креслу передъ каминомъ, и, наконецъ, онъ уснулъ, лицомъ къ стѣнѣ, но я много разъ еще подходилъ къ дверямъ и прислушивался къ его дыханію...

Я давно уже лежалъ въ кровати, когда въ спальнѣ стало внезапно такъ странно-тихо, и я тотчасъ догадался, что Давидъ проснулся. Я лежалъ, не шевелясь, и послѣ долгихъ минутъ ожиданія тихій далекій голосокъ осторожно прошепталъ: „Прэнтъ!“

— Ты спишь сегодня у меня, Давидъ, — сказала я. — Ты забылъ?

— Я забылъ, — отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ въ голосѣ.

— Но теперь ты вспоминаешь, что ты пришелъ ночевать ко мнѣ? — спросилъ я.

Онъ помолчалъ немного и отвѣтилъ:

— Кажется, да, — и тотчасъ добавилъ: — теперь я вспоминаю.

Я думалъ, что онъ опять уснулъ, какъ вдругъ онъ встрепенулся и спросилъ:

— Оно еще не кончилось?

— Что, Давидъ?

— Наше событіе?

— Нѣтъ, Давидъ, еще не кончилось...

Это его, повидимому, взволновало. Я спросилъ его:

— Ты развѣ боишься, Давидъ?

— Нѣтъ, чего же мнѣ бояться? — вѣжливо отвѣтилъ онъ, и отдѣляе его зашуршало. Я догадался, что онъ высунулъ ручку... Я протянулъ ему свою руку, и онъ крѣпко сжалъ мой указательный палецъ.

— Тебѣ чего-то хочется, Давидъ?

— Чего же? — спросилъ онъ съ прежней участливостью. — А ты думаешь — мнѣ чего-то хочется?

— Ну чего же, Давидъ? Скажи...

— Мнѣ тѣсно здѣсь... — проговорилъ тихій, тихій голосокъ.

— Давидъ, не хочешь ли пойти ко мнѣ въ кровать? — предложилъ я.

— Мама сказала, чтобы я не хотѣлъ, пока ты первый не захочешь... — пропихнулъ онъ.

— Да я давно уже этого хочу, — сказала я, и въ тотъ же мигъ маленькая бѣленькая фигурка прыгнула ко мнѣ въ кровать. Всю остальную часть ночи онъ лежалъ на мнѣ и поперекъ меня, ножка его то упиралась въ спинку кровати, то покоилась на моей подушкѣ, но пальца моего онъ все время не выпускалъ изъ своей ручки, и время отъ времени онъ просыпался и сообщалъ мнѣ, что онъ спитъ со мною. Я плохо спалъ въ эту ночь. Я лежалъ и думалъ...

Я думалъ о маленькомъ мальчикѣ, который вдругъ спряталъ лицо на моихъ колѣняхъ, когда я раздѣвдалъ его...

Я думалъ о женщинѣ, близкой ему и которой онъ могъ не стѣсняться...

О маленькомъ розовомъ тѣлицѣ Давида въ моей ваннѣ, и какъ онъ выскользнулъ изъ моихъ рукъ, какъ форель, когда я хотѣлъ поймать его.

И о томъ, какъ, стоя у открытой двери, я вслушивался въ его ровное тихое дыханіе, я стоялъ такъ долго, что забылъ его имя и беззвучно звалъ его Тимофеемъ...

XIX

ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ДАВИДОМЪ И ПОРТОСОМЪ

Но Мэри отравила намъ радость. На слѣдующее утро я отослалъ Давида домой, и она первымъ дѣломъ осмотрѣла его костюмъ и открыла, что лифчикъ, застегивающійся сзади, застегнутъ былъ спереди. За это я послалъ ей оскорбительное письмо, которое привожу ниже. Въ отвѣтъ на каждую раздражающую меня выходку Мэри я отвѣчаю обыкновенно оскорбительнымъ письмомъ. Разъ я снялъ Давида привѣшеннымъ къ дереву и послалъ ей фотографическій снимокъ... Я необычайно изощрителенъ въ обидахъ, когда дѣло касается Мэри. Ни одна самолюбивая женщина на ея мѣстѣ, конечно, не стала бы терпѣть всѣхъ обидъ, какія я наносу ей...

„Сударыня, — писалъ я ей, — до меня дошло, что когда вы гуляете съ Давидомъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, вы жадно вслушиваетесь въ восторженные замѣчанія прохожихъ о Давидѣ и о его странныхъ костюмахъ, въ которые вы его рядите... Я знаю

также, что, хотя вы и дѣлаете видъ, будто вы совершенно равнодушны къ тому, что говорятъ о Давидѣ, вы, однако, запоминаете каждое слово, сказанное о немъ, и каждый взглядъ, брошенный на него. Я не могу, конечно, препятствовать вамъ тѣшиться и кичиться такими пустяками, но, имѣвъ возможность наблюдать вашего Давида и днемъ и ночью, я рѣшилъ провести параллель между нимъ и мной. Портосомъ и показать вамъ, какъ эти два существа ведутъ себя при всѣхъ обстоятельствахъ, какъ незначительныхъ, такъ и значительныхъ... По наружному виду они оба какъ-будто одинаково горды и настойчивы, но какъ они разнo проявляютъ свою гордость и свою настойчивость! Давидъ говоритъ: „Какая досада!“ — и дѣлаетъ то, что отъ него требуется, а Портосъ презрительно помахиваетъ хвостомъ и никакого вниманія ни на кого не обращаетъ. И тѣмъ чемъ меньше, повѣрьте мнѣ, имъ восхищаются ничуть не меньше, чѣмъ вашимъ Давидомъ...

Портосъ несравненно деликатнѣе вашего Давида. Сынъ вашъ часто предлагаетъ мнѣ сиротаться за деревомъ, гдѣ онъ долженъ меня разыскать, и я торчю тамъ и жду, и когда выхожу, наконецъ, изъ своей засады, то онъ, оказывается, занялся уже другою игрою и совершенно забылъ о моемъ существованіи. Портосъ никогда не заставилъ бы меня зря ждать въ засадѣ... Онъ всегда безошибочно направляется къ тому мѣсту, гдѣ я прячусь, и всегда меня находитъ. Поэтому Давидъ умѣетъ уже лукавить; и когда ему хочется избавиться почему-либо отъ вашего присутствія, дѣлаетъ видъ, что присутствіе ваше весьма даже пріятно ему.

Портосъ же въ такихъ случаяхъ просто протягиваетъ лапу, что означаетъ: „Проваливайте съ Богомъ...“ Бородатымъ людямъ онъ съ особой готовностью протягиваетъ лапу (я полагаю, въ силу наслѣдственного неодолимаго отвращенія къ козламъ) — а они, конечно, толкуютъ этотъ жестъ, какъ проявление нѣжнѣйшихъ къ нимъ чувствъ, и умиляются...

И смѣю васъ увѣрить, Портосъ, благодаря своей учтивости, больше располагаетъ къ себѣ людей, чѣмъ Давидъ, хотя вы, конечно, станете увѣрять, что Давидъ вашъ пріятнѣе его... Портосъ къ тому же и добродушнѣе и мягче Давида.

Давидъ часто тычетъ его ногой и часто пристаётъ къ нему такъ же, какъ и маленькія собачки, которыя ненавидятъ его за огромный ротъ... И надо видѣть, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ Портосъ слушаетъ ихъ лай... Давидъ очень неуступчивъ, и съ дѣтьми, которыя меньше его ростомъ и слабѣе, обращается чрезвычайно пренебрежительно... А Портосъ, безпощадный къ бродягамъ и нищимъ, чего только не позволяетъ дѣтишкамъ продѣлывать надъ собою... Они залѣзаютъ пальцами въ его ротъ съ нѣбью изслѣдовать, что представляетъ собою другой конецъ его языка, а онъ хоть бы что... Маленькія созданія въ колясочкахъ совершенно равнодушны къ приходу и уходу Давида, появленіе же Портоса каждый разъ производитъ сенсацию... Портоса боятся только сильные и злые, но маленькія безпомощныя существа не боятся его ничуть... Его не боятся ни сжи, которыхъ онъ перетаскиваетъ во рту съ мѣста на мѣсто, ни воробьи, вытаскивающие солому для своихъ гнѣздъ изъ его тюфичка...

О его душевной доброте можно судить хотя бы по трогательной истории съ кроликомъ. Мнѣ пришлось жить одно время въ мѣстности, гдѣ водилось очень много кроликовъ. Однажды на прогулкѣ Портосъ къ радостному своему изумленію замѣтилъ какое-то маленькое существо, быстро удиравшее отъ него. Загорѣвшись внезапнымъ охотничьимъ пыломъ, онъ пустился за нимъ въ погоню и тотчасъ, конечно, обогналъ кролика сажень на сто и недоумѣвалъ. — куда же онъ дѣвался, предметъ его погони?.. Наконецъ, онъ выбѣжалъ на обрывъ, откуда крутыми зигзагами шла тропинка внизъ. Съ обрыва онъ увидалъ кролика и разсудилъ, что теперь надо тихонько подкрасть къ нему и поймать его... Онъ повернулся ко мнѣ, выразительно кивнулъ мнѣ головой, и двинулся дальше... Кроликъ шмыгнулъ въ какую-то яму, но Портосъ этого не замѣтилъ... Онъ оборачивался, бросалъ мнѣ многозначительные взгляды, задыхался, удивлялся и ликовалъ.

Онъ былъ въ полной увѣренности, что ведетъ погоню по всѣмъ правиламъ охотничьяго искусства.

Я не безъ тревоги думалъ о томъ мгновении, когда онъ поймаетъ кролика, что, впрочемъ, казалось мнѣ очень сомнительнымъ... И представьте себѣ, онъ въ концѣ-концовъ поймалъ таки кролика... Какъ это случилось, я не знаю, но полагаю, что это былъ совсѣмъ другой кроликъ, а не тотъ, за которымъ онъ гнался. Когда я подошелъ, кроликъ, испуганный, но невредимый, ежился въ его лапахъ. Портосъ побѣдоносно взглянулъ на меня и погрузился въ глубокое раздумье. Онъ размышлялъ, очевидно, о томъ, какъ ему теперь поступить со своей добычей. Кролику же,

очевидно, было немного не по себѣ въ его лапахъ, и онъ дѣлалъ время отъ времени попытки освободиться изъ неудобнаго положенія... Но Портосъ тотчасъ же давалъ ему пинка и опять погружался въ раздумье... И съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за развязкой этой сцены...

Наконецъ, они, очевидно, по обоюдному согласію, рѣшили разстаться. Портосъ посмотрѣлъ черезъ плечо на меня, а кроликъ медленно выскользнулъ изъ его лапъ и тотчасъ бросился удира въ всѣ лапки... Портосъ сдѣлать еще видъ, что ищетъ его, но вы себѣ представить не можете, какое облегченіе доставило ему бѣгство кролика. А онъ съчастнымъ оправдываться передо мной, умоляюще вилять хвостомъ, и, не рѣшаясь взглянуть мнѣ въ лицо, упалъ къ моимъ ногамъ и застонать. Да, на глазахъ его блеснули неподдельными слезы. Я былъ растроганъ до глубины души и клятвенно увѣрялъ его, что онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, благородный пещерникъ, хотя онъ отлично знаетъ, что я лгу, онъ успокоился и опять пришелъ въ хорошее настроеніе...

Я разсказалъ эту исторію Давиду, взявъ съ него предварительное обѣщаніе, что онъ не истолкуетъ ея въ ущербъ достоинству и мужеству Портоса. Объ этомъ, сударыни, я прошу и васъ... Долженъ еще добавить, что Давидъ при всей своей живости и ловкости, за которыя его такъ возносятъ, ничему Портоса научить не можетъ, тогда какъ въ свою очередь очень многому могъ бы научиться у Портоса... Теперь перейду къ преимуществамъ Давида передъ Портосомъ — я ихъ не отрицаю... Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ не зазнается и эту дѣв-

ченку Ирэнъ. — важно именную его няней, —
читать не меньше, чѣмъ какую-либо знатную даму, и
завидуетъ каждому уличному оборвышу, который ловко
дерется... У Портоса сословное чувство развито чрез-
вычайно, и хотя онъ очень любитъ бывать на кухнѣ,
но нисходитъ до общества прислуги лишь послѣ дол-
гихъ и настойчивыхъ зазываній. Я иногда одажи-
ваю его служанкамъ на нашей улицѣ, жаждущимъ
сниматься вмѣстѣ съ нимъ, и вотъ только что онъ
тоже ушелъ сниматься съ одной спесивой хорошень-
кой горничной, однако, глядящей съ такимъ поче-
тиемъ, точно это не негръ, а солдатъ, которому она
заплатила цѣлый шиллингъ — только бы онъ изоб-
раженъ былъ рядомъ съ нею...

Въ ваннѣ одинъ столько же заслуживаетъ все-
ческой похвалы, сколько другой порицанія. Давидъ,
какъ я убѣдился, любитъ плескаться въ ваннѣ и
выскальзываетъ изъ рукъ при первой попыткѣ вы-
тащить его изъ воды. Портосъ же въ ваннѣ стоитъ
недвижно, съ опущеннымъ хвостомъ и съ такимъ видомъ,
словно его поставили голаго на публичное осмѣяніе.

Портосъ уступаетъ Давиду и въ изобрѣтатель-
ности, потому что играть онъ одинъ не умѣетъ и не
представляетъ себѣ даже, какъ можно совершить про-
гулку въ одиночествѣ, тогда какъ Давидъ цѣлый
день только и дѣлаетъ, что изобрѣтаетъ новыя игры.
Наконецъ, когда Давидъ изобличается въ какой-ни-
будь винѣ и получаетъ выговоръ, онъ въ теченіе нѣ-
котораго времени этихъ проступковъ не повторяетъ,
но придумываетъ другіе. Портосъ же упорствуетъ въ
ономъ и томъ же: уносить краденныя кости на зад-
ній дворъ, гдѣ зарываетъ ихъ въ ямку, и удивляется

тому, что я это знаю — ему и въ голову не прихо-
дитъ, что носъ его испачканъ въ землѣ.

Принимая все это во вниманіе, я допускаю, что
у Давида имѣются кой-какія преимущества передъ
Портосомъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они вполне
стоятъ другъ друга. Такъ, нафримеръ, и тотъ и дру-
гой одинаково любопытны. Когда мнѣ приносятъ па-
кеты изъ магазина, Портосъ мѣста себѣ не находитъ,
пока я ихъ не раскрываю, и такое же волненіе обык-
новенно овладѣваетъ и Давидомъ.

Какъ они относятся къ наказаніямъ? Ирэнъ —
очевидно, она всегда повторяетъ ваши слова, — не-
довольна тѣмъ, что я даю слишкомъ много воли Да-
виду и не браню его даже за непочтительныя вы-
ходки противъ меня самого. Но ее глубокоу убѣж-
денію, и дѣлаю это лишь затѣмъ, чтобы привязать
его къ себѣ и вызвать въ немъ охлажденіе къ ней...
По поводу этого у насъ произошло недавно горячее
объясненіе, при чемъ мы забыли о своемъ достоинствѣ,
поговорили другъ другу кучу неприятныхъ вещей.
Могу лишь сказать, что я не строгъ съ Давидомъ,
потому что не позволяю себѣ строгостей и въ отно-
шеніи Портоса, а я стараюсь всегда быть одинаково
справедливымъ и ровнымъ въ обращеніи съ ними обоими.

Я никогда не позволяю себѣ поднять руку или
голосъ на Портоса, потому что его чувствительное
сердце не выдержало бы подозрѣнія, что я недово-
ленъ имъ. Однажды, это было нѣсколько лѣтъ тому
назадъ, я ударилъ его, и я до сихъ поръ не могу
забыть, съ какимъ ужасомъ онъ взглянулъ на меня,
когда убѣдился, что это я ударилъ его. И съ тѣхъ
поръ я больше его не билъ. И когда я ловлю его

теперь на какомъ-нибудь недостойномъ поступкѣ, я безощадно хлещу тростью мой письменный столъ, но и это наказаніе чрезвычайно разстраиваетъ его. Тогда какъ Давида это бичеваніе письменнаго стола приводитъ въ веселое настроеніе и поощряетъ на дальнѣйшія проказы... Очевидно, онъ далеко не такъ чувствителенъ, какъ Портосъ...

И если вы мнѣ на это возразите, что Давидъ избалованный мальчикъ, и необходимо примѣнять къ нему строгія мѣры, то въ отвѣтъ вамъ скажу, что я очень хотѣлъ бы знать, какія такія строгости примѣняются къ нему дома... И если вы станете увиливать отъ прямого отвѣта, то я напомню вамъ то, что недавно лишь стало мнѣ извѣстнымъ...

До меня дошло, что Давидъ, подхвативъ на улицѣ какое-то непристойное слово, съ удовольствіемъ, со смакомъ повторилъ его дома. Мать пригрозила ему тѣлеснымъ наказаніемъ, и въ ихъ пререканія, весь дрожа отъ волненія, вмѣшался отецъ. Давидъ не унимался и на всѣ лады звонко выкрикивалъ ужасное слово, и отецъ сурово заговорилъ о палкѣ, но тогда между ними встала мать... Общественное наказаніе въ воображеніи Давида претворилось, наконецъ, въ какую-то романтическую исторію... Отецъ, разозлившись, отстранилъ отъ себя всхлипывавшую мать и выбѣжалъ изъ дома, говоря, что отправляется за палкой. Онъ взволнованно бродилъ по улицамъ и, кусая побѣлѣвшія губы, думалъ о томъ, что переживаетъ теперь Давидъ. Когда онъ вернулся, Давидъ съ сияющимъ лицомъ бросился открывать ему дверь и разразился слезами, убѣдившись, что отецъ никакой палки не принесъ...

И послѣ этого, сударыня, вы меня обвиняете въ излишней мягкости и попустительствѣ. Благодарите Бога, что я не васъ сравниваю съ моремъ Портосомъ.

Заканчивая параллель между вашимъ сыномъ и моей собакой, долженъ еще добавить, что Портосъ всегда и всячески старается изъяснить мнѣ свою благодарность за мое расположеніе къ нему, и, когда я поднимаю голову, я всегда встрѣчаю его печальные глаза. Посмотрѣли бы вы, какими преданными, влюбленными глазами онъ глядитъ на меня... Эта нестерпимая порою печаль въ глазахъ сень-бернара, вы знаете, что это такое? Это мука безсилія сказать своему хозяину: «Благодарю тебя»... Давидъ же полагаетъ, что мое расположеніе къ нему его неотъемлемое право... И потому я не въ силахъ даже побранить его, когда сознаю, что долженъ бы это сдѣлать... Для Давида моя привязанность къ нему нѣчто вполне естественное, и эта его увѣренность въ его правѣ на мою любовь дѣйствуетъ на меня, долженъ сознаться, неотразимо... Онъ милъ и очарователенъ, вашъ Давидъ, но мой Портосъ серьезнѣе и глубже... Я дѣлаю иногда попытку заглянуть въ его душу: опускаюсь подлѣ него на полъ, смотрю ему въ глаза, и онъ съ покровительственнымъ видомъ кладетъ лапу на мое плечо... Въ такія минуты мы понимаемъ другъ друга безъ словъ...

Послѣ параллели, которую я провелъ между Портосомъ и Давидомъ, трудно сказать, кто изъ нихъ лучше... Поэтому, сударыня, оставайтесь вы при своемъ мальчикѣ, а я при своей собакѣ, и не будемъ роптать на свою судьбу...

УИЛЛЯМЪ ПЕТЕРСОНЪ

Однажды мы сидѣли втроемъ у меня. Давидъ обучалъ меня фейному языку, а Портосъ, уютно развалившись на диванѣ, слушалъ. Это любимое его мѣсто въ пасмурные дни. Экономка моя держится того мнѣнія, что собаки могутъ лежать и на полу, и по избѣжанію ея ворчли, я всегда подстилаю Портосу на диванѣ газетные листы...

„Фей мнѣ триббл“ — значитъ на фейномъ языкѣ: „Дайте мнѣ чашку чаю“... Но это не такъ просто, какъ это кажется, потому что „р“, на примѣръ, надо выговаривать, какъ „с“... И всегда забываю фейныя слова, и Давидъ боится, что если я попаду когда-нибудь въ царство фей, то я пожалуй, не смогу съ ними объясняться...

— А какъ бы ты ихъ попросилъ, чтобы онѣ превратили тебя въ куста мальвы?

Давидъ воображаетъ, что легкость, съ какою фей могутъ обращать васъ въ любой неодушевленный предметъ, самое нестрашное ихъ качество.

Надо отвѣтить: „Фей меня лукка“ — но хотя я слышала это уже много разъ, слово „лукка“ я, однако, неизмѣнно забываю.

— Мнѣ бы и въ голову никогда не пришло просить фей, чтобы онѣ превратили меня во что-нибудь. — Говорю я, чтобы отвлечь его вниманіе отъ моей забывчивости...

— Если бы я была мальвой, я бы, навѣрно, тотчасъ увяла...

Но Давидъ предвидѣлъ и такую возможность и неоднократно наставлялъ меня, какъ надо поступать въ такихъ случаяхъ.

— Какъ только ты почувствуешь, что начинаешь вянуть, — весело повторяетъ онъ опять, — скажи: „Фей меня бола“.

„Фей меня бола“ — значитъ „Преврати меня опять въ человѣка“... И почему-то на этотъ разъ мнѣ стало не по себѣ отъ наставленій Давида... Я знала, что онъ и самъ до сихъ поръ избѣгалъ болѣзней дружбы съ феями именно изъ-за ихъ влеченія къ постояннымъ превращеніямъ.

Наконецъ, я отослала его домой... Я поручила Портосу доставить его домой. Иногда я шель вслѣдъ за ними по другой сторонѣ улицы и дѣлала это, конечно, такъ, чтобы они меня не видѣли. Но въ этомъ никакой надобности не было, потому что Давидъ былъ въ полной безопасности подъ призоромъ Портоса. Когда съ ними кто-нибудь заговаривалъ на улицѣ, онъ тотчасъ начиналъ тихо ворчать и оскалывать зубы, разжевывавшіе кости, какъ бисквиты... Они благополучно, какъ всегда, дошли до домика Мэри, и Портосъ, по обыкновенію, лаялъ до тѣхъ поръ, пока имъ не открыли дверь. Иногда онъ вхо-

диль въ домъ вмѣстѣ съ Давидомъ, но на этотъ разъ онъ распростился съ нимъ у подъѣзда. Ничего необычайнаго въ этомъ не было. Но домой онъ въ этотъ день не вернулся, не вернулся и на слѣдующій день, ни въ послѣдовавшіе затѣмъ долгіе недѣли и мѣсяцы... Я мѣста себѣ не находилъ. У Давида были постоянно красные отъ слезъ глаза. Подумать только — мы лишились дорогого нашего Портоса! Съ нимъ, конечно, случилось что-то необычайное... Я и теперь еще не знаю, что это было... Я знаю лишь, какъ Давидъ отнесся къ этому событію... Читателю предоставляется вывести изъ моего разсказа такое заключеніе, какое онъ пожелаетъ вывести изъ него...

Въ первый вечеръ я лелѣялъ еще надежду, что Портосъ забрелъ въ паркъ и сторожа заперли его тамъ на ночь, и раннимъ утромъ я побѣждалъ наводить справки. Но никто Портоса не видѣлъ. Въ паркѣ застрѣлъ на ночь только какой-то молодой человѣкъ, быстро выбѣжавшій изъ парка, какъ только открылись ворота. О собакѣ онъ никому никакихъ заявленій не дѣлалъ. Мнѣ оставалось лишь предпологать, что Портосъ мой палъ жертвой какого-нибудь несчастнаго случая, потому что я зналъ — воиъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы увести его. Да и несчастный случай казался мнѣ маловѣроятнымъ — онъ былъ всегда такъ осмотрителенъ и остороженъ, когда переходилъ черезъ улицу... Стало быть, жертвой несчастнаго случая онъ могъ быть лишь при какомъ-то исключительномъ стеченіи обстоятельствъ...

Давидъ среди оживленной игры вспоминалъ вдругъ нашу незамѣнимую утрату и уходилъ въ сторону, чтобы поплакать... Это была особенность Давида: ког-

да онъ чувствовалъ приближеніе слезъ, онъ уходилъ обыкновенно въ сторону, и я читалъ эту потребность одинокихъ изліяній и всегда терпѣливо ждалъ, пока онъ выплачетъ накопившіяся слезы. Какъ-никакъ, онъ все-таки былъ маленькій мальчикъ и быстро переходилъ отъ слезъ къ веселымъ играмъ, но его внезапныя приступы грусти по моему дорогому другѣ, о которомъ мы, никогда не говорили, были мнѣ большой отрадой въ эти тяжелые дни...

У насъ было одно любимое мѣстечко въ паркѣ, такъ называемая „Скамейка сказокъ“, и однажды мы пошли туда, рѣшивъ каждый про себя не смотрѣть на то мѣсто на травѣ, гдѣ обыкновенно растагивался Портосъ. Но не удержались и, взглянувъ въ сторону, увидали къ немалой нашей досадѣ на мѣстѣ Портоса какого-то незнакомаго намъ человека. Онъ привсталъ, завидѣвъ насъ, и шагнулъ намъ навстрѣчу съ такой быстротой, что шаги его скорѣе похожи были на прыжки... Мы съ напускнымъ равнодушіемъ и тайнымъ негодованіемъ прошли мимо него, и мнѣ послышался позади насъ странный стонъ... Я подумалъ, что этотъ странный субъектъ — какой-нибудь праздный болтунъ, пытающійся завязать разговоры съ незнакомцами, чтобы убить время. Но на слѣдующій день, когда мы пришли въ паркъ, онъ сидѣлъ уже не на травѣ, а на скамьѣ... Я взглянулъ въ него внимательнѣе. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати на видъ, съ красивымъ, задумчивымъ лицомъ на коренастомъ большомъ упитанномъ тѣлѣ... Несмотря, однако, на вѣкторую даже дородность, онъ былъ очень ловокъ и гибокъ, и когда вѣтромъ снесло вдругъ шляпочку Давида — одна изъ фантазій его матери, которая

насть обоихъ очень смущала — молодой незнакомецъ перескочилъ черезъ изгородь, не коснувшись ея, и черезъ минуту уже былъ съ шапочкой подлѣ насть. Но отдалъ онъ ее Давиду не сразу, а держалъ нѣсколько мгновений въ рукѣ съ такимъ видомъ, будто ждалъ, что Давидъ побѣжитъ за нимъ, или затѣетъ какую-нибудь игру...

Для того, чтобы завоевать сердце Давида, совершенно достаточно умѣнья перескочить черезъ изгородь, не касаясь ея, и мы очень скоро подружились съ Уильямомъ Петерсономъ, — такъ онъ называлъ себя. Онъ всегда поджидалъ насть на „Скамейкѣ сказокъ“ и, слушая мои рассказы, заливался и хотать до слезъ, какъ трехлѣтній мальчикъ... Иногда онъ спрашивалъ съ забавной и странной для его лѣтъ гордостью:

— Скажите, вѣдь вы рассказываете это и для меня, не только для Давида?

Онъ былъ поразительно наивенъ, вѣрилъ всякимъ небыллицамъ, какія я ему рассказывалъ, и съ серьезнѣйшимъ видомъ слушалъ сказки, при которыхъ даже Давидъ насмѣшливо щурить глазенки... Когда Давидъ заявлялъ, что на самомъ дѣлѣ такихъ вещей никогда не бываетъ, онъ растерянно смотрѣлъ на меня, и на его умоляющій взглядъ я не могъ не отвѣчать, что всѣ эти невѣроятныя вещи, конечно, возможны... Онъ раздражался только тогда, когда Давидъ упорствовалъ въ своемъ скептицизмѣ, но и въ такія минуты ограничивался лишь замѣчаніемъ: „Онъ говоритъ, что это правда, значитъ, это правда“...

Его благоговѣйное преклоное и томилъ меня, и тяготило въ то же время... Онъ могъ цѣлыми часа-

ми смотрѣть на меня въ упоръ своими преданными, часто обведенными красными кругами глазами. И лишь когда я заговорилъ однажды о Портосѣ, онъ отвелъ глаза въ сторону. Онъ былъ, очевидно, такъ растроганъ, что не могъ смотрѣть мнѣ въ лицо... О себѣ онъ рассказывалъ неохотно, и я не спрашивалъ о его личной жизни... Но по его неопытности и неосвѣдомленности въ житейскія дѣлахъ я догадывался, что это совершенно одинокій человекъ, никому ненужный и сиротливый... Оттого, вѣроятно, его такъ и влекло къ намъ — онъ искалъ привязанности...

И отлично еще помню день, когда странная и дикая мысль впервые вспыхнула въ моей головѣ. Мы были въ паркѣ, когда внезапно разразился ливень, и мы все трое убѣжали ко мнѣ. До этого дня Петерсонъ ни разу не былъ въ моей квартирѣ.

— Присядьте на диванъ, мръ Петерсонъ, — сказалъ я, придвигая для себя кресло къ камину. И вижу — мой Петерсонъ, прежде чѣмъ сѣсть на диванъ, разстилаетъ на немъ газетные листы.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ я.

Онъ вздрогнулъ, пораженный вопросомъ, поблѣднѣлъ и отодвинулъ отъ себя газеты.

Давидъ ничего не замѣтилъ, но я тщетно старался владѣть собой и поддерживать разговоръ. Я поминутно умолкалъ, но, чувствуя на себѣ пристальный, подозрительный взглядъ Петерсона, дѣлалъ надъ собой усилие и продолжалъ разговоръ.

Уфъ! Вспомнить жутко, какія это нелѣпыя были фантазіи... Я гналъ ихъ отъ себя и, желая убѣдиться, что мнѣ удалось разсѣять ихъ, предложилъ Петерсону отвести Давида домой. Оставшись въ комна-

тѣ одинъ, я расхохотался надъ самимъ собою, но тотчасъ же взялъ шляпу и вышелъ вслѣдъ за ними. Мнѣ вдругъ пришла въ голову странная подробность, почему-то не поразившая меня въ первое мгновеніе, — Петерсонъ вышелъ изъ дома съ Давидомъ, даже не спросивъ, гдѣ Давидъ живетъ...

Я слѣдилъ за ними издали, съ другой стороны улицы. Они шли рядомъ очень степенно, даже почти торжественно, и, пока не дошли до дверей Давида, почти ничего примѣчательнаго не произошло. Я говорю „почти“, хотя кое-что все-таки произошло... Одна дама, у которой было нѣсколько милыхъ причинъ для частыхъ посѣщеній Кенсингтонскаго парка, узнала Давида и остановилась, чтобы поговорить съ нимъ, но тутъ Петерсонъ, очевидно, выкинулъ, что-то странное... Дама бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ... Я не могъ понять, что онъ выкинулъ, но если бы онъ крикнулъ: „Убью!“ — она не могла удирать отъ него скорѣе...

Затѣмъ онъ важно довелъ Давида до дому и здѣсь опять повелъ себя необычайно-страннымъ: вмѣсто того, чтобы позвонить или постучать въ дверь, онъ взошелъ на ступени и сталъ громко кричать: „Авъ, авъ, авъ“ — до тѣхъ поръ, пока имъ не открыли...

Странности эти, — это могли быть, въ концѣ-концовъ, только странности, — однако, не дали мнѣ спать всю ночь, и я до самаго утра ворочался съ боку на бокъ...

Я вспоминалъ другія причуды Петерсона, и онѣ вставали передо мною въ новомъ освѣщеніи. Хотя бы уже одна его манера подавать руку. Онъ здоровался не такъ, какъ всѣ люди, а описывалъ зачѣмъ-то въ

воздухъ кругъ рукою и, минуя часто мою руку, тяжело опускалъ свою прямо на мою грудь. И его походка! Онъ не шагаль, а вѣриѣ, какъ-то ковылялъ и такъ неуклюже... Затѣмъ, его пылкія проявленія благодарности. Онъ рѣдко уходилъ безъ благодарныхъ изліяній, которыя казались прямо смѣшными въ сопоставленіи съ тѣмъ скромнымъ вниманіемъ, которое я ему удѣлялъ... Въ Кенсингтонскомъ паркѣ онъ оказывалъ всегда лужайкамъ явное предпочтеніе передъ скамейками. Предпочтеніе, пожалуй, даже мудрое, но опять-таки манера садиться была у него необычайная: онъ вытягивалъ руки впередъ и особенно шумно валился на землю... Но его причуды заставили меня крѣпко призадуматься, когда мы завтракали съ нимъ однажды въ клубѣ. Намъ подали котлеты, и меня поразило, какъ онъ медленно и жеманно ѣлъ... Затѣмъ я отошелъ на минуту узнать, что будетъ на сладкое, а когда вернулся къ нашему столу, я увидалъ, что кости съ тарелки Петерсона исчезли. Лакки съ любопытствомъ смотрѣли на него...

Давидъ его очень любилъ, но свою любовь къ нему проявлялъ тоже довольно странно: такъ, напримѣръ, похлопывалъ его часто по головѣ. Меня или Ирэнъ Давидъ обыкновенно звалъ къ себѣ какимъ-нибудь восклицаніемъ, Петерсона же всегда свистомъ, а почему свистомъ — объяснить не могъ...

Отъ этихъ дикихъ мыслей меня бросало по ночамъ въ холодный потъ. Я вспоминалъ новыя, новыя подробности, и онѣ часто томили меня и днемъ... День тоже имѣлъ свои неприятныя минуты, и тягостныя мысли овладѣвали мною въ тѣ именно минуты, когда я брлся — въ тѣ десять минутъ, когда, стоя

лицомъ къ лицу съ безпощадной дѣйствительностью, мы обыкновенно видимъ все въ болѣе ясномъ свѣтѣ...

И тогда простосердечный Петерсонъ казался мнѣ непріятнѣйшимъ въ мірѣ существомъ, въ его ясныхъ глазахъ мнилась мнѣ глумливая усмѣшка... Казалось страннымъ, чтобы человѣкъ могъ въ двадцать лѣтъ относиться къ людямъ съ такимъ безмятежнымъ довѣріемъ. Онъ не злословилъ, не завидовалъ, не хитрилъ и не искалъ низменныхъ побуждений за благородными человѣческими поступками... Я не слышалъ изъ его устъ ни одного непристойнаго слова о женщинахъ... Все это было необычайно, прямо—сверхъестественно...

Какъ, однако, мы, люди, странно созданы! Меня порою смущаетъ вѣра Петерсона въ мою особу, но когда я замѣчаю, что онъ начинаетъ колебаться въ своей вѣрѣ, я прилагаю всѣ усилія, чтобы поддержать ее въ немъ...

Вы скажете, что это была, вѣроятно, нетрудная задача... Нѣтъ, увѣряю васъ, очень трудная... Потому что въ отношеніяхъ этого юноши къ людямъ постепенно назрѣвала какая-то перемѣна. Я подхожу теперь къ описанію перелома, къ тому моменту, когда жизнерадостность и безмятежность внезапно покинули его... Онъ вдругъ утратилъ всякій вкусъ къ развлечениямъ, и его еще недавно спокойные и ясные глаза все чаще и чаще затуманивались сомнѣніемъ... Онъ сомнѣвался не во мнѣ, я это чувствовалъ, но вообще въ людяхъ. Устой подъ воздвигнутымъ имъ гордымъ зданіемъ вѣры въ людей; видимо, стали колебаться. Онъ знакомился и разговаривалъ съ мальчиками въ Кенсингтонскомъ паркѣ...

Ахъ, вы, бѣдныя матери! Тяжело мнѣ вымолвить эти слова — но мыслимо ли сохранить чистоту и невинность сердца человѣку, имѣвшему возможность познакомиться поближе съ вашими мальчиками? Онъ вслушивался также въ ваши разговоры о вашихъ мальчикахъ, и вѣра его въ людей угасала съ каждымъ днемъ. У меня не хватало духу отмѣчать всѣ открытія, которыя онъ дѣлалъ.

Иногда онъ вспыхивалъ огнемъ стыда, иногда же слушалъ, застывъ, оторопѣвъ отъ изумленія, съ видомъ человѣка, едва сдерживающаго вопль отчаянія.

Печальные глаза Петерсона вливались мнѣ въ душу. Случались дни, когда я не въ силахъ былъ выносить его взглядъ, хотя я самъ и не чувствовалъ за собою большихъ прегрѣшеній. Мы неизмѣнно встречались въ Кенсингтонскомъ паркѣ, но просуществовали рядомъ цѣлые часы, не обмѣниваясь ни единымъ словомъ.

Въ одинъ пасмурный день мы очутились съ нимъ вдвоемъ на „Скамейкѣ сказокъ“. Давидъ схватилъ насморкъ и остался дома. Мы долго молчали. Наконецъ, я заговорилъ... Мы никогда не говорили о томъ, что сковывало намъ уста, и я хотѣлъ только сказать, что пора уходить, такъ какъ скоро закроются ворота... Но когда я взглянулъ на него, у меня сердце упало — никогда еще я не видѣлъ его такимъ подавленнымъ и печальнымъ... Онъ сомкнулъ на мигновение глаза, и изъ нихъ выкатились двѣ тяжелыя слезы.

— Вы сами создаете себѣ безполезныя страданія, Петерсонъ, — сурово замѣтилъ я... — Къ чему

Онъ тоскливо всплеснулъ руками и бросилъ на меня печальный взглядъ, краснорѣчиво говорившій о беззаветной ко мнѣ привязанности.

Вы переоценивали меня, — сказалъ я, — и онъ опустилъ голову при этихъ словахъ. — Не понимаю, кто могъ вамъ внушить такія преувеличенно-идеалистическія представленія о людяхъ... Понять не могу... Во всякомъ случаѣ, — добавилъ я, — вы могли вынести ихъ только изъ иного міра, несравненно прекраснѣе того міра, въ которомъ мы живемъ. Зачѣмъ вы ушли тогда изъ этого міра?

Онъ привсталъ и тотчасъ же опять сѣлъ.

— Я хотѣлъ ближе узнать васъ, — медленно отвѣтилъ онъ. — Я хотѣлъ стать такимъ, какъ вы...

— Ну, теперь вы знаете меня... И что же? Вамъ все еще хочется быть такимъ, какъ я? Я-то, во всякомъ случаѣ, никого къ себѣ привязать не могу. Неужели вы не замѣчали, Петерсонъ, что даже Давидъ проищески улыбается, когда ему кажется, что его никто не наблюдаетъ? Чего только я не дѣлаю, какихъ только усилий не прилагаю къ тому, чтобы удержать любовь этого мальчика... Но я скоро потеряю ее. Я чувствую, что я и теперь уже не то, чѣмъ былъ для него раньше... Черезъ годъ, Петерсонъ, самое большее черезъ два года, Давидъ и знать меня не захочетъ...

Милый Петерсонъ протянулъ мнѣ свою руку.

— Нѣтъ, — сказалъ я, уклоняясь отъ его рукопожатія, — я вижу, вы тоже охладѣли ко мнѣ... Всѣ ко мнѣ охладѣваютъ... У меня былъ одинъ только преданный, вѣрный, вѣчный другъ, — мой Портесъ,

и я не могу примириться съ мыслью о его утратѣ... Пойдемте, Петерсонъ.

Онъ не хотѣлъ уходить изъ парка вмѣстѣ со мной. Я оставилъ его на скамьѣ. Отойдя нѣсколько шаговъ, я оглянулся: онъ все сидѣлъ на скамьѣ, подавленный и растерянный.

Я долго не могъ сомкнуть глазъ въ эту ночь. Я все къ чему-то прислушивался и самъ не зная, къ чему прислушиваюсь и чего жду... И тѣмъ почему-то пугала меня. Я долженъ былъ зажечь лампу и наконецъ, уснуть.

Разбудилъ меня рано утромъ громкій стукъ въ дверь. Слуга о чемъ-то возбужденно докладывалъ мнѣ изъ-за двери, и едва я открылъ ее, въ комнату влетѣлъ мой Портесъ, о которомъ я такъ долго и тяжело томился. Слуги рассказывали, что услышали вдругъ его лай, но откуда онъ взялся, никто объяснить не могъ... Видъ у него былъ бодрый, свѣжій... Когда онъ облизалъ и оцупалъ меня со всѣхъ сторонъ, я заставилъ его растянуться на полу, прилечь подлѣ него, и онъ покровительственно-нѣжно обнялъ меня лапой, глядя на меня своими старыми влюбленными глазами...

Но Петерсона мы больше не встрѣчали. Предлагаю вамъ вывести изъ этого рассказа какія угодно заключенія...

XXI

КЛОУНЪ ДЖОЙ

Умныя дѣти всегда выбираютъ себѣ такую мать, которая въ дѣвичьи годы была искусной кокеткой и имѣла много ухаживателей, прежде чѣмъ остановила выборъ на ихъ счастливомъ папашѣ... Дѣлають они это потому, что каждый отверженный въ свое время мамой вздыхатель считаетъ своимъ долгомъ поздне баловать ея дѣтей и возить ихъ въ циркъ, хотя бы разъ въ годъ... Дѣти не всегда могутъ рассчитывать на то, что папа потащится съ ними въ циркъ, но могутъ смѣло рассчитывать на любого изъ маминыхъ обожателей, которому мама когда-то, — съ крохотнымъ батистовымъ платочкомъ у глазъ, — отвѣтила отказомъ на ихъ пылкія признанія... И такъ трогательно видѣть, какъ эти джентльмены возятся съ ребятами героинь своихъ давнихъ романовъ. Нѣмѣ забѣгаютъ за дѣтьми въ экипажахъ, а другіе тащутся изъ улицы въ улицу въ омнибусахъ и даже надѣваютъ маски, накладываютъ картонные носы, только бы скрыть улыбки, которыя причиняють имъ эти дѣти, когда они

подросли и перенимають очаровательные капризы своихъ прелестныхъ мамашъ...

И я тоже повезъ Давида въ циркъ — надѣюсь, вы слѣдили внимательно за нитью моихъ разсуждений... Я-то самъ плохо всегда слѣжу за развитиемъ моей мысли... Давидъ отправился въ циркъ, исполненный самыхъ пылкихъ ожиданій... Въ дверяхъ онъ остановился. Взглядъ его упалъ на маленькій домикъ съ прибитой къ окошечку надписью: «Плата за входъ здѣсь». — Онъ рѣшилъ, что это домъ Красной Шапочки, и вѣжливо освѣдомился у кассирши, нельзя ли ему повидать ее. Ему отвѣтили, что она ушла въ лѣсъ... И это действительно такъ и было. Когда мы вошли въ залъ, она собирала въ лѣсу хворостъ для своей бабушки. Она сѣла прелестную пѣсенку о мальчикахъ и объ ихъ смѣлыхъ проказахъ, пѣсенку, весьма польстившую мужскому самолюбію Давида, но, уходя за кусты, забыла захватить съ собою хворостъ. Другія сцены проведены были хуже, но Давидъ былъ въ восторгѣ и наслаждался отъ всей души...

Ушелъ онъ, однако, изъ цирка въ слезахъ. Всю дорогу домой онъ всхлипывалъ въ темномъ углу кареты, и когда я дѣлалъ попытку успокоить его, толкалъ меня локтемъ.

Разстроилъ его клоунъ, тотъ именно клоунъ, на котораго я возлагалъ столько надеждъ. Давидъ, не обращая вниманія на пѣвца, громко спросилъ своего сосѣда, немолодого уже добродушнаго толстяка, скоро ли, по его мнѣнію, появится Джой... И когда Джой вышелъ, наконецъ, на сцену, онъ вскрикнулъ:

„Здравствуй, Джой!“ — и завизжалъ отъ удовольствія...

Джой и его отецъ изображали колбасниковъ, приходившихъ наниматься въ колбасную лавку. Въ ожиданіи хозяина, они засовывали въ свои карманы колбасы и сосиски, до которыхъ очень падки были, какъ они сообщили публикѣ, ихъ близкіе и дальніе родственники. Когда хозяинъ вышелъ къ нимъ, въ лавкѣ ничего больше не было — хоть шаромъ покати... Но бѣда эта оказалась легко поправимой. На столѣ стоялъ ящикъ съ ручкой, нѣсколько напминавшій по формѣ мороженицу... Въ ящикъ этотъ Джой съ отцомъ стали накладывать свиные окорока, затѣмъ быстро вертѣть ручкой... Изъ другого конца ящика вытѣзали сосиски и колбасы, круглыя аннетитныя, и о томъ, какъ онѣ были вкусны, можно было судить по тому, какъ Джой облизывалъ пальцы, прикасаясь къ нимъ. Скоро не стало и свиныхъ тушъ... Но въ эту минуту мимо дверей колбасной пробѣжалъ маленький, хорошенькій фоксъ-терьеръ... Джой, не думая долго, схватилъ собачку за заднія лапки, вихнулъ ее въ ящикъ, повертѣлъ ручкой, и изъ другого конца вытѣзли лоснящіяся круглыя сосиски...

Это вотъ и разстроило Давида и привело насъ въ слезахъ къ поджидавшему экипажу.

Одному Богу извѣстно, я такимъ жестокимъ поступкамъ нисколько не сочувствовалъ, но Джой объяснилъ мнѣ потомъ, какъ трудно угождать дѣтямъ, и предвидѣть, что имъ понравится и что не понравится. И я долженъ былъ согласиться съ нимъ, потому что Давидъ, котораго растрогали зловключенія

фоксъ-терьера, хохоталъ отъ всей души, когда Джой отрывалъ ноги городовому...

„Еще разъ, еще разъ!“ — кричалъ онъ, когда Джой кончилъ жестокую операцію.

— Имъ, бѣдняжкамъ, очень жалко городского, и они ревѣли бы благимъ матомъ, если бы я не возбуждалъ ихъ моимъ смѣхомъ, — говорилъ мнѣ Джой, не мало удивившій меня своей наблюдательностью и психологическимъ чутьемъ.

Онъ увѣрялъ, что если бы фоксъ-терьеръ смѣлся, когда онъ превращалъ его въ сосиски, дѣти втроили бы ему самымъ веселымъ смѣхомъ.

Отецъ, мать Давида и няня всѣми силами старались вытравить изъ его памяти тягостное впечатленіе, увѣряли его, что фоксъ-терьеръ пѣлъ и невредимъ и, вѣроятно, живетъ себѣ гдѣ-нибудь въ полномъ своемъ удовольствіи. Но Давидъ собственными глазами видѣлъ сосиски, изготовленные изъ фоксъ-терьера... Надо было прибѣгнуть къ болѣе убѣдительнымъ мѣрамъ воздѣйствія на воображеніе Давида... Я завезъ мою визитную карточку клоуну... Онъ пригласилъ меня съ Давидомъ къ себѣ на чашку чаю.

— Я не буду смѣяться, — предупредить меня Давидъ, вѣрный своей скорби о фоксъ-терьерѣ. — Я не буду смѣяться, — повторилъ онъ, когда мы подъѣзжали къ дому Джоя въ Сохо, и крѣпко сжалъ мою руку.

Это былъ самый обыкновенный домъ, но какъ разъ напротивъ подъѣзда красовалась колбасная витрина... Вдоль улицы прогуливался городской, опасно чюгладывавшій на обѣ стороны, какъ-будто ожидая нападенія. У входа въ домъ насъ встрѣтила

просто одѣтая женщина и сказала намъ, что клоунъ Джой живетъ во второмъ этажѣ. На Давида она внимательно прищурилась, словно уже слышала о немъ кое-что... Когда мы поднимались по лѣстницѣ, Давидъ опять проговорилъ сквозь крѣпко стиснутые зубы:

— Я не буду смѣяться.

Мы постучались въ дверь и тотчасъ услышали:

„Ага, пришли!“... — И Давидъ задрожалъ, словно вдругъ испугался, что взять на себя непосильную задачу. Мы вошли въ комнату, откуда слышали приветственный голосъ, но тамъ никого не оказалось... Я растерянно взглянулъ на Давида, и онъ быстро зажалъ ротъ рукою.

Это была презабавная комната, и много было въ ней смѣшныхъ предметовъ, но они ничего страннаго и смѣшного не дѣлали — они чинно ждали Джоя. Были тутъ и мягкія кресла съ уютными прессиженными, продырявленными сидѣніями, былъ и столъ, и диванъ... Мы осторожно присѣли на диванъ, и съ нами ничего не случилось.

Самой примѣчательной въ этой комнатѣ вещью была огромная плетеная корзина съ выглядывавшимъ изъ-подъ крышки яркимъ чулкомъ и надписью на крышкѣ, гласившей, что Джой самый смѣшной на землѣ человекъ. Давиду захотѣлось вытащить чулокъ наружу, но онъ тянулъ, тянулъ безъ конца; измѣривъ имъ шесть разъ длину комнаты, онъ опять обоими кулачками зажалъ ротъ.

— Я не смѣюсь, — свирѣпо бросилъ онъ мигъ. И дѣйствительно, онъ ни одного звука не издавалъ, хотя весь захлебывался и дрожалъ отъ смѣха. Мы обратили вниманіе на фотографическую карточку Джоя,

стоявшую на каминѣ... Джой былъ снятъ въ обыкновенномъ платьѣ, которое, очевидно, носилъ еще до того, какъ сталъ клоуномъ... Можете представить себѣ, какъ онъ былъ смѣшонъ въ такомъ костюмѣ. Но Давидъ не смѣялся...

И вдругъ Джой очутился подлѣ насъ. Онъ очутился подлѣ насъ такъ внезапно, словно изъ-подъ стола выскочилъ. Одѣтъ онъ былъ такъ же, какъ и на представленіи въ циркѣ — онъ сообщилъ намъ потомъ, что другого платья у него не имѣется. Его набѣленное, парумяненное лицо было такъ забавно, что у Давида заклокотало въ горлѣ, но онъ глоталъ душившій его смѣхъ...

Я представилъ Давида клоуну. Давидъ перемонно протянулъ ему руку. Джой руки его не взялъ, а высунулъ языкъ и повелъ имъ въ одну и въ другую сторону. Это было такъ смѣшно, что Давиду опять пришлось быстро зажать ротъ рукою... Джой подумалъ, что у него зубъ болитъ. Но я объяснилъ, въ чемъ дѣло, и Джой сказалъ:

— О, онъ будетъ у меня смѣяться.

Вслѣдъ за этими словами Джоя между ними произошло такой разговоръ:

— Нѣтъ, не заставите, — упрямо сказалъ Давидъ.

— Заставлю!

— Нѣтъ, не заставите.

— Нѣтъ, заставлю...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

— Да, да, да...

— Перестаньте...

— Ну, вотъ, вотъ, что я говорить...

Но Давидъ не смѣлся.

Джой хвасталъ, что смѣхъ Давида у него въ карманѣ, и Давидъ вызывающе предлагалъ ему показать ему его смѣхъ... Джой рылся въ своихъ карманахъ и выгребалъ оттуда самые неожиданные предметы, между прочимъ, вытащилъ утку и пучокъ моркови... Онъ полагалъ, очевидно, что всѣ балованные шалуны пихаютъ въ свои карманы такіе предметы. Въ концѣ-концовъ, Давидъ, вѣроятно, все-таки разсмѣялся бы, если бы въ одномъ изъ кармановъ Джоя не оказалась обкусанная колбаса, и видъ ея такъ живо напомнилъ ему бѣднаго фоксъ-терьера, что онъ завылъ во весь голосъ. И Джой тоже расчувствовался и тоже заплакалъ, но слезы онъ вытиралъ уткой.

Какъ разъ въ эту трогательную минуту въ комнату вошелъ, ковыляя на одной ногѣ, старый клоунъ, отецъ Джоя, съ полнымъ блюдомъ сосисокъ... Его появленіе, однако, только подлило масла въ огонь, такъ какъ онъ сообщилъ, что это какъ разъ тѣ же самыя сосиски, которыя мы видѣли недавно въ циркѣ... Но тутъ Джоя внезапно осянула какая-то мысль, и намъ тотчасъ же сообщилось его волненіе. Мы смотрѣли на него съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Онъ первымъ дѣломъ сосчиталъ сосиски, нашелъ, что двухъ не хватаетъ, пошарилъ въ рукахъ стараго клоуна и спокойно вытащилъ ихъ оттуда. Затѣмъ онъ выбѣжалъ изъ комнаты и вернулся съ машинкой...

— Это еще что такое? — удивились мы.

Джой впихнулъ въ машинку всѣ сосиски, повертѣлъ ручкой, и съ другого конца выскочилъ маленький фоксъ-терьеръ.

Можете представить себѣ радость Давида...

Онъ схватилъ собаченку на руки, и тутъ мы замѣтили, что къ хвосту ея прищипана сосиска. Старый клоунъ замѣтилъ, что слишкомъ много сосисокъ, вѣроятно, положено было въ машинку, а Джой выразилъ предположеніе, что машинка испортилась... По его мнѣнію, эта сосиска, торчавшая въ хвостѣ фоксъ-терьера, была ничѣмъ инымъ, какъ его лаемъ... Давидъ это очень разстроило, онъ понималъ, въ какомъ непріятномъ положеніи долженъ чувствовать себя фоксъ-терьеръ, у котораго лай торчитъ въ хвостѣ... Мы стали обсуждать мѣры, какими можно было бы вогнать внутрь фоксъ-терьера выскочившій наружу лай, но фоксъ-терьеръ самъ неожиданно разрѣшилъ всѣ наши недоумѣнія — онъ проглотилъ сосиску...

Никогда еще въ своей жизни Давидъ не заливался такимъ смѣхомъ, никогда еще онъ не веселился такъ безудержно, какъ въ этотъ день. Онъ бросился на стараго клоуна, опрокидывая его на полъ, и такъ какъ это очень правилось клоуну, и онъ вѣжливо благодарилъ, то Давидъ съ возраставшимъ рвениемъ пробовалъ намъ нѣмъ свою силу... Джой называлъ меня и Давида «миленькій» и просилъ Давида, называвшаго его «м-ръ Клоунъ» — звать его просто Джоемъ. Стараго клоуна, сообщилъ онъ намъ, звали — «старый Джой», коломбину — Джози, а арлекина — Джойкинъ...

Мы узнали отъ него также, къ большому нашему огорченію, что старый Джой причиняетъ ему много хлопотъ и заботъ... У него была очень плохая память, и онъ часто забывалъ, какъ надо стоять — на ногахъ или на головѣ, и не рѣдко, уже съ кро-

вати вылезать головою вниз... За нимъ необходимо было быть неусыпный присмотръ. Самое тягостное было то, что присматривать надо было за нимъ незамѣтно для него: онъ очень самолюбивъ и чувствителенъ... Не успѣлъ Джой договорить этихъ словъ, какъ старикъ перевернулся вверхъ ногами, но мы дѣлали видъ, что ничего не замѣчаемъ, и разговаривали о погодѣ до тѣхъ поръ, пока онъ опять сталъ на ноги...

Джози и Джойкинъ, въ яркихъ, расшитыхъ блестящими юбочкахъ, тоже приглашены были къ чаю... Они вошли въ комнату, танцую, и все время приплясывали. Ни съ того, ни съ сего они заявили, что желаютъ попорхать немного... И все время колыхались и дрожали, словно сидѣли не на стульяхъ, а на пружинахъ... Давидъ говорилъ, что если бы онъ крѣпко подулъ на нихъ, они полетѣли бы по комнатѣ, какъ доскутки бумаги...

По короткой юбочкѣ Джози видно было, что она еще очень молода, и Давидъ робѣлъ передъ нею... Онъ всегда робѣлъ, когда его знакомили съ маленькими дѣвочками... Нѣсколько минутъ онъ молча стоялъ передъ нею и сосалъ свой палецъ... Она тоже молча сосала палецъ... Но потомъ неловкость прошла, они усѣлись рядомъ на диванъ, держа другъ друга за ручки...

Арлекинъ все время метался по комнатѣ, какъ угорь... Давидъ попросилъ его попрыгать немного по стѣнѣ, и онъ было согласился, потомъ отказался, сославшись на то, что сосѣди бываютъ недовольны его рѣзвостью... Давидъ согласился, что сосѣдей прыжки по стѣнѣ дѣйствительно должны беспокоить, но отказъ арлекина его все-таки огорчилъ... Тѣмъ

временемъ вода въ чайникъ вскипѣла. Джой, разливавший чай, спросилъ Давида, налить ли ему въ молоко капельку чаю — точь-въ-точь, какъ спрашивала всегда и мать Давида... Никакого угощения, кромѣ сосисокъ, не было, но какая масса сосисокъ!.. Ихъ были цѣлыя сотни, огромные клубы, и Джой поминутно срывался съ мѣста и, схвативъ со стола длинную цѣпь сосисокъ, прыгалъ черезъ нее, какъ черезъ скакалку. Давида учили, что быть жаднымъ нехорошо, и хотя ему очень хотѣлось отвѣдать сосисокъ, его смущала жадность, съ какой Джой, старый Джой и даже Джози смотрѣли на сосиски, которыми угощали его... Джози, впрочемъ, обнаружила скоро и болѣе возвышенные чувства — она влюбилась въ арлекина, сидѣвшаго противъ нея, и онъ влюбился въ нее, и оба поглощены были только другъ другомъ и своей любовью...

Но Джой, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эту трогательную картину, продолжалъ уплетать сосиски за обѣ щеки, а старый Джой тоже глоталъ и запихивалъ еще въ свои карманы... И жадно и неустанно глотая, они выбѣгали изъ комнаты, и кричали слугѣ, чтобы онъ принесъ еще сосисокъ...

Джой залѣзая рукою и въ мою тарелку, и, когда я хваталъ его за руку, конфузился и увѣрялъ, что сосиски — его страсть...

Онъ говорилъ, что онъ никогда не могъ насытиться ими вдоволь, что онъ обожалъ ихъ съ самаго ранняго дѣтства, что это — наследственное — мать его тоже очень любила сосиски... Онъ рассказывалъ, что на первую монету, очутившуюся въ его рукахъ, купилъ сосиску, и, вѣроятно, послѣднимъ его вожде-

лѣнїемъ тоже будетъ сосиска, и что онъ всегда спитъ съ нѣсколькими сосисками подъ подушкой...

Когда онъ дѣлалъ намъ эти признанія, глаза его, къ несчастью, задумчиво остановились на собачонкѣ, возникшей подлѣ машинки, и вдругъ въ нихъ вспыхнулъ злобѣщій огонекъ, и рука его судорожно протянулась къ фоксъ-терьеру... Но тогда Давидъ испуганно схватилъ собаченку одной рукой, а другую выразительно сжалъ въ кулакъ, и тогда Джой попросилъ у него извиненія и разразился слезами и каждую слезу ливяръ въ стѣну, о которую она разбивалась шумными брызгами...

Давидъ простилъ его лишь тогда, когда онъ горячо поклялся, что больше, не будетъ смотрѣть на собачонку такими ужасными глазами... Джой добавилъ, однако, что при своей страсти къ сосискамъ онъ за себя ручаться не можетъ, и самое лучшее будетъ, если Давидъ увезетъ фоксъ-терьера съ собою... Не трудно представить себѣ радость Давида. Фоксъ-терьеръ, которому онъ спасъ жизнь, отнынѣ будетъ съ нимъ неразлученъ... Онъ едва вѣрилъ, своимъ ушамъ и сталъ торопить меня съ отъѣздомъ, боясь, какъ бы Джой не раздумалъ...

— Я прошу васъ только, — сказалъ Джой съ дрожью въ голосѣ, — звать его моимъ именемъ и давать ему каждую субботу сосиску...

Джой показать, что, несмотря на обуревавшую его роковую страсть, онъ способенъ подняться, однако, до самыхъ возвышенныхъ чувствъ...

Съ улыбки уже мы опять увидели его. Онъ дурачливо, смѣшно махалъ намъ языкомъ, а Джози выглядывала изъ окна, стоя на ладони Джойкина, какъ

бабочка, присѣвшая на цвѣтокъ... Старого Джоя мы не видѣли, только его ноги, и догадались, что это значитъ... Это была чудесная компанія: мы понимали, что они не такіе люди, какъ всѣ, но нельзя было не любить ихъ отъ всей души...

ПИЛЬКИНГТОНЪ

Когда дѣти подрастаютъ, — дѣтъ восьми или около того, — они исчезаютъ изъ Кенсингтонскаго парка и больше туда не возвращаются... Вы встречаете ихъ уже взрослыми людьми, важно останавливающимися зонтикомъ извозчика...

Куда дѣваются дѣвочки — я сказать вамъ не сумѣю, — полагаю, что онѣ поступаютъ въ какія-нибудь заведенія, гдѣ ихъ обучаютъ завиваться, но мальчики отправляются къ Пилькингтону. Это такой человекъ, съ тросточкой. Къ Пилькингтону нельзя явиться въ штанахъ маминаго издѣлія, какъ бы искусно они ни были сдѣланы. Къ нему надо явиться уже въ настоящихъ штанахъ отъ портного. У него на этотъ счетъ строгія правила. Въ этомъ и кроется причина его неотразимаго обаянія.

Представьте себѣ человека въ штанахъ отъ настоящаго портного, цѣлыми днями онъ удитъ рыбу въ Кенсингтонскомъ паркѣ, и паркъ для него не что иное, какъ прудъ, кишящій всякой мелюзгой... Отвратительный призракъ! Я не знаю, какъ вы выгля-

дите, но представляю себѣ васъ бородатымъ, темнолицымъ, длиннымъ, подвижнымъ и гибкимъ, какъ угорь... Я увѣренъ, что каждое утро вы жадно прочитываете въ газетахъ списки родившихся мальчиковъ, и злобно потираете руки. Вы внушаете феемъ такой страхъ своимъ видомъ, платьемъ и тростью, что онѣ прячутся отъ васъ. Если бы вы вздумали оставаться въ паркѣ въ ночные часы, онѣ, навѣрно, разбѣжались бы... И только маленькіе мальчики идутъ на вашу удочку... Да, опустошитель Кенсингтонскаго парка, я знаю васъ... Впервые услыхалъ я про Пилькингтона отъ Давида, а Давидъ въ свою очередь отъ Оливера Бейлея.

Этотъ Оливеръ Бейлей былъ одной изъ самыхъ яркихъ фигуръ въ Кенсингтонскомъ паркѣ и безъ всякихъ замѣтныхъ усилий съ каждымъ днемъ все больше приближался къ облику семилѣтняго мальчика, тогда какъ Давиду едва-едва можно было дать на видъ пять съ половиною лѣтъ... Я говорю объ Оливерѣ въ прошедшемъ времени, потому что онъ ушелъ изъ Кенсингтонскаго парка — ушелъ къ Пилькингтону; — но имя его еще живо въ нашей памяти, мы часто вспоминаемъ его доблестные подвиги, между прочимъ и то, что отецъ его брился два раза въ день. Оливеръ перенялъ у отца его свѣтскія замашки...

Предметомъ его честолюбивыхъ мечтаній было крушеніе у необитаемаго острова... Этотъ островъ онъ каждый вечеръ упоминалъ въ своихъ молитвахъ... И мальчикъ съ такими дерзаніями не могъ, конечно, не плѣнить воображенія Давида... Съ гордостью, одна-

ко, добавляю, что первый шагъ къ знакомству сдѣланъ былъ Оливеромъ.

Когда Давидъ въ первый разъ услышалъ отъ одного изъ приверженцевъ Оливера про необитаемый островъ, онъ выразилъ предположеніе, что надо быть очень, очень хорошимъ мальчикомъ для того, чтобы сподобиться счастья потерѣть крушеніе. Слова эти переданы были Оливеру и, повидимому, произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ еще въ теченіе нѣкотораго времени старался не поддаваться ему, но, въ концѣ-концовъ, онъ познакомился съ Давидомъ и мрачно попросилъ его повторить сказанныя однажды слова. Результатомъ ихъ разговора было то, что Оливеръ заявилъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ о своемъ твердомъ намѣреніи быть отнынѣ хорошимъ мальчикомъ вплоть до восьмилѣтняго возраста, а если онъ до тѣхъ поръ не потеритъ крушенія, то будетъ считать себя въ правѣ стать самымъ несноснымъ въ мірѣ шалуномъ... Это былъ отчаянный мальчуганъ. Когда учительница въ Фребелевскомъ саду, выстраивая дѣтей на прогулку, предлагала открыть шествію тому, кто больше всѣхъ напашаилъ и напроказилъ, — Оливеръ всегда первый выступалъ впередъ.

Мальчики скоро подружились. Оливеръ держалъ себя съ Давидомъ, какъ съ равнымъ. Они часто ходили по дорожкамъ парка рука объ руку, и Оливеръ ласково, какъ добрый старшій братъ, упрекалъ его за проступки... Но скоро я по нѣкоторымъ признакамъ сталъ догадываться о какомъ-то соглашеніи, состоявшемся между пріятелями. Оливеру, повидимому, надоѣло быть благонаправнымъ мальчикомъ, и онъ сложилъ это обязательство на своего друга... Другими

словами говоря, Давидъ взялъ на себя нелегкую задачу: быть безукоризненнымъ мальчикомъ до восьмилѣтняго, и было ясно, какъ день, что при ихъ все возрастающей дружбѣ счастье крушенія у необитаемаго острова будетъ нераздѣльнымъ...

Когда я все это узналъ, оказалось уже невозможнымъ разсѣять вліяніе Оливера на Давида... Давидъ былъ весь въ его власти. Я сталъ чувствовать себя лишнимъ при ихъ встрѣчахъ. Оливеръ даже не старался скрыть, что мое присутствіе только тяготитъ его, и Давидъ тоже прозрачно давалъ мнѣ понять, что съ моей стороны деликатнѣе было бы уйти куда-нибудь въ сторону съ Ирэнъ и оставить ихъ вдвоёмъ. Мнѣ это не казалось смѣшнымъ. Меня это только удручало, а чувствовалъ уже горечь надвигающагося одиночества... Когда фокс-терьеру не удавалось разными веселыми штуками вызвать у Портоса желаніе поиграть съ нимъ, онъ становился передъ нимъ на заднія лапки и униженно умолялъ его поиграть съ нимъ... И я также покорно и униженно вымаливалъ въ тѣ дни вниманіе и ласку... Давидъ, замѣчая, что я страдаю, настаивалъ иногда, чтобы я присаживался къ нимъ, но ясно было, что я ему не нуженъ.

Я презиралъ себя за свою слабость. Столько лѣтъ велъ я изъ-за этого Давида непрерывную борьбу съ Мэри, на сторонѣ которой были, однако, преимущества близкаго родства... Неужели меня ждетъ пораженіе въ состязаніи съ этимъ семилѣтнимъ мальчонкомъ? Я тщательно провѣрилъ мое оружіе, вызвалъ Оливера на поединокъ и побѣдилъ его. Я по-

корилъ ихъ обоихъ, и мы стали неразлучными товарищами...

Добился я этого, конечно, путемъ крушенія... Началь я съ безхитростной исторіи, которая должна была длиться какихъ-нибудь сорокъ—пятьдесятъ минутъ, но, благодаря неожиданному стеченію обстоятельствъ, она растянулась на цѣлыхъ восемнадцать мѣсяцевъ... Я рассказалъ имъ исторію объ одной швейцарской семьѣ, которая потерпѣла крушеніе въ открытомъ морѣ и, придя въ себя, увидѣла передъ собою цвѣтушія деревья.

Слѣдуя внезапно ослѣпшему меня вдохновенію, я превратилъ эту исторію въ повѣсть объ Оливерѣ Бейлей и Давидѣ А... Первое время шла рѣчь о томъ, что они станутъ дѣлать въ случаѣ крушенія, но незамѣтно мы перешли на прошедшее время и говорили уже о томъ, что они продѣлали. Я простанывалъ многіе часы передъ витринами книжныхъ магазиновъ, вчитываясь въ заглавія книгъ, потому что въ нихъ заглавіяхъ порою больше содержанія, чѣмъ въ самихъ книгахъ... Всѣ мало-мальски значительные герои древней и новѣйшей литературы терпѣли у насъ крушеніе, включая, конечно, героевъ Гомера и героя Потеряннаго Рая. И мы чинили имъ всякія препятствія въ ихъ попыткахъ пристать къ какому-нибудь берегу. Мы грабили ихъ, обдирали, какъ липки, и пускали ихъ въ открытое бушеваніе море на произволъ случая... И все это было только начало...

Тѣмъ временемъ меня самого выбросило на островъ. Это устроилось помимо моего внимательства... Давидъ догадывался, что я не прочь былъ обрѣсть, наконецъ, вѣрный пріютъ, и, сговорившись съ Оливе-

ромъ, уладить это дѣло. Они нашли меня на отмели съ большой собакой, самоотверженно помогшей мнѣ пережить страшную ночь въ бушевавшемъ океанѣ.

Я оказался единственнымъ оставшимся въ живыхъ пассажиромъ потерпѣвшаго крушеніе судна „Анка Пинкъ“. Я былъ такъ обезсиленъ, что имъ пришлось на рукахъ донести меня до своей хижины. Когда я раскрылъ глаза, я увидѣлъ себя въ романтической хижинѣ, и благодарность моя не знала границъ. На одной изъ прогулокъ въ паркѣ я рассказалъ имъ, какую они хижину построили. Они не выразили никакого изумленія; наоборотъ, очень гордились своимъ архитектурскимъ искусствомъ. Они ждали только выраженной изумленія съ моей стороны.

— Разсказать вамъ о яйцахъ, которые мы нашли въ пескѣ? — спросилъ Оливеръ, возвращаясь къ своимъ подвигамъ, которые они, по моимъ словамъ, совершили.

— Конечно...

— Кто нашелъ ихъ? — спросилъ Давидъ, но не такъ, какъ спрашиваютъ въ ожиданіи осведомительнаго отвѣта, а тономъ учителя, спрашивающаго урокъ.

— Ихъ нашелъ, — отвѣтилъ я, — Давидъ А. — младшій изъ двухъ юношей.

— А кто убилъ кабана? — спросилъ старшій изъ двухъ юношей.

— Оливеръ Бейлей, — отвѣтилъ я.

— И Оливеръ же первый набрелъ на кокосовое дерево? — быстро вставилъ Давидъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — Давидъ перымъ увидѣлъ его и тотчасъ же вскарабкался на него. Это было, очевидно, *cocos nucifera*, стройное дерево съ

пышной короной изъ листьевъ, падающихъ съ граціей, которую беспильно воспроизвести человѣческое искусство...

— И это и говорилъ, — замѣтилъ Давидъ, взмахнувъ рукой.

— И я тоже это говорилъ, — настойчиво заявилъ Оливеръ.

— Нѣтъ, ты не говорилъ...

— Какъ не говорилъ?

— Да, замолчи наконецъ...

— Ну, ладно, будемъ слушать дальше...

Оливеръ бросилъ на меня умоляющій взглядъ.

— Дальше, — началъ я, — дѣло было такъ: Оливеръ сказалъ: Дорогой товарищъ, опасности, которымъ мы подвергаемся, несчетны, и лишения, которыя мы переносимъ, могли бы тронуть самыя чистыя сердца, но ради того, что выпало намъ на долю увидеть, я готовъ подвергнуться и болѣе жестокимъ испытаніямъ, и все же ликовалъ бы, вотъ какъ эта птичка на вѣткѣ...

— Это я сказалъ! — закричалъ Оливеръ.

— А птичку я застрѣлилъ, — тотчасъ добавилъ Давидъ.

— Какую птичку?

— Да эту самую птичку...

— Нѣтъ, ты ее не застрѣлилъ...

— Какъ нѣтъ?

— Застрѣлилъ птичку Давидъ, — разрѣшилъ я споръ, — но Оливеръ по ея многоцвѣтнымъ перьямъ догадался, что это *Psittacidae*, превосходный видъ породы куропатекъ...

— А этого ты не зналъ! — горделиво вставилъ Оливеръ.

— Отлично зналъ.

— Что ты зналъ?

— Ну, да, что?

— Замолчи, вотъ и все...

— Давидъ застрѣлилъ птицу, — сказалъ я, — распозналъ ее Оливеръ, а съѣлъ ее я. Вы помните, какъ я былъ голоденъ?

— Еще бы!

— Я сварилъ ее, — сказалъ Оливеръ.

— Миѣ подали ее зажаренной, — напомнилъ я имъ.

— Я ее зажарилъ, — сказалъ Давидъ.

— Вы накормили меня еще плодами съ хлѣбнаго дерева. Вы оба одновременно сдѣлали наблюдение, что оно родить два раза въ году и, кромѣ того, даетъ еще очень полезную смолу для смоленія лодокъ...

— Я мою лодку и насмолилъ... — сказалъ Давидъ.

— Я мою еще больше насмолилъ, — сказалъ Оливеръ.

— Когда я поѣлъ, — продолжалъ я, — вы, къ пріятному моему изумленію, поднесли миѣ сигару съ табачныхъ плантацій.

— Я поднесъ ее вамъ, — сказалъ Оливеръ.

— Я сѣззалъ кончикъ, — сказалъ Давидъ.

— Потомъ вы дали миѣ закурить...

— Кто изъ насъ? — вскрикнули они оба.

— Да вы оба, — отвѣтилъ я. — Я никогда не забуду, какъ вы выбивали огонь двумя камушками.

Тутъ они покачали головами.

— Этого вы бы не сумѣли... — сказалъ Давидъ.

— Вѣроятно, не сумѣлъ бы, — согласился я. — Но я знаю, что многіе мальчики, потерпѣвшіе крушеніе, довольно скоро научаются добывать огонь изъ камней. Покажите мнѣ, какъ вы это дѣлали...

Они пошушукались въ сторонкѣ и отказались показать мнѣ, какъ они добывали огонь изъ камней. Мнѣ, очевидно, не все еще полагалось знать.

Давидъ искренне вѣрилъ, что однажды быть выброшенъ бурей на необитаемый островъ; на Оливера же еще находило порою сомнѣніе. Однако, они горячо увѣрили въ этомъ и другъ друга и своихъ товарищей. Когда я рисовалъ имъ картины ихъ романтическаго прошлаго, Оливеръ слушалъ, сжимая въ рукѣ раскрытый ножъ, а Давидъ, которому не разрѣшалось носить при себѣ ножъ, сидѣлъ, опоясанный веревкой, составляющей неременную принадлежность костюма всѣхъ пиратовъ. Ирэнъ, по обыкновенію своему, вышивалась въ разговоръ, негодовала на эту веревку и вставляла презрительныя замѣчанія о необитаемыхъ островахъ, къ существованію которыхъ относилась съ величайшимъ недовѣріемъ. И откровенно высказывалъ ей мое презрѣніе. Но Давидъ, знавшій толкъ въ женщинахъ, сумѣлъ-таки сломить ея упрямство. Онъ коварно предложилъ выбросить ее на необитаемый островъ, и, несмотря на то, что я воспротивился этому плану, она тѣмъ не менѣе очутилась на островѣ и въ первый же день прибытія отличалась своими ботаническими познаніями: она узнала *Jussia hamensis* по ея узкимъ, длиннымъ листьямъ...

Это послужило для насъ своего рода поощреніемъ — мы пригласили на островъ и отца и мать

Давида... Объ этомъ необыкновенномъ событіи въ своей жизни они не знали, конечно, до тѣхъ поръ, пока Давидъ не сообщилъ имъ о немъ. Пригласили мы ихъ для того, собственно, чтобы доставить удовольствіе Давиду... У него было очень чувствительное сердце, и его безпокоила мысль о томъ, что его родители тоскуютъ по немъ... И наибольшее удовольствіе доставляла Давиду та часть повѣсти, въ которой воспроизводилась радостная встрѣча родителей съ ихъ сыномъ. Потомъ намъ необходимо было присутствіе на островѣ еще одной женщины, менѣе романтично настроенной, чѣмъ Ирэнъ. Но Мэри пришлось пережить много тревожныхъ дней. Ее постоянно умыкали канібалы, и Давидъ отважно отбивалъ ее у нихъ. Онъ скоро изловчился въ этомъ занятіи и съ быстротою оленя прыгалъ со скалы на скалу съ дорогой пошеи на рукахъ... Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы Давидъ не убивалъ какого-нибудь людоѣда...

Давидъ все принималъ за чистую монету. Оливеръ говорилъ мнѣ съ его словъ, что онъ глубоко убѣжденъ въ подлинности всѣхъ нашихъ приключеній. И разсказать имъ, какъ дикари растапировали отца Давида, и вскорѣ я узналъ отъ Оливера, что ночью Давидъ сошелъ съ кровати и тихонько приподнял одѣяло съ ногъ отца, чтобы полюбоваться нарисованными на нихъ птицами и гадами...

За всѣ эти мѣсяцы имя Пилькингтона ни разу не упоминалось, и вамъ интересно, конечно, знать, гдѣ онъ пребывалъ въ это время. Ахъ, друзья мои, онъ усердно ловилъ рыбу, и я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю его существованія. Я часто улавливалъ ненавистный плескъ его удочки. Съ мучительною яс-

ностью встает передо мной один ужасный день: было пасмурно, моросил дождь, — мне казалось, что солнце никогда уже не взойдет для меня... Когда я увидал в парке мальчиков, я тотчас догадался по выражению их лиц, что они собираются сообщить мне какую-то важную новость. Оливер толкнул Давида локтем и отошел на несколько шагов, и тогда Давид торжественно заговорил:

— Оливер уходит к Пилкингтону...

Я тотчас же догадался, что это какая-то школа, и так мало значения придав сообщению Давида, что шутливо бросил Оливеру:

— Надюсь, Оливер, тебя там не съедят?

Они обменялись озабоченными взглядами и ушли за дерево совещаться. Вскоре Давид опять подошел ко мне и начал с пафосом:

— У него теперь две куртки, две новых сорочки и две пары настоящих штанов...

— Великолепно, Оливер... — сказал я, но тотчас понял, что опять попал пальцем в небо. Мальчики опять пошли за дерево совещаться. Они, очевидно, решили, что пришла пора высказать напрямик всю правду, и Давид твердо начал:

— Он просит не называть его больше Оливером...

— А как?

— Бейлей...

— Почему?

— Потому что он поступает к Пилкингтону...

И послѣ этой субботы онъ уже играть съ нами больше не будетъ...

— Отчего же ему нельзя больше играть съ нами?

— Онъ поступаетъ къ Пилкингтону...

Тутъ только я догадался, въ чемъ дѣло. Мы пошли рядомъ, втроемъ — Оливеръ важно шагалъ, съ видомъ человека, знающаго себя цѣну, и у Давида, казалось мнѣ, тоже былъ необычайно-степенный видъ...

— Давидъ, — сказалъ я, опустивъ голову, — и ты тоже поступаешь къ Пилкингтону?

— Когда мнѣ будетъ восемь лѣтъ, тогда...

— И мнѣ нельзя уже будетъ тогда называть тебя Давидомъ, и ты не будешь играть со мною въ паркѣ?

Онъ взглянулъ на Бейлея, и Бейлей отвѣтнымъ взглядомъ поддержалъ въ немъ рѣшимость.

— О, нѣтъ, конечно, нѣтъ... — весело отвѣтилъ онъ.

И тогда я понялъ, что онъ уже не долго будетъ мнѣ принадлежать. Удивительно, какую мучительную боль можетъ причинить такой вотъ мальчикъ.

Я выпустилъ его руку изъ моей и нѣсколько минутъ шагалъ молча. Я придумывалъ печальный драматическій конецъ нашей долгой повѣсти...

«Прошло десять лѣтъ, — заговорилъ я опять, — и оба нашихъ героя, превратившіеся въ двухъ беззаботныхъ молодыхъ людей, опять побѣжали на островъ, куда прибило ихъ въ дѣтствѣ волнами...

Мы были одни, когда съ нами случилось несчастье? — спросилъ одинъ изъ нихъ, или съ нами былъ еще кто-то, дѣлавшій здѣсь съ нами наши злоключенія? — и другой, младшій изъ нихъ, отвѣтилъ: «Съ нами жилъ тутъ, кажется, еще одинъ человекъ, съ большой собакой. Онъ, помнится, часто рассказывалъ мнѣ сказки въ Кенсингтонскомъ

паркѣ, но я ничего о немъ уже не помню... Я даже имя его забылъ...

Этотъ лирическій конецъ показался скучнымъ Бейлею, и онъ отбѣжалъ отъ насъ въ сторону. Давидъ же шелъ рядомъ со мной, и такъ тихо, что близость бури была для меня несомнѣнной... И вдругъ онъ вспыхнулъ огнемъ, бросился ко мнѣ и схватилъ меня за руку:

— Неправда, неправда! — закричалъ онъ въ слезахъ. — Неправда, я тебя никогда не забуду...

Удивительно, сколько радости можетъ доставить такой вотъ малышъ!

— Забудешь, Давидъ, забудешь, — сказалъ я,

— Но у меня былъ однажды мальчикъ... Я знаю, тотъ никогда бы меня не забылъ...

— Тимофей? — быстро спросилъ онъ. Онъ увѣренъ въ томъ, что Тимофей, дѣйствительно, существовалъ когда-то, и очень ревнуетъ меня къ нему. Онъ повернулся ко мнѣ спиной и горячо заплакалъ, а я стоялъ и ждалъ, пока онъ выплечетъ свои слезы... Затѣмъ, я, разумеется, вымолилъ у него прощенье, и мы съ нимъ объяснились, и онъ опять былъ веселъ и счастливъ... Но въ моихъ словахъ все-таки была правда... — Давидъ не мой сынъ и забудетъ меня... А Тимофей — тотъ никогда бы меня не забылъ...

XXIII

ВАРВАРА

Судьба тѣмъ временемъ готовила мнѣ еще другой ударъ...

Хотя мы рѣдко видѣли теперь Бейлея, наша жизнь на необитаемомъ островѣ тѣмъ не менѣе шла своимъ чередомъ... Бейлея мы встрѣчали черезъ бѣлшіе промежутки времени, и явнаго отпечатка вліянія Пилькингтона не замѣчали на немъ... Мнѣ казалось даже, что онъ поглядываетъ на насъ съ сожалѣніемъ и грустью, и, казалось, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко въ своихъ настоящихъ штанахъ отъ портного, словно застрявшая гдѣ-то яичная скорлупа беспокоила его и мѣшала свободѣ его движеній. Проходя мимо Давида, онъ смѣривалъ его недружелюбнымъ взглядомъ, толкалъ локтемъ въ бокъ и называлъ его „малышомъ“.

Когда Оливеръ исчезъ изъ парка, мы исключили его изъ нашей повѣсти и прекрасно обходились безъ него. Скоро мы перекинули наши дѣйствія и на материкъ и стали наводить грозу на населеніе. Однажды Давидъ спросилъ меня:

— А Варвара будетъ жить съ нами?

У насъ поднимался иногда вопросъ о замѣщеніи Бейлея какимъ-нибудь другимъ малолѣтнимъ посястителемъ парка; нѣкоторые изъ сверстниковъ Давида очень даже добивались этой чести, но имя Варвары я услышалъ впервые.

— Кто она такая? — спросилъ я.

— Моя сестра.

Я оторопѣлъ отъ изумленія.

— Ея еще нѣтъ, — безпечно добавилъ Давидъ, — но она скоро будетъ.

Эта новость была для меня и обидой и горькимъ разочарованіемъ. всегда, правда, подозрѣвалъ, что эта Мэри А замышляетъ самые честолюбивые планы именно тогда, когда дѣлаетъ скромное невинное личико, но на такую наглость я не считалъ ее способной.

Я прошелъ по Широкой аллеѣ, чтобы взглянуть на Ирэнъ, и ея лицо подтвердило мои догадки. Я сѣлъ на скамью и сталъ вспоминать послѣднія встрѣчи съ ея мужемъ... Мы встрѣчались время отъ времени и даже обѣдали иногда вдвоемъ въ клубѣ. И каждый разъ мы говорили съ нимъ о Тимофѣѣ, и, когда въ разговорѣ упоминалось имя Мэри, глаза наши тотчасъ разбѣгались въ разныя стороны... Наступало тягостное молчаніе, я чувствовалъ, что онъ улыбается, и думалъ съ раздраженіемъ: какого чорта онъ улыбается?... И вспоминалъ, что въ послѣдній разъ видѣлъ его за обѣдомъ въ его клубѣ — онъ былъ уже теперь членомъ какого-то клуба художниковъ, и Мэри такъ гордилась этимъ, что даже напечатала это на своихъ визитныхъ карточкахъ, — и у него

былъ въ этотъ день очень озабоченный видъ. Видъ чловѣка, скрывающаго какую-то преступную тайну.

И когда мнѣ все, наконецъ, стало совершенно ясно, я громко и злобно разсѣялся надъ самимъ собою, потому что какъ разъ въ послѣднее время я сталъ гораздо лучше относиться къ Мэри... Она по-прежнему очень гордилась своимъ Давидомъ и даже ко мнѣ ревновала его въ послѣднія недѣли, но я прощалъ ей это, такъ какъ объяснялъ ея ревность только материнской любовью... Отъ Давида я узнавалъ о какихъ-то несвойственныхъ ей вспышкахъ нѣжности... Я самъ видѣлъ, какъ она украдкой цѣловала его на улицѣ... И все, что она дѣлала, могло только служить опроверженіемъ всякаго предположенія о томъ, что ей нужно что-нибудь или кто-нибудь, кромѣ Давида... Какъ я могъ, не будучи женщиной, угадать, что этими необычными страстными проявленіями своей любви къ нему она въ сущности прощалась съ нимъ?

Представьте себѣ только, читатель, этого чистосердечнаго мальчика, играющаго въ полной увѣренности, что все идетъ въ домѣ обычнымъ порядкомъ...

А, между тѣмъ, даже игрушки его дышатъ теперь какой-то тайной грустной тревогой, особенно тотъ локомотивъ, который мать подарила ему вчера...

Неужели, Мэри, вы могли ему смотрѣть прямо въ глаза, когда дарили ему эту игрушку?... Не завидую вамъ, сударыня, и не хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ, теперь, когда онъ обвиваетъ вашу шею своими нѣжными рученками... Изъ его довѣрчивыхъ признаній, которыми онъ безотчетно выдаетъ вамъ, я понялъ, что вы дѣлали недавно попытку подготовить его къ великой перемѣнѣ, и вы, я не сомнѣваюсь,

способны увѣрять меня, что Давидъ не только очень радъ, но и чрезвычайно заинтересованъ предстоящимъ событіемъ... Но понялъ ли онъ, что это событие означаетъ для него? Вы навѣрно не посоветились дать ему понять, что это подарокъ, специально для него придуманный. Но неужели, сударыня, у васъ хватаетъ сердца обманывать ребенка?

Представьте себѣ, что о предстоящемъ событіи Давидъ былъ бы предупрежденъ до того, какъ онъ у васъ родился? Вы увѣрены въ томъ, что онъ согласился бы родиться? Между матерью и ея первенцемъ существуетъ неписанный договоръ, и, надо замѣтить, первенецъ никогда этого договора не нарушаетъ. Онъ всегда остается первенцемъ... И потому, что скажутъ другіе мальчики, когда узнаютъ? Вамъ до пересудовъ и толковъ Кенсингтонскаго парка дѣлать, но Давидъ не можетъ же не считаться съ ними... Право, сударыня, я полагаю, что у васъ хватитъ благородства подождать хотя бы до тѣхъ поръ, пока ему исполнится восемь лѣтъ, и онъ поступитъ къ Пилкингтону...

Вы воображаете, что вашъ мужъ теперь важная особа, потому что въ газетахъ, которыхъ никто не читаетъ, стали писать о его послѣднихъ планахъ и перспективахъ... Я знаю, что вы купили ему бархатную куртку, и что онъ снялъ большую, свѣтлую, удобную мастерскую на Мьюсъ-Лэйнгъ, гдѣ вы принимаете два раза въ мѣсяцъ, по средамъ... Времена измѣнились, но — угодно вамъ выслушать одну исторію? Я хотѣлъ бы только показать вамъ, что я знаю ее...

Года три тому назадъ на одной выставкѣ выставлена была картина одного художника, отъ которой

художникъ и его жена были въ восторгѣ. Но никто объ этой картинѣ не говорилъ, никто о ней не писалъ, и никто ее не покупалъ... Художникъ былъ удрученъ, жена его негодовала на вѣтливость художественныхъ критиковъ. — И вдругъ картину приобрѣлъ какой-то любитель, пожелавшій почему-то остаться неизвѣстнымъ. Художникъ и его жена были въ упоении, но больше всего радовало ихъ то, что покупателемъ этимъ былъ не я. Онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, гордо расхаживалъ по моимъ комнатамъ и говорилъ о томъ, какъ дорого художнику сознание, что онъ понятъ и признанъ... Счастливчикъ.

Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, роясь зачѣмъ-то въ запертомъ обыкновенно чуланчикѣ, онъ нашелъ среди всякаго хлама и свою картину... И тогда жена, дрожа и плача, во всемъ ему созналась... Ей было такъ тяжело видѣть, что эта идиотская публика не цѣнитъ такого шедевра: у нея сердце разрывалось тогда, глядя на него... Она знала такъ же хорошо, какъ и онъ — вѣдь недаромъ же она прожила съ нимъ бокъ-о-бокъ столько лѣтъ, — что художникъ жаждетъ признанія, и потому она рѣшилась купить на свои сбереженія картину и спрятала ее въ чуланъ... Художникъ пришелъ въ бѣшенство, а потомъ валялся у ногъ своей обожаемой жены. Да, это были вы, Мэри. Но, Господи, я никакъ слагаю вамъ мадригалъ, а это вовсе не входило въ мои планы... Я хотѣлъ только сказать, что теперь можете уже позволить себѣ все, что вамъ вздумается... По моему глубокому убѣжденію, эта затѣя произвести на свѣтъ Варвару не выдерживаетъ никакой критики...

Но какъ все-таки быть?.. Я долго надъ этихъ размышлять и, наконецъ, набрелъ на способъ сломить упорство Мэри... И едва вѣрить въ эту счастливую возможность и боялся, что самъ же раскрою тайну заговора... Потому что это былъ заговоръ противъ нея...

И давно уже зналъ со словъ Давида, что Мэри задумала написать книгу. Дѣло въ томъ, что у меня имѣется небольшой печатный трудъ о военной тактикѣ, и я готовлю другую болѣе значительную работу на ту же тему, которую, вѣроятно, никогда не кончу. И замѣтилъ, что Давидъ очень внимательно присматривается къ моимъ приемамъ работы, и понять: онъ, очевидно, хотѣлъ научиться писать и помогать своей матери. Возможно, что мысль эта ему самому пришла въ голову, но возможно также, что ее внушила ему она... Давидъ съ своей стороны, конечно не сомнѣвался въ томъ, что мать сумѣетъ написать книгу... Разъ я сумѣлъ написать книгу, стало-быть, это дѣло не Богъ вѣсть какое трудное... Она считала также нужнымъ сообщить ему, что не я самъ печатаю мои книги, и это, понятно, уронило меня въ глазахъ Давида, такъ какъ печатаніе-то собственное и восхищало его, и потому онъ хвасталъ мною въ Кенсингтонскомъ паркѣ...

— Ну, да... вы ни ящиковъ, ни буквъ сами не сдѣлали, — сказалъ онъ мнѣ какъ-то тономъ глубоко разочарованнаго человѣка.

Дѣло въ томъ, что всѣ необходимыя мнѣ для работы выписки и замѣтки хранятся у меня въ нѣсколькихъ рядахъ расположенныхъ по алфавиту ящиковъ. И когда я дѣлаю новую замѣтку, касающуюся пред-

мета, названіе котораго начинается съ буквы А, я опускаю листокъ въ ящикъ съ буквой А, и такъ дальше, къ величайшему удовольствію Давида, который опускаетъ листки въ соответствующіе ящики. Мнѣ пришлось сознаться, что ящики сдѣлалъ Уиллеръ и Гиббъ.

— Но буквы, Давидъ, я самъ сдѣлалъ, — добавилъ я.

— Онѣ сдѣланы хуже, чѣмъ ящики, — отвѣтилъ онъ.

Я догадался, конечно, что слова эти подсказаны были Давиду Мэри, и, скрывая вспыхнувшую во мнѣ досаду, я замѣтилъ какъ бы между прочимъ:

— Ты скажи ей, Давидъ, что за книгу можно взяться лишь, когда ящики полны до краевъ... Это отобьетъ у нея охоту писать книгу.

Нѣсколько дней спустя, онъ сообщилъ мнѣ, что у нея есть уже одинъ ящикъ.

— Одинъ ящикъ, — презрительно проговорилъ я.

— Она сама сдѣлала его, — горячо возразилъ онъ.

О ходѣ ся работы я получалъ скудные свѣдѣнія, отчасти потому, что Давидъ никогда не находилъ нужныхъ словъ, когда заходитъ рѣчь о практическихъ вещахъ, но, быть-можетъ, Давидъ и потому еще не давалъ мнѣ подробныхъ свѣдѣній, что не находилъ во мнѣ сочувствующаго слушателя... Но когда Давидъ выпалить названіе книги «Бѣлая птичка» — мнѣ представилось почему-то, что я книжку эту знаю и что я прочиталъ ее отъ первой до послѣдней страницы. Я зналъ, что бѣлая птичка, — это дѣвочка, которую Мэри такъ страстно хотѣла имѣть. Она такого типа женщина. Но пока у нея еще не было уви-

ренности въ осуществленіи такого желанія, я искренне сочувствовалъ ей, независимо отъ сужденій о книгѣ, которая я высказалъ Давиду. Въ эти дни Мэри полна была уносимыхъ мечтаній о своей книгѣ, и осыпали ее они главнымъ образомъ утромъ, когда она еще полудремала въ кровати... Но едва она спускала ноги съ кровати, всѣ ея мечты разлетались, какъ стая спугнутыхъ птичекъ... По словамъ Давида, это ее очень разстраивало...

О, Мэри, ваши мечты слишкомъ чисты, слишкомъ прекрасны, чтобы кто-нибудь могъ видѣть ихъ, кромѣ васъ одной... Онѣ стыливо таятся въ вашей душѣ... И выйдутъ онѣ наружу не книгой, а маленькой Варварой...

Но не эти слова, конечно, я поручилъ Давиду передать ей.

— Никогда она книги не напишетъ, — объяснилъ я Давиду. — На это у нея силъ не хватитъ. Можешь это передать ей отъ моего имени.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я ничего больше о честолюбивыхъ замыслахъ Мэри не слышалъ. Наконецъ, я какъ-то разъ спросилъ Давида, и узналъ, что она отказалась отъ мысли о книгѣ... Отчего онъ объяснить не могъ, но мнѣ и безъ его объясненій все было ясно. Вся моя симпатія къ Мэри разбѣлалась тогда, какъ дымъ, и я сталъ придумывать, какимъ образомъ я могъ бы, наконецъ, окончательно восторжествовать надъ ней. И придумалъ. И рѣшилъ, даже не говоря объ этомъ Давиду, написать книгу „Бѣлая Птичка“, которой она написать не сумѣла, и затѣмъ выпустить ее въ свѣтъ, какъ разъ къ тому времени, когда она родитъ своего ребенка и будетъ

воображать, что совершила Богъ вѣсть какой подвигъ... Была ли кѣмъ когда задумана и выполнена такая злодѣйская мѣсть?

Да, чортъ побери, книга приближается къ концу... Мы бѣжимъ съ нею голова въ голову и изо всѣхъ силъ стараемся другъ друга обогнать...

Съ той же быстротой закончилъ я и исторію приключеній Давида.

— На этомъ разѣ это уже, действительно, кончить. — сурово сказалъ я. Я много разъ это повторилъ.

Она закончилась на побережьи Патагоніи, куда мы отправились съ тѣмъ, чтобы застрѣлить тихохода, самого большого, какъ извѣстно, изъ всѣхъ звѣрей, живущихъ на землѣ. Величина его, однако, насъ нисколько не поразила. Давидъ, его отецъ и я вышли на берегъ, и, закуривъ трубки, мы двинулись къ нашей пещерѣ. Мэри, одѣтая съ роскошью восточной принцессы, шла и плясала впереди насъ. Былъ чудесный вечеръ, и мы, дружески болтая, любовались предѣльнымъ созданіемъ...

Ночь прошла благополучно — только издали время отъ времени доносился ревъ тихохода.

Тѣмъ временемъ ко входу въ нашу пещеру медленно приближалась Ирэнъ, и мы видѣли, какъ она наклонилась со своимъ факеломъ надъ акулой, незадолго до того пойманной на гарпунъ Давидомъ, и стала ее разсматривать.

Насъ клонило ко сну, кругомъ стояла глубокая убаюкивающая насъ тишина... И вдругъ ночь огласилась пронзительнымъ крикомъ. Кричала Ирэнъ... Она влетѣла вихремъ въ пещеру съ какими-то веща-

ми въ рукахъ — часы, пара сапогъ и номеръ газеты, которые нашла въ животѣ акулы... Каково было наше изумленіе, когда, взглянувъ на газету, мы прочитали: въ Лондонѣ у Мэри А. родился новый ребенокъ. Какой странный способъ придумать Соломонъ-Воронъ, чтобы сообщить намъ такую новость!..

Мы пришли, конечно, въ необычайное возбужденіе и на слѣдующее же утро двинулись въ Лондонъ. Скоро мы увидели передъ собою бѣлые скалистые берега Альбіона. Мэри себѣ мѣста не находила: такъ велико было ея нетерпѣніе увидеть скорѣе своего ребенка... Она все время взволнованно металась по палубѣ.

— И я тоже! — вскрикнулъ Давидъ.

Выйдя на берегъ, мы тотчасъ же кликнули извозчика.

— Никогда я не забуду, Давидъ, — сказалъ я, — волненія твоей матери.

Она поминутно высовывала голову изъ окна кареты и подгоняла кучера...

И какъ онъ стегалъ свою лошадь! — Наконецъ, онъ остановился передъ вашимъ домомъ, и мать твоя выскочила, взбѣжала на лѣстницу и заколотила обоими кулаками въ дверь.

Давидъ, увлеченный правдивостью этой картины, возбужденно извизгнулъ:

— Ключъ у папы!

— Онъ открылъ дверь, — спокойно сказалъ я, — твоя мать влетѣла въ комнату и черезъ минуту сжимала въ объятіяхъ своего Венямина...

Короткая пауза.

— Варвару, — поправилъ меня Давидъ.

— Венямина, — упрямо повторилъ я.

— Развѣ это имя дѣвочки?

— Нѣтъ, это имя мальчика.

— Мама хочетъ имѣть дѣвочку, — растерянно замѣтилъ онъ.

— Мало ли чего ей хочется, — раздражительно отвѣтилъ я. — Это будетъ мальчикъ... — Можешь передать ей это отъ моего имени...

Бѣдняжка, онъ не зналъ, какъ ему быть... Въ его смущеніи не было и тѣни эгоистическаго чувства. Ему лично очень хотѣлось бы, чтобы это былъ мальчикъ, но въ данномъ случаѣ онъ совершенно не принималъ въ расчетъ своихъ желаній и всей душою желалъ только осуществленія заветной мечты Мэри.

— Варвара, — повторилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Веняминъ, — твердо отвѣчалъ я.

Я долго не сдавался, но дѣло было дѣломъ, и въ концѣ-концовъ я согласился сыграть съ нимъ партію крокета. Уговоръ былъ такой: если онъ выиграетъ, это будетъ дѣвочка, если я выиграю — будетъ мальчикъ.

XXIV

СОСТЯЗАНИЕ

Давно, давно уже Кенсингтонскій паркъ не былъ свидѣтелемъ такого азартнаго состязанія, какое состоялось между мною и Давидомъ. Но если другими страстными игроками руководила корысть или честолюбіе, то Давида вдохновляла только мысль о женщинѣ... О женщинѣ. Вѣришь, о двухъ женщинахъ. Зрителей было мало. Время отъ времени проходили мимо гуляющіе, и никто изъ нихъ, конечно, не подозревалъ, на какую ставку мы играемъ... И намъ мерещилось, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоитъ Варвара и послѣ каждаго промаха Давида взволнованно сбиваетъ хлыстикомъ головки маргаритокъ. Да, это былъ историческій матчъ.

Давиду хотѣлось играть на площадкѣ подлѣ Круглаго пруда, гдѣ онъ чувствуетъ себя, какъ дома, но я тотчасъ же сообразилъ, что здѣсь все преимущества будутъ на его сторонѣ... И настаивалъ на выборѣ мѣста, одинаково новаго для насъ обоихъ, и послѣ долгихъ препирательствъ мы остановились на Фиговой аллеѣ. Здѣсь запрещено было вбивать на-

лочки въ землю, но можно было сдѣлать мѣтки на деревьяхъ... Мы такъ и сдѣлали... Мѣсто, выбранное нами, было покато, и я съ тайной радостью смекнулъ въ одно мгновеніе, что тутъ я буду въ своей стихіи.

Мы бросили жребій — начинать игру надо было мнѣ. Я тщательно осмотрѣлъ ворота и приготовился сдѣлать первый ударъ. Обыкновенно мы начинаемъ игру веселыми забавными шутками, но на этотъ разъ я въ сосредоточенномъ молчаніи бросилъ первый шаръ. Давидъ снялъ куртку, засучилъ рукава, стиснулъ зубы, и я видѣлъ, что онъ намѣренъ съ блескомъ отразить мой первый ходъ.

Онъ играетъ довольно ловко и даже изящно, но иногда дѣлаетъ слишкомъ широкій размахъ и неминуемо проигрываетъ... Мы сражались, какъ львы. Но мало-по-малу стало ясно, что счастье на этотъ разъ на моей сторонѣ. Давидъ напрягалъ все свои силы и вниманіе. Я сдѣлалъ неожиданно блестящій ударъ. Давидъ вздрогнулъ, смутился и отразилъ мой ходъ неловкимъ прыжкомъ. Я насчиталъ уже двадцать три удара, а ему оставалось выиграть еще двадцать... У него былъ довольный, бодрый видъ, когда я передавалъ ему палочку, но часто я ощущалъ влажный слѣдъ на моей рукѣ, и мною овладевало опасеніе, что Давидъ можетъ не выиграть игры...

Между тѣмъ въ самомъ началѣ перевѣсъ успѣха былъ какъ будто на его сторонѣ, и около десяти ударовъ онъ сдѣлалъ прямо классическихъ. Но тутъ я сдѣлалъ ловкій ударъ.

— Не выходи изъ круга, — быстро крикнулъ я. Когда онъ обернулся и увидать, что опять сдѣлалъ промахъ, я испугался его лица. Оно было блѣде

сиѣга. Съ удовольствіемъ вспоминаю еще другіе моменты этого матча. Онъ слишкомъ высоко подбросилъ въ воздухѣ шаръ своей лопаткой, и я его шара подхватить не успѣлъ.

— Подбрось еще разъ, — раздраженно воскликнулъ я и хотѣлъ уже опять метнуть, какъ вдругъ Давидъ рѣшительно направился ко мнѣ. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Я — трусъ, — жалобно проговорилъ онъ, — я молился, пока шаръ былъ въ воздухѣ.

Онъ молился о томъ, чтобы я не успѣлъ подхватить шаръ, а какъ я уже упоминалъ, молитва объ успѣхѣ въ игрѣ считалась въ Кенсингтонскомъ паркѣ поступкомъ малодушнымъ и недостойнымъ.

Дорогой мой Давидъ! У него были недостатки, присущіе всѣмъ мальчикамъ, но у него было врожденное благородство.

— Мы этого хода считать не будемъ, — серьезно отвѣтилъ я.

Я полагаю, что нетерпѣніе читателя достигло теперь крайней точки напряженія... Поэтому спѣшу сообщить, что Давидъ выигралъ партію нѣсколькими блестящими ходами. Когда ясно стало, что побѣда за нимъ, онъ прижалъ къ сердцу свою лопатку и на мои кислые поздравленія отвѣтилъ истерическимъ всхлипываніемъ. Черезъ минуту онъ уже мчался къ своей матери съ радостной вѣстью.

Такимъ образомъ и явилась на свѣтъ Варвара.

XXV

ПОСВЯЩЕНІЕ

Вчера только, послѣ обѣда, дорогой читатель, ровно три недѣли послѣ рожденія Варвары, я кончилъ книгу, да и то еще не совѣтъ... Не хватало посвященія, за которое съ радостью принимаюсь теперь. Никогда еще я не испытывалъ такого чувства удовольствія, какъ теперь... Мнѣ кажется даже, что и книгу-то эту я написалъ для того лишь, чтобы имѣть удовольствіе написать посвященіе.

Сударыня, у меня нѣтъ никакого желанія торжествовать надъ вами, — извѣстно началъ я, — но я обнаружилъ бы самую жалкую, нечуткость къ ироніи судьбы, если бы не посвятилъ вамъ эту книженку. Потому что своимъ существованіемъ она обязана вамъ. Въ дни вашихъ честолюбивѣйшихъ мечтаній вы грезили о томъ, что сами напишете книгу о Вѣлой птичкѣ. Отчего вы такъ быстро отказались отъ своего плана, я не знаю... Очевидно, вы были тогда заняты чѣмъ-то другимъ... Словомъ, сударыня, вы предпочли менѣе рискованную и болѣе надежную дорожку и удовлетворились тѣмъ, что получили са-

мую Итичку... Долженъ ли я добавить, поднося вамъ книжку съ этимъ посвященіемъ, что я авторъ ея. Для васъ это, конечно, пустякъ, призракъ, но для меня — весьма существенная вещь... Примите увѣреніе въ томъ, что подношеніе это я дѣлаю вамъ, исполненный самыхъ смиренныхъ христіанскихъ чувствъ. Остаюсь, сударыня, и проч., и проч.

Это была нелегкая, мучительная работа, потому что дерзость словъ явно сквозила изъ-подъ наведеннаго на нихъ лака. Я сидѣлъ и съ восторгомъ перечитывалъ ихъ опять и опять, когда кто-то, не постучавшись, открылъ дверь, и я увидалъ передъ собою маленькаго мальчика, подталкивавшаго впередъ дрожавшую отъ смущенія даму.

— Папа, — сказалъ Давидъ, — это мама...

Познакомивъ насъ, онъ перенесъ свое вниманіе на электрическіе выключатели и принялся зажигать и гасить свѣтъ съ такой быстротой, будто считалъ эти огни, напоминавшіе вспышки молній, необходимой декорацией къ нашей первой встрѣчѣ... Кажется, на ней была шляпка съ голубыми перьями. Можетъ быть, это мало-правдоподобно, но я убѣжденъ въ томъ, что на ея слишкомъ кокетливой шляпкѣ были голубыя перья, а въ рукахъ она держала муфту... Муфта самое опасное оружіе въ рукахъ женщины, и такъ какъ даже болѣе люди не носятъ муфты ранней осенью, я тотчасъ сообразилъ, что она надѣла самую красивую свои вещи съ цѣлью очаровать меня. Но глубокому моему убѣжденію, она вспомнила въ этотъ день, что носила голубое платье въ тѣ дни, когда я наблюдалъ ее изъ окна клуба... Да, эта Мэри прелестная женщина, хотя и не въ моемъ вкусѣ...

Она была блѣднѣе обыкновеннаго и улыбалась трогательной улыбкой человека, близкаго къ обмороку. Это, конечно, было все напускное... Юбки ея мелодично шелестѣли въ хосей комнатѣ, но возможно, что это было лишь обманъ слуха, ибо до этого дня стѣны мои не слышали шелеста женскихъ юбокъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ меня раздражала тягостная мысль о томъ, что Мэри при всей своей кажущейся смущенности очень хитрая, ловкая женщина...

Съ такой же быстротой, съ какой Давидъ открывалъ и закрывалъ выключатели, я быстро закрылъ продусной бумагой посвященіе и холодно сказалъ:

— Садитесь, пожалуйста... — Но она все стояла, взволнованная, испуганная, и я видѣлъ, что она плотно сжала руки въ своей муфтѣ... Если бы намъ въ эту минуту представился какой-либо достойный способъ бѣгства, мы оба не преминули бы воспользоваться имъ...

— Мнѣ не надо было идти сюда, — нервно проговорила она и замолкла, ожидая отвѣта. Я кивнулъ головой.

— Мнѣ страшно было идти сюда, — съ несомнѣнной уже искренностью добавила она.

— И все-таки я пришла, — закончила она сухо.

— Это краткій конспектъ всей вашей жизни, сударыня, — сказалъ я тогда и пододвинулъ ей кресло.

Она заговорила о моихъ прогулкахъ съ Давидомъ по Кенсингтонскому парку, о всякихъ пустякахъ, о которыхъ я не упоминалъ въ этой книгѣ; и моихъ выходкахъ въ отношеніи ея въ тѣ дни, когда я бывалъ не въ духѣ, и голосъ ея былъ такъ же мя-

гокъ и иѣженъ, какъ ея муфта. Она очаровательно произносила „р“ и „с“, совсѣмъ такъ, какъ произносить эти согласныя феи...

— И вотъ, — говорила она, — вы не хотѣли придти ко мнѣ, чтобы выслушать мою благодарность, и я пришла къ вамъ...

И самымъ нелѣпымъ образомъ выразила мнѣ свою благодарность. Тихо вынула одну руку изъ своей муфты и улыбнулась мнѣ влажными глазами.

— Ахъ, Господи! — растерянно промолвилъ я, но руки ея не взялъ.

— Я еще не совсѣмъ окрѣпла, — сказала она.

Это была недостойная хитрость. Она сказала это затѣмъ лишь, чтобы я взялъ ея руку. И я взялъ ея руку и даже слѣгка пожалъ ее. Вслѣдъ за этимъ я быстро отошелъ къ окну. Мнѣ совѣстно стало посвященія, которое я написалъ.

Я отошелъ къ окну. Мнѣ казалось, что за ея спиной мнѣ легче будетъ говорить съ нею суровымъ тономъ, и мнѣ сильно захотѣлось опять уязвить ее чѣмъ-нибудь.

— Когда вы кончите, сударыня, — сказалъ я послѣ долгой паузы, — вы, быть-можетъ, разрѣшите и мнѣ вставить слово?

Я видѣлъ только ея затолокъ, но по выраженію лица Давида, отразившаго ея быстрый взглядъ, брошенный на него, я понялъ, что мнѣ не удалось уязвить ее. Я даже почувствовалъ, — какъ и до того впрочемъ, чувствовалъ, — что, хотя она очень взволновалась и какъ будто робѣла, ей было, однако, очень весело...

При такомъ ея настроеніи мои попытки уязвить ее, конечно, должны были отскакивать отъ нея, какъ горохъ отъ стѣны.

Тогда я взглянулъ на свои часы и сказалъ.

— Чѣмъ же, сударыня, вы объясняете всѣ мои поступки?

Она не отвѣтила словами, но вытянулась въ своемъ креслѣ, и я догадался по ея позѣ, что она придала своему лицу выраженіе безупречной скромности...

— Вы ошибаетесь, сударыня, — рѣзко бросилъ я, — вовсе не потому...

Къ величайшему моему удовольствію она вскочила съ кресла.

— Я этого никогда не говорила, — горячо, съ негодованіемъ начала она. — Мнѣ это никогда и въ голову не приходило. — И, помолчавъ немного, добавила: — Я даже не понимаю, почему вы объ этомъ заговорили...

Я, вѣроятно, улыбнулся, потому что она быстро отвернулась отъ меня, опустилась въ кресло и опять стала маленькой, маленькой женщиной...

— Давидъ, — безжалостно промолвилъ я, — хочешь видѣть, какъ твоя мать вспыхиваетъ?

— Что это значитъ?

— Это значитъ — покраснѣть, какъ огонь.

Давидъ, тѣмъ временемъ успѣвшій уже испортить звонокъ, соединявшій мой кабинетъ съ людской, бросился къ матери.

— Я не покраснѣла, Давидъ, — вскрикнула она.

— Полагаю, что она теперь это сдѣлаетъ, — сказалъ я и съ деликатностью воспитаннаго человѣка отвелъ глаза въ сторону. Что именно произошло

затѣмъ, я поэтому сказать не сумѣю, но Давидъ вдругъ восторженно воскликнулъ:

— О, мама, еще разъ...

Но она, видимо, не хотѣла опять покраснѣть. Тогда онъ вскарабкался на каминную рѣшетку, чтобы посмотрѣть въ зеркало, не сумѣетъ ли онъ самъ это сдѣлать... Мэри повернула ко мнѣ свое скромное личико, на которомъ и прочесть не упрекъ, а только материнскую нѣжность. Какое мужское сердце можетъ устоять передъ нѣжностью материнскаго взгляда?

— Видите, — сказала она съ сіяющими глазами и довѣрчивымъ движеніемъ подалась ко мнѣ, — и это могу простить... Вы давно уже заслужили право обижать меня...

У меня, конечно, мгновенно пропала всякая охота обижать ее, и въ душѣ моей шевельнулось новое для меня теплое чувство къ ней.

— А если я даже и подумала это на минуту, — начала она съ неувѣренной улыбкой.

— Что именно? — безобидно спросилъ я.

— То, о чемъ мы говорили, — отвѣтила она съ сердцемъ, но прощая мнѣ и этотъ вопросъ. — Если я и думала это... Ну, что же, это было для меня отрадой, пока это длилось, и вѣдь это длилось такъ недолго. Я давно уже поняла, что вашимъ вниманіемъ ко мнѣ я обязана чему-то другому...

— Сударыня, — чистосердечно началъ я, — я не знаю, чѣмъ это было вызвано... Мое участіе въ вашей судьбѣ вѣдь было вначалѣ очень незначительно и, если хотите, отчасти даже подеказывалось эгоизмомъ. Я помню, какое удовольствіе мнѣ доставляло когда-то любоваться легкой походкой счастливой мо-

лоденькой бонны, бѣгавшей на свиданіе со своимъ возлюбленнымъ. Быть любимой — мнилось вамъ тогда такимъ огромнымъ счастьемъ, и я часто думала о томъ, какъ хорошо было бы, если бы вы могли оттянуть его какъ можно дольше. Быть-можетъ, потому, что я помогъ однажды вашему счастью, уронивъ письмо на улицѣ, я понять, какъ легко, въ сущности, быть вамъ полезнымъ. Долженъ вамъ сказать, что я уже лѣтъ двадцать какъ предпочитаю идти въ жизни самыми легкими путями.

Она покачала головой и улыбнулась.

— Вѣрьте моему слову, — сказалъ я, — никакой другой причины быть не могло...

— Доброе сердце, — проговорила она.

— Быть-можетъ, скорѣе прихоть... — отвѣтилъ я.

— Или другая женщина, — сказала она.

Я опѣшилъ.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ, — добавила она глухимъ, дрожащимъ, нѣжнымъ голосомъ, какъ-будто не знала, что черезъ двадцать лѣтъ самые пылкіе романы покрываются плѣсенью.

Клянусь честью солдата, такое объясненіе моего вниманія къ Мэри никогда не приходило мнѣ въ голову, но я принять его къ свѣдѣнію, взять ее руку и поднести къ губамъ, какъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ всякій другой старый холостякъ, если бы милая женщина сумѣла угадать его давно погребенную нѣжную тайну...

— Да, сударыня, — сказалъ я, — вы изволили сдѣлать очень чуткое наблюденіе... Въ немъ есть доля правды... Не будемъ больше говорить объ этомъ...

Но на столѣ подъ пропускной бумагой все еще лежало проклятое посвященіе. У меня никакого желанія не было больше ошарашивать ее имъ. Въ эту минуту я даже сочувствовалъ крушенію ея мечты о книжкѣ, на которую она возлагала столько честолюбивыхъ надеждъ.

— Если бы вы только не были такъ жадны и честолюбивы, — сказалъ я съ искреннимъ сочувствіемъ, думая о ея недавнемъ разочарованіи въ своемъ писательскомъ талантѣ.

— Мнѣ хотѣлось обладать всеми прекраснѣйшими въ мірѣ вещами... — согласилась она съ раскаяніемъ въ голосѣ.

— Это было неблагоприятно, — пожурилъ я ее и, обращаясь уже къ ея разсудку, добавилъ: — Особенно ваша послѣдняя затѣя...

— Да, я знаю, — чистосердечно созналась она. И, къ изумленію моему, торжествующе добавила:

— Но я все-таки получила то, чего хотѣла...

Мой взглядъ нѣсколько охладилъ ея восторгъ, она понизила тонъ и продолжала уже, какъ бы извиняясь, — я былъ увѣренъ, что она все говоритъ о своей писательской славѣ.

— Я знаю, что не заслужила этого, но все-таки получила то, о чемъ мечтала...

— О, сударыня, — укоризненно воскликнулъ я. — Да вы подумайте... Что же вы такого сдѣлали?

И я видѣлъ, какъ она перебирала мысленно все свои достиженія — безцѣнный супругъ, сомнительная слава, Давидъ, Варвара и другія сокровища своего драгоценнаго ларца.

— А мнѣ кажется, что я все-таки что-то сдѣлала...

— Послушайте, сударыня, — воскликнулъ я уже съ раздраженіемъ, — я сейчасъ покажу вамъ одну вещь, о которой вы пламенно мечтали и которой вы не добились...

Вы, конечно, знаете, что я хотѣлъ ей показать, и когда я сказалъ ей про книжку, она съ неслыханнымъ безстыдствомъ воскликнула:

— Книга... Я и забыла говорить объ этой книгѣ.

И, подумавъ немного, добавила:

— Подумай, книга!

Если бы она не добавила: «Подумай, книга» — я, быть-можетъ, еще пощадилъ бы ее, но послѣ этого восклицанія я рѣшительно поднялъ прессы-

панье и поднесъ ей рукопись.

— Это что? — спросила она.

— Это, — гордо отвѣтилъ я, — «Посвященіе» — и отнесъ къ окну.

И вдругъ я услышалъ за собою какой-то совершенно неожиданный звукъ... Это былъ, очевидно, смѣхъ, но она съ мгновенной быстротой подавила его, тотчасъ подошла ко мнѣ и, глядя на меня широко-ми, ясными глазами, легко дернула меня пальцами за рукавъ. Давидъ тоже всегда дергаетъ меня за рукавъ въ внезапныхъ порывахъ нѣжности ко мнѣ.

— Какъ это характерно для васъ, — проговорила она.

— Характерно? — растерянно повторилъ я.

— И какъ мило...

— Мило вы находите?

— Но вѣдь самое-то существенное получила я, а у васъ всего только призракъ, — сказала она, — неужели вы этого не понимаете?

Я отлично понималъ, что это главный изъянъ въ моемъ посвященіи, но я никакъ не предполагалъ, что она это пойметъ... Я даже словъ не находилъ для отвѣта, до того я былъ удрученъ.

— Тутъ еще есть одна ошибка, — продолжала она.

— Простите, сударыня, больше здѣсь ошибокъ никакихъ нѣтъ.

— Я никогда не собиралась писать о моей Бѣлой птичкѣ, — сказала она.

Я вѣжливо-недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее, и тогда она ошеломила меня такимъ заявленіемъ:

— Я хотѣла написать книгу о вашей Бѣлой птичкѣ. О маленькомъ мальчикѣ, котораго звали Тимофеемъ...

Она такъ очаровательно произносила имя „Тимофей“... Мы съ Давидомъ ушли въ другую комнату и оставили ее одну съ рукописью моей книжки... Когда мы вернулись опять, она ошеломила меня неожиданностью, превозшедшею всѣ другія неожиданности этого дня...

Она и смѣялась и плакала, что, конечно, было въ порядкѣ вещей, потому что какая же женщина не смѣялась бы и не плакала надъ книгой, написанной на такую интересную тему, какъ она сама...

— Но, — добавила она, — какъ вы заблуждаетесь, воображая, что книга эта написана обо мнѣ и о моемъ мальчикѣ... Эта книга о Тимофѣѣ...

Въ первое мгновеніе слова ея показались мнѣ нелѣпымъ вздоромъ, но, подумавъ немного, я согла-

сился въ душѣ, что это, пожалуй, и правда, и сразу присмирѣлъ передъ этой проникательной умненькой женщиной.

— Въ концѣ-концовъ, — сказала она, всплеснувъ руками (Давидъ всплескиваетъ руками, когда его охватываетъ внезапная счастливая догадка), — въ концѣ-концовъ, это все же моя книга...

— Но въ ней нѣтъ вашихъ прекрасныхъ мыслей, которыя вы бы, вѣроятно, вложили въ нее, — смиренно добавилъ я.

Она понизила голосъ, словно не желая, чтобы Давидъ слышалъ ея дальнѣйшія слова:

— Я бы только приписала еще къ этой книгѣ счастливый конецъ.

Она проговорила это такъ тихо и робко, что я едва было не растаялъ отъ нѣжности къ ней, и вдругъ съ неожиданной увѣренностью добавила:

— Бѣлая птичка должна была бы принести въ своемъ клювѣ маслянную вѣта...

Она долго и серьезно говорила мнѣ о великомъ планѣ, который взлетѣла въ своемъ сердцѣ, и держала меня за рукавъ, словно испрашивая моего согласия... Я почтительно слушалъ ее, улыбаясь материнской заботливости этой молоденькой женщины о моей судьбѣ, и, когда она кончила, напомнилъ ей, что мнѣ уже сорокъ семь лѣтъ...

— Для мужчины это ничего не значить, — нагло отвѣтила она.

— Отцу моему не было еще сорока семи лѣтъ, когда онъ умеръ, — сказалъ я. — И, помню, онъ мнѣ казался уже старикомъ...

— Но вы вѣдь себя не кажетесь старикомъ? — настойчиво продолжала она. — Вы вѣдь порою, навѣрно, еще чувствуете себя совсѣмъ-совсѣмъ молодымъ. Когда вы играете въ паркѣ съ Давидомъ, развѣ вы не чувствуете временами прилива молодости... Скажите...

— Мэри А., — вскрикнулъ я, испугавшись вдругъ этой женщины, — я покорнѣйше прошу не дѣлать сегодня больше психологическихъ открытій...

Но она опять вернулась къ прежней темѣ разговора, которая, очевидно, и привела ее ко мнѣ.

— Я знаю столько милыхъ женщинъ, — вкрадчиво вставила она.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, — отвѣтилъ я. — Разъ онѣ ваши знакомыя, стало быть, навѣрно, милыя женщины...

— Не такъ, чтобы уже молодыя, — начала она опять, заминаясь немного, — и, быть-можетъ, не очень красивыя...

Но она только что прочитала главу о моей молодой любви и пристыженно замолкла, почувствовавъ, очевидно, что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предлагать такія вещи человѣку, который когда-то въ счастливые дни своей жизни могъ остановить свой выборъ только на прекраснѣйшей во всемъ мірѣ женщинѣ.

Мои мысли тоже обратились къ прошлому, и передо мной въ послѣдній разъ мелькнула въ синей мглѣ сосноваго лѣса маленькая соломенная шляпка. Съ этой страницы мы съ Мэри вернулись къ дѣйствительности.

И, кажется, говорилъ вамъ, читатель, что разговоръ этотъ происходилъ не далѣе, какъ вчера.

— Ладно, — сказать я съ напускною бодростью, — я приду къ вамъ чай пить, и мы потолкуемъ объ этомъ...

Больше ей ничего и не нужно было отъ меня, но, когда она добилась, наконецъ, того, чего ей хотѣлось, ея милые, искренніе глаза затуманились слезами... Она отлично понимала, что нѣтъ ничего прекраснѣе молодой любви...

Теперь пришелъ мой чередъ утѣшать ее.

— После двадцати лѣтъ одиночества, Мэри, — сказалъ я, улыбаясь ея слезамъ, — человѣкъ становится менѣе требовательнымъ къ людямъ и къ жизни... Я накопилъ въ себѣ большой запасъ нѣжности, а подлѣ меня нѣтъ никого, на кого я могъ бы ее излить... Клянусь вамъ честью стараго солдата, если одна изъ этихъ женщинъ сумѣетъ меня полюбить, я буду очень счастливъ...

Мэри мой отвѣтъ какъ-будто чрезвычайно обрадовала, однако, отъ моего вниманія не ускользнуло и ея удивленіе. Я и самъ себя удивился. Но то, что я говорилъ — была правда.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. Давидъ и я совершаемъ путешествіе	7
II. Маленькая бонна	17
III. Ея замужество, ея гардеробъ, ея аппетитъ и ея обстановка	29
IV. Ночное бѣдствіе	41
V. Тимофей	50
VI. Моя утрата	61
VII. Погибшая мечта	66
VIII. Безнадежный хомостакъ	86
IX. Досужія размышленія	96
X. Бѣгство съ коляской	99
XI. Пріятнѣйшій клубъ въ Лондонѣ	112
XII. Прогулка по парку	122
XIII. Питеръ Пэнъ	135
XIV. Гитъдо проза	149
XV. Полночный часъ	163
XVI. Маленькій домикъ	179
XVII. Козликъ Питера Пэна	203
XVIII. Необычайное событіе	217
XIX. Параллель между Давидомъ и Портосомъ	223
XX. Уильямъ Петерсонъ	232
XXI. Кіоуиъ Двой	244
XXII. Пильмангстонъ	256
XXIII. Варвара	269
XXIV. Составленіе	280
XXV. Посвященіе	283

Складъ изданія:
Russische Bücherzentrale „Obrasowanije“ G. m. b. H.
Berlin, Nürnberger Strasse 65

1

5

2